

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Минусинский региональный краеведческий
музей им. Н. М. Мартянова»

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МИНУСИНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА**

Выпуск 6

Минусинск
2024

УДК 94(57):001.891
ББК 63.3(253):72.4(253)
У91

Рецензенты:

А. В. Поляков – д. и. н., директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

В. Н. Тугужекова – д. и. н., профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», ведущий научный сотрудник Южно-Сибирского филиала ГНИУ «Институт истории материальной культуры Российской академии наук»

Руководитель проекта:

С. А. Борисова, директор МБУК МКМ

Редакционная коллегия:

В. Г. Чернышёва – редактор; зав. издательским отделом МБУК МКМ

Е. Ю. Сидорина – секретарь; зав. научной библиотекой МБУК МКМ

М. Г. Зарко – корректор; н. с. МБУК МКМ

У 91 Учёные записки Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова: [текст] / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова» ; ред. В. Г. Чернышёва. – Минусинск, 2024. – Вып. 6. – 228 с. : ил.

ISBN 978-5-0064-6057-7

Печатается по решению научно-методического совета МБУК МКМ

В сборник вошли статьи исследователей, занимающихся изучением истории и культуры Южной Сибири.

Книга будет полезна как учёным, исследователям Саяно-Алтайского региона, так и читателям, интересующимся различными аспектами истории Сибири.

УДК 94(57):001.891
ББК 63.3(253):72.4(253)

© МБУК «Минусинский региональный
краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова»
Отпечатано в ООО «Издательские решения»

РАЗДЕЛ I. АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 902/908

**Н. И. Дроздов
В. И. Макулов
В. И. Привалихин**

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДОЛИНЫ РЕКИ ПОДКАМЕННАЯ ТУНГУСКА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ (1921–2021 ГОДЫ)

Аннотация. В статье приводится исторический обзор археологических исследований долины реки Подкаменная Тунгуска, являющейся одним из крупнейших правых притоков р. Енисей. Долина реки расположена в центральной части трапповых плато Среднесибирского плоскогорья, глубоко врезаемая с отметками до 700 м, русло изобилует порогами и шиверами, местность таёжная. История археологических исследований началась в 1921 г. открытием первой стоянки А. Я. Тугариновым. Значительный вклад в изучение археологических памятников в устье реки внёс Р. В. Николаев, проведя первые раскопки, в результате которых исследователь обнаруживает материалы эпохи неолита, энеолита, железного века и находит аналогии с материалами Прибайкалья, Ангары, Среднего Енисея и Приобья. В 60-е годы масштабные разведочные работы в среднем и нижнем течении Подкаменной Тунгуски были проведены сотрудником Института археологии АН СССР Г. И. Андреевым совместно с геологами. Было открыто более 30 стоянок эпохи неолита и более позднего времени, в том числе стратифицированных. Материалы стоянок, по его мнению, имеют множественные аналогии

со стоянками сопредельных регионов. В 1981-1982 гг. сотрудничеством Красноярского краеведческого музея В. И. Привалихиным в верхнем течении реки проведены разведки, в ходе которых было открыто и вновь обследовано около двух десятков стоянок от эпохи неолита до железного века, материал которых аналогичен материалам стоянок Северного Приангарья. В 1981 г. разведку в низовьях реки провёл сотрудник музея Н. П. Макаров, открыв и осмотрев несколько памятников. В 1988-89 гг., 1991 г. и 1999 г. сотрудниками Красноярского педагогического университета В. И. Макуловым и В. А. Погудиным проведены работы по паспортизации археологических памятников на участке реки от знака 1200 км до ее устья. Было открыто и вновь обследовано более 150 разновременных памятников, большая часть которых подвержена разрушениям. Выделено несколько археологических районов. Полученные материалы имеют как определенное своеобразие, так и аналогии с памятниками сопредельных регионов. В 2004 г. в верховьях реки работал П. В. Мандрыка, открыв и обследовав в устье р. Водозимы разрушенную геологами стоянку, которую он датировал эпохой мезолита – железного века. В течение вековой истории отдельные находки артефактов и стоянок были сделаны геологами, исследователями других научных направлений, местными жителями и передавались в музеи и научные организации.

Основная часть памятников, открытых к настоящему времени, разрушается и требуется скорейшее проведение охранно-спасательных археологических работ, иначе многие из них будут безвозвратно утеряны.

Ключевые слова: река Подкаменная Тунгуска, Красноярский край, археологические разведки, памятники археологии, археологический район, неолитические комплексы, каменные орудия, изделия из железа.

N. I. Drozdov
V. I. Makulov
V. I. Privalichin

**THE HISTORY OF THE ARCHAEOLOGICAL STUDY
OF THE VALLEY OF THE THE PODKAMENNAYA
TUNGUSKA RIVER IN THE KRASNOYARSK
TERRITORY (1921-2021)**

Abstract. The article provides a historical overview of archaeological studies of the valley of the Podkamennaya Tunguska River, which is one of the largest right tributaries of the river Yenisei. The river valley is located in the central part of the trap plateaus of the Middle Siberian plateau, deeply embedded with marks up to 700 m, the river bed abounds with rapids and shivers, the terrain is taiga. The history of archaeological research began in 1921 with the discovery of the first parking lot by A. Ya. Tugarinov. A significant contribution to the study of archaeological sites at the mouth of the river was made by R. V. Nikolaev, who conducted the first excavations, as a result of which the researcher discovers materials from the Neolithic, Eneolithic, Iron Age and finds analogies with materials from the Baikal region, Angara, Middle Yenisei and the Ob region. In the 1960s, large-scale exploration work in the middle and lower reaches of the Podkamennaya Tunguska was carried out by G. I. Andreev, an employee of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences, together with geologists. More than 30 Neolithic and later sites, including stratified ones, have been discovered. The materials of the parking lots, in his opinion, have multiple analogies with the parking lots of neighboring regions. In 1981-82, explorations in the upper reaches of the river were conducted by V. I. Privalikhin, an employee of the Krasnoyarsk Museum of Local Lore, during which about two dozen sites of the Neolithic – Iron Age were discovered and re-examined, the material of which is similar to the materials of the

sites of the Northern Angara region. In 1981, exploration in the lower reaches of the river was carried out by N. P. Makarov, an employee of the museum, who discovered and examined several monuments. In 1988-89, 1991 and 1999, employees of the Krasnoyarsk Pedagogical University V. I. Makulov and V. A. Pogudin carried out work on the certification of archaeological monuments on the section of the river from the sign 1200 km to its mouth. More than 150 monuments of different times were discovered and re-examined, most of which are subject to destruction. Several archaeological areas have been identified. The materials obtained have both a certain originality and analogies with the monuments of neighboring regions. In 2004, P. V. Mandryka worked in the upper reaches of the river, having discovered and examined the site destroyed by geologists at the mouth of the Vodozima River, which he dated to the Mesolithic-Iron Age era. During the centuries-old history, individual finds of artifacts and sites were made by geologists, researchers of other scientific fields, local residents, and were transferred to museums and scientific organizations. The main part of the monuments that have been discovered to date is being destroyed and it is necessary to carry out security and rescue archaeological work as soon as possible, otherwise many of them will be irretrievably lost.

Keywords: Podkamennaya Tunguska River, Krasnoyarsk Territory, archaeological surveys, archaeological sites, archaeological area, neolithic complexes, stone tools, iron products.

Научное открытие первой археологической стоянки в долине р. Подкаменная Тунгуска было сделано в 1921 г. комплексной экспедицией Красноярского музея Приенисейского края под руководством А. Я. Тугаринова. Стоянка была обнаружена на окраине небольшой деревни, носящей название Подкаменная Тунгуска и расположенной на правом берегу в устье реки [Тугаринов, 1924]. Археологический материал был зафиксирован в культурном слое, где «На границе песков и почвенного горизонта найдены черепки и шлаки», а также собран на склоне террасы. Несколько изделий из камня были получены участ-

никами экспедиции у местного жителя И. А. Алексеева [Тугаринов, 1924]. Объединённая коллекция предметов, переданных в Красноярский музей со стоянки у д. Подкаменной Тунгуски, включала полированные (шлифованные – *авт.*) тёсла из яшмы, ножевидные пластины, фрагменты скребка и остроконечника, фрагменты орнаментированного и неорнаментированного сосудов. Анализируя впоследствии эти находки, археолог Р. В. Николаев отмечал, что каменный инвентарь имеет сходство с неолитическими материалами Прибайкалья, а также относится к эпохе металла, что свидетельствует о многослойности и разновременности памятника [Николаев, 1960]. Мы бы хотели отметить, что собственно авторство первых «донаучных» сборов археологических предметов на стоянке, произведённых задолго до прибытия научной экспедиции, принадлежит жителям д. Подкаменная Тунгуска, в частности И. А. Алексееву. Удивителен ещё один факт: экспедиция А. Я. Тугаринова преодолела по Подкаменной Тунгуске почти 1400 км, и на всём этом участке не был зафиксирован ни один археологический памятник. На сегодняшний день их обнаружено более 150, и в основном это памятники открытого типа, расположенные на широких песчано-галечных береговых косах, в устьях крупных притоков, у речных порогов и шивер.

После открытия, совершенного экспедицией А. Я. Тугаринова, в исследованиях наступил 37-летний перерыв. В этот промежуток времени на берегах реки разными людьми были сделаны случайные единичные находки археологических предметов, сведения о которых или сами предметы были переданы в Красноярский краеведческий музей [Вайнштейн, 1951; Макаров, 1989; Данилейко, 2011; Орехова, 2011].

В 1958 г. изучение стоянки в д. Подкаменная Тунгуска было проведено отрядом Красноярского краеведческого музея, под руководством Р. В. Николаева. Был произведён осмотр стоянки, собран подъёмный археологический материал, а в её центральной части заложен раскоп. В раскопе были выявлены культурные слои неолитического и энеолитического времени

с многочисленным каменным инвентарём и фрагментами керамических сосудов. В верхнем отделе раскопа обнаружены несколько предметов, относящихся к железному веку. В 1959 г. раскопки на стоянке были продолжены, и были обнаружены материалы, относящиеся к эпохе неолита, энеолита, как и при работах 1958 года. [Николаев, 1960, 1963, 1998, 1999].

В первой половине 60-х годов XX века в Институт археологии АН СССР поступают коллекции археологического материала, собранные на стоянках в долине р. Подкаменная Тунгуска и на её притоках геологами 5-й экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста П. П. Пашкиным, Н. В. Дреновым, Г. Н. Садовниковым, В. П. Белозёровым, В. В. Синицыным, В. П. Дунаевым, Р. А. Подрабинеком, Ю. М. Фоминым, А. М. Крауш и Л. Л. Исаевой. Коллекционный материал был настолько выразителен и ярк, что в 1963 г. Институт Археологии АН СССР направил на Подкаменную Тунгуску научного сотрудника Г. И. Андреева для обследования этих стоянок [Андреев, 1963, 2019]. В ходе работ, проведённых совместно с геологами, были обследованы семь стоянок у п. Байкит, обнаруженные на правом берегу Подкаменной Тунгуски на протяжении 6 км от посёлка вверх по её течению [Андреев, 1963, 2019; Андреев, Мандрыка, 2019]. На стоянках были собраны изделия из камня и фрагменты орнаментированных керамических сосудов, которые позволили автору открытия выделить особый тип керамики, получивший название «байкитский». Ещё две стоянки обследованы на территории п. Усть-Комо в устье р. Комо – левого притока Подкаменной Тунгуски. При их обследовании был обнаружен многочисленный разновременный каменный инвентарь: нуклеусы различных типов, тёсла (в том числе «горбатые»), каменная пешня с «ушками» и длиной около полуметра, скребки, пластинки, фрагменты глиняных сосудов. Также была проведена водная разведка от п. Усть-Комо до п. Байкит и выявлены стоянки: в устье руч. Юкта (10 км ниже р. Комо), у руч. Верхний Балкарик, на территории пп. Куюмба и Турама (материалы коллекций хранятся в фондах Исторического музея в Москве).

гически яркие экземпляры, а весь остальной материал оставил в местах находок.

В 1968 г. М. П. Карлова, являясь участницей отряда Г. И. Андреева, провела водную разведку от устья р. Комо до п. Байкит, обследовав ряд известных памятников и открыв несколько стоянок у п. Куюмба.

Исследования, проведённые отрядами Г. И. Андреева на Подкаменной Тунгуске, показали, что береговые террасы в разных местах подвержены значительным разрушениям, особенно там, где производилась вырубка леса, осуществлялись земляные работы, и на территориях населённых пунктов. Эти процессы провоцируют оттаивание многолетней мерзлоты, оползни, размывы, а также разрушение археологических памятников. Было установлено: стоянки располагаются скоплениями и концентрируются в определённых местах, а обнаруженные археологические материалы относятся к эпохе неолита – железного века и имеют аналогии с материалами Прибайкалья, Ангары, Енисея и Нижней Тунгуски; материалы стоянок нижнего и среднего течения реки разнородны; притоки Ангары и Подкаменной Тунгуски служили транспортными артериями, по которым осуществлялись взаимосвязи древнего населения этих регионов [Андреев, Фомин, 1964, 1966, 1968; Андреев, Фомин, Пашкин, 1965; Андреев, Пашкин, 1964; Андреев, 1967, 1969, 1971, 2019; Андреев, Студзицкая, 1968].

В 1979, 1982 и 1984 гг. отрядами Кемеровского государственного университета под руководством Р. В. Николаева были продолжены работы по изучению стоянок в устье р. Подкаменная Тунгуска. Обследование ранее раскапываемой стоянки показало, что за прошедшие с 1959-го годы размывами реки и деревенской застройкой было уничтожено более половины территории стоянки. В раскопе найдены орудия, аналогичные обнаруженным в 1959 г., а подъёмный археологический материал представлен каменными орудиями, имеющими аналогии в материалах стоянок Прибайкалья, относящихся к глазковскому времени. Также был осмотрен комплекс валообразных воз-

вышней высотой 15-20 см и размером от 2х2 м и 2х3 м между юго-западной оконечностью деревни и складом ГСМ. Местные жители называют это место «старые жилища» и говорят, что здесь было стойбище аборигенного населения этих мест – кетов. Не исключено, что это могли быть остатки жилищ первых русских поселенцев в этом районе. Юго-западнее «старых жилищ» у складов ГСМ Р. В. Николаевым была открыта вторая стоянка [Николаев, 1979, 1999]. В зачистке обнажения террасы был обнаружен культурный слой, зафиксированы следы сгнивших лиственничных плах, а под ними полоса угля. Подъёмный археологический материал представлен каменным инвентарем и фрагментами орнаментированной керамики, имеющей прямые аналогии с керамикой со стоянки на территории посёлка. В раскопах в центре посёлка был обнаружен каменный инвентарь и фрагменты неорнаментированной керамики. Анализируя материал многолетних исследований Р. В. Николаев отмечает, что он имеет аналогии с материалами Прибайкалья, Ангары, Среднего Енисея и Приобья и хронологически относится к неолиту – железному веку [Николаев, 1979, 1982, 1984, 1999].

В 1977 г. В. И. Привалихин обследовал группу археологических стоянок в районном центре с. Ванавара, расположенном на правом берегу Подкаменной Тунгуски, и в его окрестностях, на которых собрал интересную коллекцию каменных орудий неолитического облика [Макаров, Привалихин, Дроздов, 1978].

В 1981-82 гг. В. И. Привалихин продолжил работы в долине Подкаменной Тунгуски, возглавив разведочный отряд Красноярского краеведческого музея. Был обследован участок реки от п. Чемдальск до шиверы Безымянной, протяжённостью около 300 км. В результате были открыты и обследованы около 20 археологических стоянок времени неолита – железного века. На некоторых памятниках были собраны коллекции, представленные сотнями и даже тысячами изделий из камня. Исследователь отмечал, что памятники, как правило, приурочены к устьевым участкам притоков, порогам и шиверам, находятся на солнечной стороне, в местах, прикрытых сопками от зимних ветров.

Здесь же на берегах имеются богатые запасы сырья для изготовления орудий, а в реке обилие рыбы. Анализируя орудийный набор, исследователь приходит к выводу, что материал имеет прямые аналогии со стоянками Прибайкалья и Северного Приангарья, что свидетельствует о тесных культурных связях древнего населения этих регионов. Транспортными артериями для миграций и контактов служили крупные притоки Подкаменной Тунгуски и Ангары [Привалихин, 1983, 1984; Привалихин, Дроздов, Макулов, 2005].

В 1981 г. в нижнем течении Подкаменной Тунгуски разведку провёл сотрудник Красноярского краеведческого музея Н. П. Макаров. Он осмотрел известные памятники в устье реки и открыл стоянки у р. Чернова и Суломай, где обнаружил в культурном слое каменный инвентарь и фрагменты неорнаментированной керамики [Макаров, 1984, 1989]. В 4 км выше устья Подкаменной Тунгуски, в осыпи террасы обнаружены предметы из бронзы, датируемые временем тагарской культуры. Это является свидетельством проникновения южного культурного компонента в северные широты, которое, вероятно, проходило вдоль берегов р. Енисей.

В 1988 г. отрядом по паспортизации Красноярского пединститута в составе В. И. Макулова, В. А. Погудина, А. Л. Заики, В. Г. Буторина была проведена разведка на участке реки от п. Ванавара до её устья, в ходе чего были вновь обследованы и открыты десятки археологических памятников, собраны многочисленные коллекции разновременного археологического материала. В 1989 г., 1991 г., 1996 г., 1999 г. и 2000 г. работы по паспортизации в долине реки проводили отряды пединститута (с 1993 г. – университета) под руководством В. И. Макулова. В процессе их проведения были открыты и повторно обследованы более 150 разновременных (от мезолита – раннего неолита – до этнографической современности) археологических памятников на участке реки от её устья до километрового знака 1200 км. На стоянке Панолинская-1 у Панолинского порога проведены раскопочные работы, в ходе которых выявлен культурный

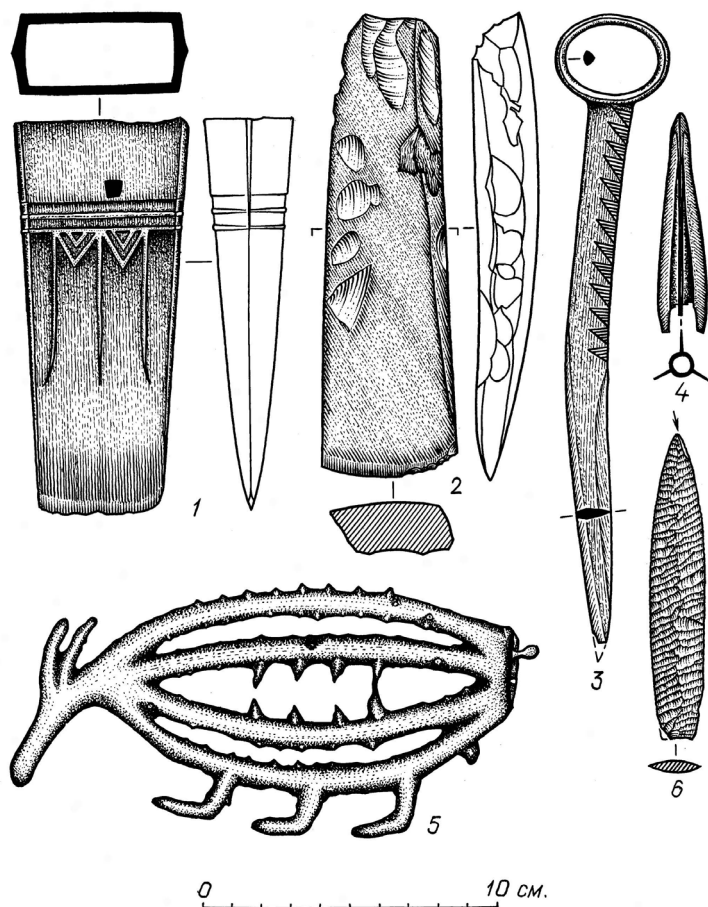

Рис. 2. Археологический материал р. Подкаменная Тунгуска: 1, 5 – устье, Подкаменная Тунгуска, случайные находки; 2, 3, 4 – устье речек Суломой и Пятивёрстка, 1981 г. (сборы Н. П. Макарова); 6 – речка Вельмо, 1981 г. (сборы В. Е. Скрипникова).

слой, нарушенный мерзлотными процессами (вспучиваниями, мерзлотными клиньями). В слое обнаружен разновременный археологический материал, представленный изделиями из камня,debitажем и фрагментами орнаментированной керамики эпохи неолита – железного века. На территории памятника на широкой каменисто-галечной косе у подножия террасы найдена каменная мастерская. Здесь процесс изготовления изделий начинался с откалывания массивных фрагментов породы на ступенчатых береговых скальных выходах роговиков (негативы крупных сколов прослеживаются на монолитах скальных поверхностей). Для этого в качестве отбойников использовались массивные кварцитовые гальки овальной формы (весом до 20 и более килограммов), которые были обнаружены здесь же и на которых отмечены негативы сколов от мощных ударов (гальки оставлены в местах обнаружений). На поверхности прибрежной косы, среди крупных валунов и по склону террасы были обнаружены тысячи оббито-ретушированных преформ, заготовок орудий и самих орудий, различного типа нуклеусов, которые, возможно, первоначально предназначались для транспортировки в соседние регионы (около 2000 экз.). Здесь же найдено множество готовых орудий широкого номенклатурного набора (несколько сот экземпляров). Но самыми массовыми артефактами, представленными десятками тысяч, являются отходы каменной индустрии, часть из которых имеет вторичную обработку.

В разведочных траншеях на стоянке Нижняя Лакура, что в устье одноимённой реки и в 1,5 км выше Паноликского порога, в культурном слое были найдены очень компактные скопления сколов и отщепов (от крупных-первичных до мелких чешуек), позволявших восстановить весь технологический процесс изготовления конкретного орудия. Такое же скопление вместе с наковаленкой из плоской плитки роговиковой породы и отбойником из овальной гальки было обнаружено в культурном слое в шурфе на стоянке Зимовье Чамбэ 2.

Чаще всего памятники расположены многочисленными скоплениями вдоль береговой линии в традиционных местах:

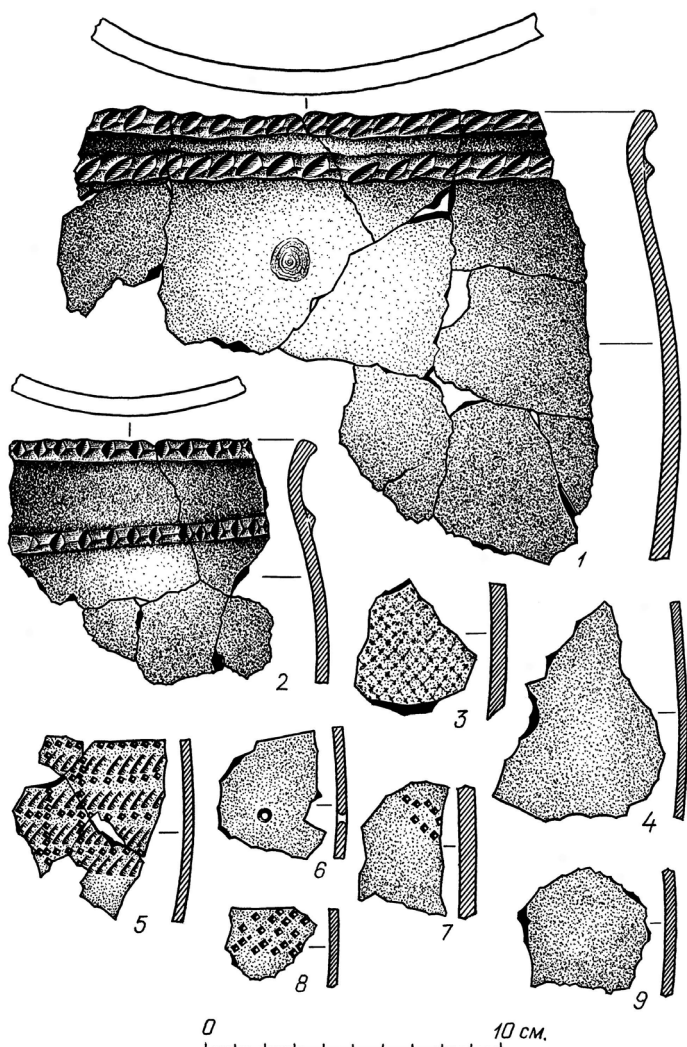

Рис. 3. Фрагменты керамических сосудов с Подкаменной Тунгуски. Материалы исследований АЭЭКМ. 1, 2 – устье речки Тэтэрэ, 1981 г.; 3 – Чемдальск-1, 1982 г.; зимовье Панова В. Ф., 1982 г.; 7 – Чамбёнский порог, 1982 г.; 8, 9 – зимовье Чамбэ, 1981 г.

приустьевых участках притоков, у крупных порогов и шивер на прибрежных террасах, что позволило выделить ряд археологических районов на первоначальных этапах исследований: Байкитский, Ванаварский, Оскобенский, Панолинский, Усть-Оскобенский, Чамбинский [Макулов, 1998], а в ходе дальнейших исследований выделены Усть-Тунгусский, Усть-Тайгинский, Собинско-Оскобенский археологические районы [Макулов и др., 2001]. Здесь отмечаются широкие продувные песчано-галечные косы, обилие сырья для изготовления орудий, а крупные речные притоки являлись удобными транспортными артериями для продвижения в глубь тайги, на притоки Ангары, Нижней Тунгуски. Как правило, устьевые участки рек, пороги и шиверы отличались обилием рыбы, которая являлась одним из важнейших источников промысла и питания. Единичные стоянки были зафиксированы нами на возвышенностях и вершинах скальных утёсов. Многочисленные стоянки, расположенные на паберегах, представляются нам кратковременными, сезонными – используемыми только в летний период, а расположенные на вершинах возвышенностей использовались, возможно, в периоды высоких весенних паводков, когда вода в реке (как и в настоящее время) поднималась на многие метры.

Археологический материал верхнего и среднего течения Подкаменной Тунгуски зачастую отличается массивностью, множеством преформ и заготовок. В качестве сырья для их изготовления массово использовались такие породы, как роговиковики, роговиковые траппы, глинисто-кремнистые сланцы. В нижнем течении больше изделий из кремнистых, яшмовидных пород и траппов. Имеются отдельные изделия из халцедона. На ряде памятников были обнаружены орудия с частичной шлифовкой, шлифованные полностью, шлифованные орудия с вторичной подработкой (подживлением) после сработанности в ходе использования. Артефакты, в большинстве случаев, имеют множество аналогий с материалами стоянок Ангары, Прибайкалья, Среднего Енисея, Нижней Тунгуски, Таймыра, Приобья и Лены, что свидетельствует об обширных культурных связях

таёжного населения этих регионов, миграционных процессах и сезонном проживании на берегах различных рек. Обнаружены на стоянках и единичные изделия из железа, бронзы [Макулов, 1989, 1991, 1992, 2001, 2012, 2018; Макулов и др., 1991, 2001, 2012; Макулов, Леонтьев, 2003].

В 2004 г. в верхнем течении Подкаменной Тунгуски и её левом притоке р. Водозима работал отряд Красноярского государственного университета под руководством П. В. Мандрыка, открыв несколько новых памятников. Один из них – стоянка Водозимская Заимка-1, обнаруженная в устьевом участке р. Водозимы, частично уничтоженная вахтовым посёлком геологов. В обнажениях террасы и в шурфах были зафиксированы остатки культурного слоя и собран подъёмный материал, представленный каменным инвентарём, фрагментами орнаментированной керамики, изделиями из железа. Памятник датирован временем мезолита – средневековья [Мандрыка, 2010].

После этих исследований были сделаны несколько случайных, но чрезвычайно интересных находок, в долине Подкаменной Тунгуски и на её притоке – р. Чуня. Одна из них – находка небольшого каменного топора с «ушками» – сделана в 2009 г. заместителем директора заповедника «Тунгусский» В. Н. Зарубиным на правом берегу Подкаменной Тунгуски в 1107 км от её устья у подножия возвышенности, называемой «Гора Белая». Ранее здесь Г. И. Андреевым, В. И. Макуловым в покровных отложениях и по склону возвышенности был обнаружен археологический материал неолитического облика, в том числе топор с «ушками». Однотипные по морфологии, технике изготовления и размерам топоры с «ушками» были найдены на близких неолитических памятниках Чамбенского и Паноликского археологического районов и стоянках Северного Приангарья [Привалихин и др., 2020]. В створе Чамбенского порога на правом берегу Подкаменной Тунгуски было обнаружено каменное тесло с подшлифовкой. Ранее авторами на Чамбенском пороге была выявлена большая группа неолитических местонахождений. Данная находка сделана на одном из них и имеет аналогии

с уже обнаруженными здесь однотипными артефактами неолитического времени [Привалихин и др., 2020].

Примечательна находка, сделанная С. В. Брюхановым на правом берегу р. Чуни (одного из крупнейших правых притоков Подкаменной Тунгуски) в 180 км ниже п. Муторай. Она представляет собой стилизованное изображение «лягушки», выполненное на кварцитовой гальке в технике точечной выбивки, с использованием металлического борodka, имеющего удлинённую, коническую, приострённую форму рабочей части. На наш взгляд, этот артефакт является этнографическим, относящимся к культуре эвенков, и имеет культовое (сакральное) значение, воплощённое в камне. Этнографические данные свидетельствуют о том, что камень у коренных народов Сибири и Севера считался наиболее древней стихией мироздания, «очевидцем» мифических времён первостроения, и его широко использовали в культовой практике с целью гадания, лечения, во время проведения шаманских сеансов и при проведении промысловых культов.

Также имеются другие типичные находки отдельных артефактов с уже известных археологических объектов.

Подводя итог основных этапов археологического изучения долины реки Подкаменная Тунгуска на протяжении минувших ста лет (1921–2021 гг.) мы отмечаем, что за этот период было выявлено более 150 археологических стоянок и местонахождений, относящихся к различным археологическим культурам и охватывающих хронологический период от мезолита до этнографической современности. Археологические объекты были обнаружены практически на всём изученном участке реки от п. Чемдальск до её устья. При этом в ходе исследований были выделены места сосредоточений (концентрации) археологических памятников в приустьевых участках крупных притоков и возле порогов. Определённым своеобразием является наличие большого количества памятников открытого типа, расположенных на широких песчано-галечных косах и паберегах. На всех упомянутых участках, как правило, обилие каменного сырья,

использовавшегося для изготовления орудий, и как следствие большое количество каменного инвентаря: готовых орудий и их заготовок, нуклеусов различных типов, преформ и отходов каменной индустрии. Археологический инвентарь широкого номенклатурного спектра имеет множество аналогий с материалами стоянок Среднего Енисея, Ангара, Нижней Тунгуски, Приобья, Прибайкалья, Таймыра [Хлобыстин, 1998].

Археологические памятники, открытые в долине Подкаменной Тунгуски и её притоков за вековую историю, являются практически не изученными. Только на пяти из них были проведены очень ограниченные раскопочные работы. Большинство памятников подвержены интенсивному разрушению как воздействиями естественно-природного характера, так и антропогенными вмешательствами. Многолетнее наблюдение авторов статьи за памятниками показывает, что несколько стоянок к настоящему времени полностью уничтожены. Такое положение дел объективно требует проведения масштабных охранно-спасательных археологических раскопок, учитывая естественную отдалённость региона, отсутствие транспортной инфраструктуры, низкий уровень его заселённости и необходимость привлечения финансовых средств.

Библиографический список:

Андреев Г. И. Исследования в Эвенкии // Археологические открытия 1966 года. – М.: Наука, 1967. – С. 161-162.

Андреев Г. И., Пашкин П. П. Первые археологические находки в бассейне верхнего течения р. Чуни // Краткие сообщения института археологии. – 1964. – Вып. 101. – С. 99-101.

Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска // Краткие сообщения Института археологии. – 1964. – Вып. 101. – С. 94-98.

Андреев Г. И., Фомин Ю. М., Пашкин П. П. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 100-113.

Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Новые археологические памятники

на р. Подкаменная Тунгуска // Краткие сообщения Института археологии. – 1966. – Вып. 106. – С. 106-110.

Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Новые находки в устье Подкаменной Тунгуски // Краткие сообщения Института археологии. – 1968. – Вып. 114. – С. 46-49.

Андреев Г. И. Археологические исследования в Эвенкии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1969. – С. 188-190.

Андреев Г. И. Разведки на Подкаменной Тунгуске в 1966 г. // Краткие сообщения Института археологии. – 1969. – Вып. 117. – С. 109-113.

Андреев Г. И., Студзицкая С. В. Исследования в Эвенкии // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. – С. 207-208.

Андреев Г. И. Памятники I тыс. до н. э. на Подкаменной Тунгуске // Краткие сообщения Института археологии. – 1971. – Вып. 128. – С. 44-47.

Вайнштейн С. И. К вопросу об этногенезе кетов // Краткие сообщения Института этнографии. 1951. – Т. 13. – С. 5.

Данилейко В. По следам Северной экспедиции 1938-39 гг.: от Катарамбы до Ангары // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011. – С. 81-87.

Макаров Н. П. Работы Красноярского краевого музея // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1984. – С. 215-216.

Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск, 1989. – С. 131-188.

Макулов В. И. Новые данные по археологии Подкаменной Тунгуски // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – С. 92-93.

Макулов В. И. Археологические памятники долины р. Подкаменной Тунгуски и проблемы их изучения // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: П. О. «Сибирь», 1991. – С. 83–86.

Макулов В. И. Археологические исследования в Эвенкии, Богучанском и Большемуртинском районах Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края (Сб. науч. тр.). – Красноярск, 1992. – С. 129-131.

Макулов В. И., Дроздов Н. И., Заика А. Л., Березовский А. П. Археологические исследования в Туруханском районе Красноярского

края в 1996 году // 275 лет Сибирской археологии. – Красноярск, 1997. – С. 10-12.

Макулов В. И. Байкитский археологический район // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 55-56.

Макулов В. И. Ванаварский археологический район // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 97.

Макулов В. И. Оскобенский археологический район // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 450.

Макулов В. И. Панолинский археологический район // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 458.

Макулов В. И. Усть-Камо // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 648.

Макулов В. И. Усть-Оскобенский археологический район // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 649.

Макулов В. И. Чамбинский археологический район // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 676.

Макулов В. И., Дроздов Н. И., Леонтьев В. П., Заика А. Л. Работы в Красноярском крае и Эвенкийском АО // Археологические открытия 1999 года. – М.: Наука, 2001. – С. 258-261.

Макулов В. И. Новые данные по неолиту Подкаменной Тунгуски // География на службе науки, практики и образования. – Красноярск, 2001. – С. 58-59.

Макулов В. И., Леонтьев В. П. Новые данные по железному веку Эвенкии (бассейн реки Подкаменная Тунгуска) // Древности Приенисейской Сибири. Сб. научных трудов. Вып. II. Красноярск, 2003. – С. 59-62.

Макулов В. И., Дроздов Н. И., Привалихин В. И., Леонтьев В. П., Чеха В. П. Археологические местонахождения в долине р. Подкаменная Тунгуска и на территории государственного природного заповедника «Тунгусский» // Феномен геoarхеологической многослойности

Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 122-136.

Макулов В. И. Неолитические комплексы среднего течения р. Подкаменная Тунгуска // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2018. – Вып. 7. – С. 251-257.

Мандрыка П. В. Новые материалы с Подкаменной Тунгуски // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 5; КГПУ им. В. П. Астафьева. Красноярск: «Литера-Принт»; 2010. – С. 25-44.

Николаев Р. В. Археологические находки на севере Красноярского края // Советская археология, 1960. – № 1. – С. 254-256.

Николаев Р. В. Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск, 1963. – С. 127-130.

Николаев Р. В. Исследования стоянок в устье р. Подкаменная Тунгуска // Археологические открытия 1979 года. М.: 1980. – С. 223.

Николаев Р. В. Археологические находки из Туруханского района как источники по этногенетическим процессам на севере Сибири // Археология южной Сибири. Кемерово, 1980. – С. 20-26.

Николаев Р. В. К проблеме кетского этногенеза // Сибирский межмузейный сборник. Красноярск, 1998. – С. 176-187.

Николаев Р. В. Археолого-этнографические исследования кафедры археологии Кемеровского госуниверситета на севере Красноярского края // Археология, этнография и музейное дело. Сб. науч. тр. кафедры археологии Кемеровского гос. ун-та. Кемерово, 1999. – С. 122-127.

Орехова Н. История коллекции И. М. Суслова // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011. – С. 141-149.

Привалихин В. И. Разведка на Подкаменной Тунгуске // Археологические открытия 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 227.

Привалихин В. И. Исследования в зоне Богучанской ГЭС на Ангаре и в Эвенкии // Археологические открытия 1982 года. – М.: 1984.

Привалихин В. И., Дроздов Н. И., Макулов В. И. Археологические исследования Красноярского краевого краеведческого музея в бассейне реки Подкаменная Тунгуска (1921-1982 гг.) // Древности Приенисейской Сибири. – Вып. 4: Сб. науч. тр. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – С. 66-86.

Тугаринов А. Я. Предварительный отчёт экспедиции на

р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921 г. // Изв. Красноярского отдела Русского Географического общества. Красноярск, 1924. – Т. III. – Вып. 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:**Дроздов Николай Иванович**

д. и. н., профессор, директор Сибирского института
ОЧУ ВО «Международный инновационный университет»,
руководитель Центра исторической регионалистики
Енисейской Сибири ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный
Университет», г. Красноярск, Россия.

E-mail: kfurao@mail.ru

Макулов Владимир Иванович

мастер производственного обучения
СПб ГБПОУ «Политехнический колледж городского
хозяйства», г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kfurao@mail.ru

Привалихин Василий Иванович

к. и. н., старший научный сотрудник Красноярского краевого
краеведческого музея, г. Красноярск, Россия.

E-mail: kfurao@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:**N. I. Drozdov**

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Siberian Institute of Higher Education
«International Innovation University»,
Head of the Center for Historical Regionalism
of Yenisei Siberia, Federal State
Educational Institution of Higher Education
«Siberian Federal University», Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: kfurao@mail.ru

V. I. Makulov

Master of industrial training St. Petersburg GBPOU

«Polytechnic College of Urban Economy».

St. Petersburg, Russia.

E-mail: kfurao@mail.ru

V. I. Privalichin

Candidate of Historical Sciences, Senior researcher at

the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore.

Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: kfurao@mail.ru

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК: 93/94.908

А. В. Дерова

ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА МИНУСИНСКА В XIX – НАЧ. XX В.

Аннотация. В работе рассматривается влияние Русской Православной церкви на повседневную жизнь городского населения г. Минусинска в XIX в. История появления православной веры на территории юга Енисейской Губернии. Охарактеризован вклад купеческого капитала в развитие Русской Православной церкви в городе.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Минусинск, повседневность, Енисейская губерния, купцы.

THE IMPORTANCE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE DAILY LIFE OF THE TOWN OF MINUSINSK IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH XX CENTURY.

A. V. Derova

Abstract. The paper examines the impact of the Russian Orthodox Church on the daily life of the urban population of Minusinsk in the XIX century. The history of the emergence of the Orthodox faith in the territory of the south of the Yenisei Province. The contribution

of merchant capital to the development of the Russian Orthodox Church in the town is characterized.

Keywords: Russian Orthodox Church, Minusinsk, everyday life, Yenisei province, merchants.

Повседневная жизнь человека формируется при сочетании ряда факторов, оказывающих на неё значительное влияние. В обществе с традиционным укладом наиболее существенным регулятором повседневности выступала религия. Это не только социальный институт, позволявший обозначить границы, в рамках которых возможно осуществление деятельности человека, но и активный инструмент взаимодействия внутри социальной группы. Насколько велико было влияние православной церкви на периферии Российской империи?

Начало распространения православия на территории Хакасско-минусинской котловины связано с переселением русско-го православного населения. В г. Минусинске развитие православия принято считать с момента основания населённого пункта – д. Минусинская (1739 г.). Первыми жителями поселения были приписные крестьяне Луказского медеплавильного завода. Вслед за увеличением количества населения возникла потребность в организации общественного, духовного института. Вопрос о постройке церкви, по данным Дворецкой А. П. и Дворецкого Д. Д., стал актуальным лишь к 1780-м гг., в связи с переселением крестьян из Среднего Енисея, из Надпорожной слободы на территорию современного Минусинска [Дворецкая, 2014].

Точных данных о местонахождении первой православной церкви в городе нет. Известно, что 21 декабря 1779 г. Варлаам, епископ Тобольский и Сибирский своей грамотой разрешил заложить деревянную церковь в деревне Минусинской [Дворецкая, 2014]. В связи с этим строительством деревня приобрела новый административный статус – село. Но уже к началу XIX в. деревянная церковь обветшала, и требовались её изменения. Уже в 1796 г. было принято решение о строительстве каменной

церкви, на возведение которой была выделена одна тысяча рублей, остальные траты были возложены на плечи местных жителей.

Церковь для человека XIX в. создавала условия для консолидации общества. На воскресных службах обсуждались многие важные события, не только обыденные городские проблемы, но и события общего городского масштаба. Также высок был уровень «веры» среди малограмотного крестьянского населения села. Именно поэтому многие жители села приняли участие в строительстве каменной церкви через пожертвование. В 1801-1803 годах была заложена ныне существующая каменная церковь – Спасский собор. [Гнедовский, 1980, с. 120]. Спасский собор, являвшийся первым каменным строением в городе, был выстроен благодаря помощи купца 3-й гильдии И. Т. Масленникова. В 1853 г. он пожертвовал ещё средства на постройку придела в честь Святителя Николая в размере 11 тысяч рублей серебром.

Ещё одним примером меценатства в городе выступает пример купца 3-й гильдии Н. М. Зайцева и его супруги, которые оказали финансовую помощь в постройки Вознесенской церкви. Для колокольни М. П. Зайцева пожертвовала 72-, 30- и 10-пудовые колокола. Всего М. П. Зайцева пожертвовала свыше 25 тыс. руб. [Чащина, 2009, с. 49].

Ярким примером жертвования средств на постройку церквей в городе является постройка Свято-Троицкой церкви на средства, предоставленные И. Г. Гусевым. В 1842 г. в городе был объявлен сбор средств на возведение новой церкви. Всего на постройку церкви потребовалось 108 456 рублей, 80 % от этой суммы (87 128 рублей) было предоставлено первым главой города, почётным гражданином И. Г. Гусевым [История православных храмов Минусинска].

В городе к концу XIX в. насчитывалось три церкви и одна часовня: Спасский собор, Троицкая церковь, Вознесенская церковь и Сретенская церковь. Для малого сибирского города с на-

селением в 10 231 человек на 1897 г. это количество является существенным [Кискидосова, 2012, с. 41].

Город Минусинск находился в отдалении от административного и культурного центра, что значительно влияло и на значимость церкви как общественного института среди населения. Это выражалось во всех сферах жизни горожан. Церковь выступала местом распространения в обществе образования, нравственных и духовных норм. Так как состав населения после смены административного статуса «села» на «город» не претерпел кардинальных изменений, доминирующей религиозной группой выступали православные.

До 1822 г. большую долю жителей составляли крестьяне, которые после 1827 г. приобрели статус «мещан». Но занятия по-прежнему оставались традиционно крестьянскими: сельское хозяйство, земледелие и ремесло. Население города придерживалось расписания традиционных религиозных праздников: от Рождества до Пасхи, от Пасхи до Крещения Господня, от Покрова до Казанской и т. д. Горожане следовали циклу сельскохозяйственных работ согласно церковному календарю. Так, в 1906 г. М. Прайс, осуществил путешествие по Сибири в Монголию, и одним из населённых пунктов, в котором он делал остановку, был г. Минусинск. Буквально на первой странице своего дневника он отмечает, что вся жизнь в Российской империи регулируется «совершенным чудом мало известного святого, существование которого может быть подвергнуто сомнению, в день которого вся коммерческая и экономическая жизнь останавливается» [Price, 1916, с. 60]. Прайс прибыл в город с целью пополнения провианта для дальнейшего похода. Его приезд в город совпал с празднованием Пасхи. И вот что он отмечает: «Эти праздники проходят за поеданием орехов, ничегонеделанием и пьянством, что приносит большое неудобство». Далее автор описывает попытку приобретения яиц, которая терпит крах, так как все отказываются продать их, ссылаясь на праздник. По его описанию, городское население находилось в «ментальном оцепенении религиозного праздника» [Price, 1916, с. 60]. При этом

автор отмечает, что именно религия позволила сформироваться в российском обществе единому политическому, национальному обществу.

По подсчётам А. А. Макаренко, «за год набирался 41 праздник, плюс 45 воскресений (те, на которые праздники не приходились), общее число нерабочих дней для крестьянского населения Енисейской губернии составляло 86, т. е. почти четвертую часть календарного года. Кроме того, присутствовало большое число полупраздников – дней, когда крестьяне трудились меньше» [Макаренко, 1913, с. 23-37].

Большой вклад в развитие отношений между церковью и горожанами был привнесён самими служителями церкви. Многие священнослужители как люди образованные понимали важность просвещения для развития социокультурного пространства города и его экономического уровня. Это мотивировало их принимать участие в культурно-просветительской жизни города. Так, 24 июля 1909 г. в свет вышло очередное постановление Святейшего Синода о борьбе с пьянством. В связи с этим 9 апреля 1911 г. на территории города Спасским обществом трезвости была проведена акция, в ходе которой члены общества собирали пожертвования, читали лекции и раздавали листовки [Общество трезвости, 1912, с. 38].

Большую роль священнослужители играли и в попечительских советах города. После открытия в 1880 г. женской прогимназии встал вопрос о создании попечительского совета, который бы обеспечивал финансирование и контрольно-надзорные функции. Так в городе и появился попечительский совет, в состав которого вошли служители церкви, являвшиеся непосредственно работниками гимназии и преподававшие в стенах заведения Закон божий [Нагорных, 2009, с. 45].

Таким образом, состояние религиозной жизни в г. Минусинске повторяло ситуацию большинства провинциальных дореволюционных городов. Религиозная жизнь горожан в период с 1822 по 1917 гг. не претерпела кардинальных изменений. Церковь оставалась местом, куда горожане стремились в критиче-

ской ситуации. Церковь являлась институтом, взявшим на себя социальные и культурные функции. Действия купцов и меценатов, интеллигенции имели достаточно индивидуальную основу, которая не могла стать надёжной опорой для важных отраслей жизни городского общества. Именно поэтому религиозные институты в XIX в. играли важную роль в городском социуме, выступали в роли опоры, трактующей нормы и ценности. В то же время для представителей других конфессий, проживавших на территории города, религия имела консолидирующие и защитные функции.

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда проект № 23-28-10111, <https://rscf.ru/project/23-28-10111/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Библиографический список:

- Price M. P. *Siberia*. [Текст] / M. P. Price. – London, 1916. – 308 p
- Гнедовский В. В. Вверх по Енисею. [Текст] / В. В. Гнедовский, Э. Д. Добровольская. – Москва: Искусство, 1980. – 191 с.
- Дворецкая А. П. К вопросу о первоначальном расположении Минусинского Спасского собора // Баландинские чтения. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pervonachalnom-raspolozhenii-minusinskogo-spasskogo-sobora> (дата обращения: 29.06.2023).
- История православных храмов Минусинска. URL: <http://www.hintfox.com/article/storija-pravoslavnih-hramov-minusinska.html> (дата обращения: 29.06.2023).
- Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. [Текст] / Т. А. Кискидосова. – Абакан: Бригантина, 2012. – 312 с.
- Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния [Текст] / А. А. Макаренко. // Записки географического общества по отделению этнографии. СПб: Государственная типография, 1913. – Т. XXXVI. – 292 с.
- Нагорных В. В. Попечители [Текст] / В. В. Нагорных // Мир праху. Честь имени. Минусинск: Изд-во «Надежда и Мы». 2009. – 200 с.

Общество трезвости и православные братства // Енисейские епархиальные ведомости. – Красноярск, 1912. № 19. – С. 38. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/709/> (дата обращения: 29.06.2023).

Чащина Л. П. И встал храм... [Текст] / Л. Чащина // Мир праху. Честь имени. Минусинск: Изд-во «Надежда и Мы». 2009. – 200 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дерова Анастасия Владимировна

Аспирант ФГБОУ УВО Хакасский Государственный университет им. Н. Ф. Катанова, институт Истории и права, кафедра истории России; Абакан, Россия

E-mail: pankina.a.v@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Derova Anastasia Vladimirovna

Graduate student FGBO UVO Khakass State

University named after N. F. Katanov,

Institute of History and Law,

Department of Russian History;

Abakan, Russia

E-mail: pankina.a.v@mail.ru

УДК 908, 930.2

О. Г. Старков

НАЧАЛО СИБИРСКОГО ТРАКТА. ТЮМЕНЬ XVII ВЕКА

Аннотация: Работа посвящена формированию сухопутных маршрутов в начальный период освоения Сибири. Ключевым пунктом на Сибирском пути был город Тюмень. Почти все путешественники из России и обратно проходили через это место. Большое количество переселенцев повлияло на планировку Тюмени. Автор считает, что отправной точкой Сибирского пути является церковь Святого Георгия Победоносца на берегу реки Тура.

Ключевые слова: Сибирь, Тюмень, Сибирская дорога, Ямская слобода, Бухарская слобода

O. G. Starkov

THE BEGINNING OF THE SIBERIAN TRACT. TYUMEN IN THE XVII CENTURY

Abstract. The work is devoted to the formation of land routes in the initial period of the development of Siberia. The key point on the Siberian Road was the city of Tyumen. Almost all travelers from Russia and back passed through this place. A large number of immigrants influenced the layout of Tyumen. The author believes that the starting point of the Siberian Road is St. George's Church on the banks of the Tura River.

Keywords: Siberia, Tyumen, Siberian road, Yamskaya Sloboda, Bukharskaya Sloboda

Началом государственного освоения Сибири можно считать поход казачьего атамана Ермака Тимофеевича [9, с. 176] и по-

ставление града Тюмени. Все предыдущие походы за Камень имели эпизодический и набеговый характер.

Официальной датой основания города Тюмени считается 29 июля 1586 года, когда московские воеводы Иван Мясной и Василий Сукин да письменной голова Данила Чулков прибыли на место слияния рек Тюменка и Тура с отрядом стрельцов.

«1585 году, от Царя и Великого Князя, Феодора Ивановича, всея России, присланы въ Сибирь первые Воеводы, Василий Борисовичъ Сукинъ, да Иванъ Мясной, да писмянной Голова Данийло Чулков, и со многими ратными людми. Онижъ пришедше въ Сибирскую Землю, и поставиша первый городъ Тюмень, надъ Турою и надъ Тюменкою реками, иже прежде бысть Чингий городокъ на томъ месте» [4, с. 107-108; 7, с. 303].

С другой стороны, основателем русского города Тюмени можно считать и атамана Ермака Тимофеевича, который после битвы с татарским войском 1 августа 1582 года вынужден был остаться на зимовку рядом с брошенным татарами городком Чинги-Тура. Для защиты от возможного нападения русские поставили на свободном мысу укрепленный острог.

«И воеваша всё лето, и августа въ 1 день взяша градъ Тюмень, еже Чингида, и царя Чингиза убиша, и многие припасы и богатства взяша, и ту зимоваша, яко видя множество бусурманского языка по Туре и не смеяше плыть (далее)» [6, с. 5].

О существовании этого укрепления известно немного. Обрывочные сведения имеются в нескольких документах, введённых в исторический оборот [8, с. 297].

Тюменская крепость стала отправной точкой для территориального освоения новых земель и постановки других сибирских городов. Отсюда в том же 1586 году Данила Чулков отправился на устье Тобола для строительства своего ладейного городка, будущего града Тобольска:

«...и Воеводы, Василий Борисовичъ Сукинъ, и Иванъ Мясной, ту остановишася. А въ старую Сибирь послали Голову писмянного, Данийла Чулкова съ ратными людми, для городского поставления. Онъ же прииде на устье рекъ Тобола и Иртыша,

и поставиль ту на горе градъ, ... и нарече ему имя Тоболескъ, по реке Тоболу именованиемъ. Городъ первой былъ поставленъ Данийломъ Чулковымъ, срубленъ изъ судового ладейнова лесу небольшой, и острогомъ иное забиранъ, и стоялъ тотъ городъ по 1594 годъ» [4, с. 107-108].

В новых землях русские ставили свои поселения на стратегических местах, что позволяло им контролировать местное население и значительные территории. Почти сразу первопроездцами осваивалась существовавшая дорожная сеть, прокладывались новые пути и ходы.

Ключевым условием закладки новых острогов являлось наличие удобных путей сообщения с соседними поселениями. Это позволяло быстро реагировать на военные угрозы, пополнять людские и материальные ресурсы, своевременно отправлять собранный ясак.

В условиях таёжной зоны естественными путями сообщения были реки. Несмотря на относительную медлительность передвижения, они были более безопасными, чем сухопутные. Главные угрозы подстерегали путников в узких местах, на стоянках и у бродов. В условиях бездорожья простые и вместительные струги, дощаники и паузки могли пройти даже по очень мелким рекам в самые удалённые районы Сибири.

Казаки, стрельцы, торговые и обычные люди пользовались простыми в изготовлении деревянными лодками. Умелые плотники могли изготовить дощаник за пару недель из подручного материала.

Как признание заслуг плоскодонного флота в освоении Сибири – на гербе Тюмени изображён золотой дощаник, плывущий на восток по серебряной реке.

Отряды русских воинов шли в Сибирь по известным торговым маршрутам: через Уральский перевал, далее по рекам Тура, Тавда, Тобол и Иртыш. На их берегах ставились первые города. Вплоть до прокладки железной дороги в конце XIX века эти водные артерии сохраняли свою важность в перевозке людей и грузов.

Существенное неудобство речных путей – это их сезонность. Сухопутные дороги такого недостатка не имеют. Их маршруты пришли к нам из прошлого.

Столетиями коренные народы прокладывали удобные для себя пути. За длительный период они стали оптимальными, круглогодичными и безопасными. Неслучайно многие современные автотрассы проходят по местам древних дорог и троп. Сейчас мы не сможем установить, какие племена были первопроходцами этих территорий. Народы ушли, а дороги остались.

В начальный период русского освоения Сибири для перевозки людей и грузов привлекалось коренное население. Во-первых, эти люди хорошо знали свою местность и хорошо ориентировались на ней. Во-вторых, их дороги проходили через населённые пункты, где перевозчики могли получить необходимую помощь, ночлег и пищу у своих соплеменников.

Близость Степи с воинственно настроенным кочевым населением, разогреваемым татарской и киргизской знатью, на десятилетия наложила отпечаток на дорожную инфраструктуру молодой Сибири.

Долгое время Тюмень была приграничным городом. Всего в 30 километрах к югу, за рекой Пышмой начиналась территория кочевников. Такое соседство долгое время было опасным. До сих пор по берегам этой реки встречаются названия бывших сторожевых застав: Караул, Караульная гора, Глядень-гора и т. д. Здесь же проходила знаменитая Казанская дорога, которая в народе до сих пор называется «Старой татарской».

Во времена Тюменского ханства этим путём приходили торговые караваны из Казани в Чинги-Туру, Кызыл-Туру и Кашлык. По ней уходили набегом в башкирские земли и на Чусовские городки воины Кучума. Где-то в районе «Кыштымских ворот» в 1574 году были на голову разбиты русские полки воеводы Афанасия Лыченицина [4, с. 104]. Маршрут этой дороги проходил вдоль сибирских рек Исеть, Пышма, Тобол...

Только во второй половине XVII века, после возведения оборонительной линии по реке Исеть, появилась буферная тер-

ритория в Зауралье, где можно было относительно безопасно селиться и передвигаться. Казанская дорога вновь стала использоваться государевыми людьми. Сведения об этом имеются в «Росписи Сибирским городам и острогам»:

«Да съ Тюмени жъ посылають на Уфу для государева дела по вестямъ гонцовъ; а езду съ Тюмени до Уфы лошадми сухимъ путемъ 3 недели; а подводы емлютъ отъ юртъ до юртъ у захребетныхъ и у ясачныхъ татаръ; а зимнимъ путемъ на Уфу ходятъ на лыжахъ 5 недель». [11, с. 14].

К 1597 году посадский человек Артемий Бабинов прокладывает сухопутную дорогу вдоль реки Тура из Верхотурья в Тюмень. Названная по имени открывателя, она почти на два столетия становится главной сухопутной артерией переселения людей и перевозки грузов в Сибирь. Как раз в этот период на месте бывшего Епанчинского юрта закладывается Туринский острог (1600 г.), а земли заселяются пашенными крестьянами. На смену захребетным и ясачным татарам в России прибираются русские ямщики с семьями.

В грамоте тюменскому воеводе от 28 января 1601 г. Царь и Великий князь Борис Фёдорович пишет: *«И мы указали на Тюмени устроити ямщиков против Верхотурского и Япанчинского. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты бы вперед на Тюмени ямщиков прибирал»* [1, с. 28].

Следующая грамота через два года (грамота от 29 января 1603 г.) гласит: *«Как к тебе ся наша грамота придет, а за Тюменкою будет рекою ямщикам жити мочно, и от города недале и от воинских людей жити бесстрашно, и ты б тюменским ямским охотникам велел под дворы земли дать, смотря по тамошнему делу, где пригоже»* [1, с. 30].

С этими царскими указами связывают зарождение ямской гоньбы в Сибири.

Нередко задаётся вопрос, где же всё-таки начинался Сибирский ход? Конечно, его можно отсчитывать с Уральских перевалов. Но можно назвать и Верхотурье – самый западный город за Уралом. Однако, он уже давно стал провинциальным, тупи-

ковым поселением, потерял свой статус транзитного «города на дороге».

В широком смысле Сибирская дорога начинается в Тюмени. Этот город на протяжении четырёх веков является воротами в Сибирь. К тому же он навсегда останется первым за Уралом.

Если на карте посмотреть на все маршруты, которые вели в новые земли, то выгодно выделяются два города – Тюмень и Тобольск.

К Тюмени с запада вели многочисленные дороги (из Верхотурья, Ирбита, Екатеринбурга, Казани) и водные пути (Тура, Ница).

«Городъ Тюмень стоитъ надъ Турою рекою. Отъ Тюмени къ Тоболску летнимъ сухимъ путемъ, лошадами, ездю 7 дней, а зимнимъ путемъ пять дней; а водянымъ путемъ внизъ воды Турою рекою до Тобола реки въ дощаникахъ ходу три дни; а Тоболомъ рекою до Иртыша реки ходу 4 дни; а Иртышомъ рекою до Тоболска съ версту; и всего отъ Тюмени до Тоболска въ дощаникахъ ходу неделя, а въ легкихъ стругахъ 4 дни: а назадъ къ Тюмени въ дощаникахъ ходу 10 дней, а въ легкихъ стругахъ 6 дней. Отъ Тюмени къ Пельми водянымъ путемъ Турою рекою внизъ воды до усть Тобола реки.... А гоняютъ съ Тюмени ямскую гонбу тюменскія ямыскія охотники на три дороги: къ Тоболску, къ Туринскому острогу, къ Пельми». [11, с. 13-14].

Из Тобольска же во всех направлениях по земле и по воде уходили отряды по Оби, Иртышу, Тоболу, в Берёзов, Сургут, Тару, Томск, Кузнецк и далее на север и на восток.

Практически все, кто двигался в Сибирь и обратно на Русь, проходили через эти два города. Сейчас трудно оценить состояние сибирских дорог того времени. Однако косвенная информация показывает, что по ним можно было передвигаться и достаточно быстро. Например, при движении из Тобольска до Москвы (около 2400 км) средняя скорость составляла около 57 км в сутки. Обращает внимание на то, что речь идет именно о средней скорости на протяжении шести недель.

«Путешественники, отправляющиеся изъ Тобольска въ Мо-

скую в зимнее время, могут возвратиться домой в двенадцать недель» [11, с. 164].

«Нулевая верста» дороги в Сибирь находится в Тюмени, сразу после переправы на северный берег реки Тура, рядом с Вознесенско-Георгиевской церковью. Это место, пожалуй, самое намоленное христианами место за Уралом. Здесь произошла знаменитая битва дружины Ермака с объединённым татарским войском мурзы Канчея [3, с. 921-922]. В этом храме молились сотни тысяч путников, шедших в Сибирь и обратно. Здесь были найдены мощи Филофея Лещинского.

Итак, Сибирский путь, начинаясь в Заречной части Тюмени, шёл по низкому левому берегу Туры, пересекая несколько ручьёв и проток, через деревни Мысовскую, Яровскую, Велижанскую, Борки и далее по высокому берегу на Тобольск. Этот маршрут оставался неизменным вплоть до начала XX века.

Тогда в Тюмени было принято решение о переносе начального участка Сибирской дороги на правый берег Туры через деревни Мальково и Криводаново. В качестве основного аргумента указывалось на регулярное затопление начального участка дороги во время весеннего половодья.

Удивительно, но этот относительно новый участок дороги тюменцы называют «Старым Тобольским трактом».

Считается, что инициатором переноса маршрута дороги был авторитетный купец и Тюменский Голова – А. И. Текутьев. Градоначальника не раз обвиняли в протекции и лоббизме. В этом случае выгоду получили многочисленные родственники миллионера, которые фактически монополизировали перевоз людей и грузов через Туру. Так получилось, что переправа на новой дороге оказалась вблизи поселений рода Текутьева – Борки, Щербак и Сазоново, и основной «гешефт» получили представители этой фамилии.

Сразу после ухода А. И. Текутьева в отставку в 1910 году, городские депутаты вновь подняли вопрос о возврате прежнего маршрута Сибирского тракта, но это уже другая история [4].

В тридцатые годы XVIII века была проложена новая дорога

через Урал. И в 1763 году она была официально узаконена как Московско-Сибирский тракт. Из Москвы в Сибирь он шёл через Казань, Кунгур, Екатеринбург и далее на Тюмень и Тобольск. Город Верхотурье и вся Бабиновская дорога оказались в стороне и вскоре пришли в упадок.

С середины XVII века и в течение всего XVIII века велось активное строительство новых пограничных рубежей на южных окраинах Сибири. В Киргизской степи последовательно появились Иртышская, Тоболо-Ишимская, Пресногорьковская оборонительные линии. Территория Тобольской губернии расширилась в южном направлении на сотни километров.

Появились новые дороги. Так, из Тюмени на юг шёл путь в Исетский острог и далее на Царево городище (Курган), а в восточном направлении – на Ялуторовск, далее на Коркинскую слободу (Ишим). В настоящее время по этим маршрутам идут автотрассы общероссийского значения.

Строительство железной дороги и прокладка новых трактов значительно снизили роль некоторых городов и даже целых регионов, практически остановив их экономическое развитие. Так, с конца XIX века Тобольск становится, по сути, провинциальным городом, ещё пока сохраняя свой столичный статус. Только открытие в XX веке огромных залежей нефти и газа вдохнуло новую жизнь в этот старинный сибирский город.

В течение нескольких столетий Тюмень была и остаётся транзитным городом. Эта особенность отразилась в городской планировке [2, с. 301-302].

С запада расположена Ямская слобода, куда из Руси въезжали путники. Она выполняла роль своеобразной городской «прихожей» или «гостевой». Здесь проживали семьи ямщиков, здесь находились гостиные дворы, корчмы, трактиры, здесь производились телеги и сани, стояли кузницы. Иными словами, это был район для обслуживания путешественников всех категорий.

Восточнее Ямской слободы, за глубоким оврагом речки Тюменки, стоял городской острог – Город, окружённый деревянными стенами с башнями. В нём располагался дом воеводы, го-

родская казна, арсенал, государев гостиный двор, таможенная изба и многое другое, что можно назвать административным центром. Далее за острогом располагался Посад, окружённый с восточной и южной сторон оборонительной стеной с башнями. Здесь проживали чиновники, служилые и посадские люди, ремесленники, купцы.

Ямская слобода, Город и Посад с двух сторон были защищены крутыми берегами Туры и оврагами Тюменки.

На противоположном, низком берегу Туры, напротив устья Тюменки располагалась промышленная часть города, где стояли дома кожевников, заготовителей мяса, торговцев лесом, строителей речных судов и мыловаров. В тюменском обиходе эта часть города называется Бухарской слободой или Заречьем.

Её название, так или иначе, связано с грамотой Царя и Велико-го Князя Фёдора Иоанновича от 31 августа 1596 года. В ней торгующим бухарцам и ногайцам было дано право беспошлинной торговли. Однако этот же документ накладывал на выходцев из Средней Азии особые ограничения. Для исключения шпионских действий и ограничения дурного влияния на горожан им запрещалось селиться в пределах городских стен без пригляда приставов, т. е. в Ямской слободе и на Посаде.

«А торговати бы есте им (бухарцам) велели за городом в посаде или за посадом, где будет пригоже. А того б есте над ними смотрели и берегли накрепко, чтоб они заповедным товаром: доспехи, и пансыри, и саблями, и ножи, и топоры с юртовскими и с ясашными татары не торговали. А как бухарские или нагайские торговые люди с торги на Тюмень приедут, а похотят у нас в городе каким делом быти, а вы б им у себя быти велели; и в тое б пору у вас в городе и в остроге было людно, и служивые люди: литва и казаки и стрельцы стояли с ружьем, и приставов к тем послам приставливали из служилых людей, которые пригодятся по-прежнему, чтоб у них без приставов не было... А того б есте над бухарцы и над нагайцы велели смотреть и берегли накрепко, чтоб бухарцы и нагайцы в городе никаких крепостей и людей не рассматривали и не лазучили,

и с русскими людьми и с татарами, опричь торговли, некоторых разговорных речей не говорили, и нужи б они сибирские некоторые не ведали; а рассказывали б бухарцам и нагайцам, что сибирские города добре людны и ничем не нужны» [1, с. 26-27].

Единственное место в Тюмени, где азиатские торговцы могли относительно свободно селиться и даже строить дома, – за рекой Турой. И хотя здесь уже имелись постройки русского торгового и ремесленного люда, место для иноверцев нашлось в западной части Заречья, названной в народе Бухарской слободой. Проезжая через Тюмень в 1742 году, Миллер так описывает заречную часть города:

«Другое предместье находится на северном берегу р. Туры, прямо напротив города. Оно заселено частью русскими, частью мусульманскими татарами и бухарцами. Для русских здесь имеется церковь Вознесения Христова и при ней насчитывается 115 дворов. Татарских же жилищ имеется лишь 27 дворов, которые для отправления своих богослужений имеют мечеть. Вокруг них раньше был особый острог, от которого еще осталась угловая башня возле церкви» [8, с. 297].

Переехав на низкий северный берег Туры, путник оказывался у единственной в Заречной части православной церкви Святого Георгия-Победоносца. Она напоминает о подвиге наших предков, ушедших на восток. Это, пожалуй, самое намоленное место в Сибири, через которое за несколько веков прошли сотни и сотни тысяч православных людей. С этим местом связано много необычных и чудесных событий [10].

Символично, что от церкви святого Георгия – символа Московского государства – пошло русское освоение Сибири. Здесь начиналась и Сибирская дорога.

Интересно проявление символа Троицы в планировке старой Тюмени, которая напоминала своеобразный трилистник, с центром в устье речки Тюменки. Такая планировка позволяла оградить жителей города от потока переселенцев, что представляло собой не только политический, но и санитарный кордон.

Все три части города – транзитная, промышленная и горо-

довая – соединялись между собой мостами: деревянным через овраг Тюменки и наплавным через Туру. Понятие «мост» несёт сакральный смысл, это соединение берегов одной реки. Для тюменских мостов вполне подходит эпитет «мосты в Сибирь». При этом путник, переезжающий из Ямской слободы в Заречье, как бы переправляется через своеобразную реку Стикс, т. е. из одного мира в другой. До сих пор для иностранцев и даже наших соотечественников из европейской части Сибирь кажется страшной, опасной и недружелюбной территорией.

В настоящее время набережная реки Тура одета в гранит и представляет единый туристический арт-объект по истории освоения Сибири. Наверное, это сейчас главная достопримечательность Тюмени, как и вантовый мост, соединяющий центр Тюменского острога с началом Сибирского тракта – Георгиевской церковью.

Было бы логично здесь поставить памятники всем, кто столетиями уходил в Сибирь: ямщикам и крестьянам, каторжникам и ссыльным, торговцам и купцам, служивым людям и учёным, Ермаку «со товарищи» – всем будущим сибирякам. Тогда набережная Туры как туристический комплекс была бы закончена, охватывая все периоды русского освоения Сибири.

И, конечно, здесь должно быть место «нулевому» верстовому столбу.

Неслучайно на гербе Тюмени написано: «От сего града начинается».

Библиографический список:

1. 400 лет Тюмени. Сборник документов и материалов. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд. – 1985. – 368 с., 16 с. ил.
2. Билич И. В. К чертежу города Тюмени рубежа XVII-XVIII веков // 15 лет общественному фонду «Возрождение Тобольска» [Текст] / Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска»; сост.: А. Г. Елфимов, А. Г. Джавахидзе; ред. Ю. С. Надточий. – Тобольск: Издат. отдел ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2009. – 551 с.: цв. ил., портр., фото. цв. БФ «Возрождение Тобольска», 2009. – 551 с.: цв. ил., портр., фото. цв.

3. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария: в 3-х т. / Пер. с голландского В. Г. Трисмана. – Амстердам: Изд. Pegasus, 2010. – Т.1 – С. IX.

4. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся; / Изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете; Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической по возможности приведенное. М.: Комп. типографич., 1788-1791. Ч. 3. – 1788. – XI. – 476 с.

5. Калининский В. Последняя точка в истории Тобольского тракта // Красное знамя – Режим доступа: <https://tyumedia.ru/42449.html>. – (Дата обращения: 29.02.2024).

6. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / Ремезов С. У. – Изд. Типография Ф. Г. Елеонского и Ко. – СПб, 1880 – 108 с.

7. Сибирские летописи / Изд. Императорской археографической комиссии / Тип. И. Н. Скороходова. – СПб, 1907 – 464 с.

8. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. / История Сибири. Первоисточники, Вып. VI / Новосибирск. Сибирский хронограф. 1996 – 310 с.

9. Старков О. Г. Поход Ермака – операция по принуждению к миру // Современное казачество в патриотическом, духовном воспитании подрастающего поколения, сохранении исторической памяти и противодействии фальсификации российской истории, формировании у молодёжи устойчивой исторической идентичности: материалы Всероссийской молодёжной научно-практической конференции с иностранным участием. / под ред. Г. С. Зайцева – Тюмень: Типография «Печатник», 2021 – с. 168-176.

10. Старков О. Вознесенско-Георгиевская церковь // Наследие – Режим доступа: <https://vk.com/@72nasledie-samaya-staraya-cerkov-tumeni>. – (Дата обращения: 29.02.2024).

11. Титов А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных и русских статей о Сибири и принадлежащих к ней землях / Изд. Г. Юдин – Москва : Типография Л. и А. Снегирёвых, 1890. – 265 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

О. Г. Старков,

Западно-Сибирский филиал Института
нефтегазовой геологии и геофизики
им. А. А. Трофимука СО РАН,
Россия, Тюмень

ABOUT THE AUTHOR:

O. G. Starkov

West Siberian Branch of the A. A. Trofimuk
Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RA,
Russia, Tyumen,

УДК 930.27

И. В. Чанкова

КИТАЙСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК СРЕДСТВО ВОСПРОИЗВОДСТВА ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В настоящей статье отражены материалы из китайских письменных источников, содействовавших воспроизводству локальной истории и культуры Хакасии в древности и средневековье. Представлены материалы из «Ши цзи», «Ган му», «Гуцзинь тушу цзичэн».

Ключевые слова: китайские письменные источники, Н. Я. Бичурин, Н. В. Кюнер, история Хакасии, «Ши цзи», «Ган му», «Гуцзинь тушу цзичэн».

I. V. Chankova

CHINESE RECORDS AS A MEANS OF REPRODUCING LOCAL HISTORY AND CULTURE

Abstract. This article reflects materials from Chinese records that contributed to the reproduction of the local history and culture of Khakassia in antiquity and the Middle Ages. Materials from «Shi Ji», «Gang Mu», «Gujin tushu jicheng» are presented.

Keywords: Chinese records, N.Ya. Bichurin, N.V. Kuehner, history of Khakassia, «Shi Ji», «Gang Mu», «Gujin tushu jicheng».

Китайские источники являются одним из важных материалов для поиска сведений о древней и средневековой истории Хакасии, содействующих выявлению этнографических данных, определению этнокультурной преемственности и воссозданию локальной истории и культуры. А. Я. Флиер в своей статье «Локальная культурная система: факторы устойчивости» выделяет «факторы,

при которых культурная устойчивость является режимом существования культуры: осуществляется повторение производственных технологий и форм производимых продуктов/результатов, проверенных на практике и доказавших свою эффективность; транслируется и воспроизводится из поколения в поколение технологический и формальный повтор в деятельности; утверждается идеология необходимости в любой деятельности повторять практику отцов и дедов, обретающую сакральную символизацию; исторически воспроизводится сама локальная культура как самодостаточный феномен» [Флиер, 2020: эл. ресурс]. Исходя из этих устойчивых факторов, мы можем утверждать, что в китайских письменных источниках были обозначены формы деятельности, которые можем разделить на заимствованные и присущие народам, проживавшим в древности и средневековье в Хакасии, их историческому воспроизводству и идеологии, сложению мифологии и локальной культурной самобытности, которые сохраняются и по сей день. Например, китайскому двору дарились подарки, а именно лошади, соболиные меха, которые и сегодня являются формой деятельности населения Хакасии.

Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, Л. Фробениус, А. Тойнби, Э. Мейер, Э. Трельч и др. придерживались позиции исторического и культурного процесса, развития мировой культуры в целом или смены локальных культур, каждая из которых живёт своей собственной, обособленной жизнью. С точки зрения теории локальных культур схема истории представляет собой не однопавленный линейный процесс, а линии развития культур расходятся. Эти мыслители противопоставляли свои концепции идее универсальности и всемирной истории концепции Вольтера, Монтескье, Г. Лессинга, И. Канта, И. Г. Гердера, В. Соловьёва, К. Ясперса и др. Исходя из данных китайских письменных источников, мы предполагаем, что Хакасия развивалась своим путём, живя своей собственной локальной жизнью. Во-первых, территория Хакасии находилась в стороне от Великого шёлкового пути, во-вторых, при любых военных столкновениях Хакасия становилась базой для обеспечения военных. В-третьих, народ,

проживавший в Хакасии в древности и средневековье, активно принимал участие в военных действиях. Записи в китайских письменных источниках свидетельствуют об этом. Например, из «Шицзи», гл. 110 (史记, пиньинь shǐ-jì) — «Исторические записки» (труд историографа империи Хань Сыма Цяня) стало известно о биографии китайского полководца Ли Лина, предполагается, что на территории Хакасии он занимался подготовкой военных. В «Ган му» (纲目, труд по истории Китая, охватывающий исторические события с 403 г. до н. э. по 960 г. н. э., составленный в кон. XII в. под руководством Чжу Си), сообщается, что хойхуский (ойхорский) хан прибыл в Китай, император выдал за него свою дочь Нин-го. Вернувшись в свою ставку, ойхорский хан отправляет подарки императору (500 лошадей, соболий мех и белую тонкую шерстяную ткань), а также сообщение о покорении владений гянгунь. Установлен год покорения ойхорцами Гяньгунь (из сего места видно, что владение Хакас покорено ойхорами (хойху) в 758 году [Бичурин, 1950, с. 313]. В «Ган му» также описано, что в 840 г. Гюйлу Мохэ, соединившись с хагасами, со 100 000 конницы напал на хойхуский город (Ойхорский (хойхуский) (предки уйгуров) хан построил для себя город на тех же местах, на которых находилась монгольская столица Хара-хоринь (Каракорум)). [Бичурин, 1950, с. 334]. Эти данные, которые кропотливо переводились Н. Я. Бичуриным, анализируются историками, сопоставляются с новыми археологическими, фольклорными данными, в результате чего мы имеем представление об истории и культуре древней и средневековой Хакасии.

Вопросы уровня цивилизации народов Сибири до сих пор не решены. Китайские письменные источники частично раскрывают эти вышеуказанные проблемы. Такие работы как, «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Н. Я. Бичурина, «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока» Н. В. Кюнера представляют нам наиболее объёмную информацию о народах, проживавших в древности и средневековье в Хакасии, с помощью чего мы можем воспроизвести локальную историю и культуру.

Из энциклопедии «Гуцзинь тушу цзичэн» (古今图书集成, пиньинь Gǔjīn túshū jíchéng – «Полное собрание книг древности и современности», китайская энциклопедия XVIII в. в традиционном жанре лэйшу) мы узнаем о связи народов Хакасии с другими народами. Здесь зафиксировано использование лыж на охоте хягасами. В 847 году примерно семь родов шивэйских разделили хойху между собой. Хягас, рассердившись на это, с министром своим Або и 70 000 войском напал на Шивэй, забрав остальных хойху, возвратился на северную сторону Песчаной степи [Бичурин, 1950, с. 337]. В китайских письменных источниках при описании средневекового периода, уже указываются конкретные даты тех или иных событий. В «Таншу» (唐书) отмечается, что вместе с падением кочевой империи хойху начинается новое Хойхуское царство, возникшее на её развалинах. В этот период хягасы разорили хойхускую столицу [Бичурин, 1950, с. 338-339].

Согласно сведениям из «Хроник киданьского царства» Е Лун-ли 1979 г. издания, первое активное и целенаправленное освоение Сибири в древнем Китае произошло в царстве Ляо, описывается локализация сяцзясы, к западу от оуцзюэлюйцев жили сяцзя, а к северу от них — туцзюэ. [Е Лун-ли, 1979].

Китайские письменные источники в отношении древнего периода являются единственными письменными источниками, немаловажное значение они имеют и для раннего средневековья. Благодаря китайским письменным источникам вскрываются названия племён, населявших Хакасию в древности, а также косвенно затрагивается их деятельность.

Китайские письменные источники широко представлены в трудах советских исследователей, прежде всего С. В. Киселёва и Л. П. Потапова. Отдельные указания на значение китайской и остальной дальневосточной литературы на местных языках для изучения народов Севера и Сибири в целом, также переводы соответствующих отрывков содержатся в работах В. П. Васильева, Л. И. Шренка, С. К. Патканова, Н. И. Аристова, из западноевропейских авторов – в работах Б. Лауфера.

Н. В. Кюннер для разрешения проблемы этногенеза писал, что необходимо использовать все, имеющиеся в научном обороте и которые могут быть ещё найденными, источники и материалы – археологические, антропологические, этнографические, включая фольклорные, лингвистические, письменные (исторические) источники [Кюннер, 1961, с. 16]. Отметим только, что китайские письменные источники также являются одним из средств воспроизводства локальной истории и культуры для всей Сибири в целом.

Библиографический список:

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. Москва – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 381 с.

Е Лун-ли. История государства киданей. М. Наука. 1979.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Издательство Восточная литература, 1961. – 392 с.

Флиер А. Я. // Локальная культурная система: факторы устойчивости. Культура культуры. 2020 эл. ресурс <http://www.cult-cult.ru/local-cultural-system-sustainability-factors/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Чанкова Ирина Викторовна,

учёный секретарь ГБНИУ «Хакасский
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории», к. филос. н.,
E-mail: chanari@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Chankova Irina Viktorovna, scientific secretary
of Khakass Research Institute for Language,
Literature, and History,
Candidate of Philosophical Sciences,
E-mail: chanari@mail.ru

УДК 94(571.54/52).084.3

А. П. Шекшеев

**КАРАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛЫХ
НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ
(ЛЕТО 1918 – ОСЕНЬ 1919 гг.)**

Аннотация. Настоящая статья написана с целью выявления, объединения в единое целое и осмысления фактов террористических деяний, совершённых на территории Енисейской губернии антибольшевистскими силами. Обращение к фактическому материалу показывает, что сначала их карательная деятельность не являлась организованной системой насилия. Однако с использованием для подавления крестьянского повстанчества армейских частей белый террор приобрёл широкие и жестокие качества с некоторыми признаками государственного насилия.

Ключевые слова: белые, большевики, власть, Енисейская губерния, красные партизаны, крестьянство, террор.

A. P. Sheksheev

**PUNITIVE ACTIVITIES OF THE WHITES
ON THE TERRITORY OF YENISEI SIBERIA
(SUMMER 1918 – AUTUMN 1919)**

Abstract. This article is written in order to identify, combine into a single whole and comprehend the facts of terrorist acts committed on the territory of the Yenisei province by anti-Bolshevik forces. An appeal to the factual material shows that at first their punitive activities were not an organized system of violence. However, with the use of army units to suppress peasant insurgency, white terror acquired broad and brutal qualities with some signs of state violence.

Keywords: whites, Bolsheviks, government, Yenisei province, red partisans, peasantry, terror.

Составной частью и следствием гражданской войны, охватившей всю территорию России, явился террор, применявшийся участниками для устрашения и уничтожения своего противника. Под «белым террором» понимались расправы белогвардейцев и интервентов над большевиками, советскими деятелями, красногвардейцами, красными партизанами, а также населением.

Белый террор: взгляд очевидцев и историков

Сведения о терроре всегда использовались противниками в политических целях. Поэтому большевистская власть сразу же приступила к выявлению понесенных жертв. К примеру, захватив енисейское правобережье у Минусинска, красные партизаны публично заявили о четырех тысячах человек, замученных и расстрелянных на территории этого уезда [Соха и молот. 1919. 22 сентября]. Уже в 1920 году советские органы определили, что репрессии белых охватили в Енисейской губернии 13 858 крестьянских хозяйств из 358 селений 68 волостей и нанесли ей большие человеческие и материальные потери [Грязнухин, 1994, с. 21].

Жестокость белых отмечалась в документах сражающихся сторон [Партизанское движение в Сибири. Т. 1, 1925; Документы героической борьбы, 1959] и была засвидетельствована иностранным очевидцем, который считал, что она стала «богатейшей почвой» для развития большевизма в российском обществе [Грэвс, 1932, с. 238]. Но более всего карательные действия белого режима сохранились в памяти енисейской интеллигенции (Е. Е. Колосов, М. П. Миндаровский), бывших красных партизан (Я. С. Замураев, Г. М. Иванов, П. В. Кашуткин, П. Д. Криволицкий, А. Н. Лифантьев, М. Х. Перевалов, П. П. Петров, Г. Н. Попов, Т. И. Рагозин), советских и военных деятелей, обратившихся к написанию мемуаров (К. И. Гидлевский, М. С. Сафьянов, К. Е. Трегубенков, П. Е. Щетинкин, Г. Х. Эйхе, В. Б. Эльцин, В. Г. Яковенко), а также упоминались или анализировались местными советскими историками (Ю. В. Журов, В. К. Логвинов).

В советскую эпоху был подготовлен и опубликован целый ряд сборников воспоминаний бывших енисейских красногвардейцев, подпольщиков и партизан, которые рассказывали о борьбе и гибели своих товарищей [Померанцева, 1940; Незабываемое, 1957; Борьба за власть Советов, 1958; Борьба за власть Советов в Хакасии, 1961; Годы огневые, 1962; За власть Советов, 1968]. Результатом такой деятельности стала память о расправах белогвардейцев над крестьянами, воплотившаяся своеобразно в незатейливых поступках потомков крестьян. Так, длительное время в сибирских сёлах самых свирепых собак называли «колчакками». Свидетельствовали о белом терроре региональное справочное издание [Енисейский энциклопедический словарь, 1998, с. 145] и более современная научно-популярная литература, впервые заявившая о сомнительности итогов белогвардейских акций в этом регионе [Мармышев, 2008, с. 154].

Мировоззренческая трансформация социума позволила учёным более свободно и усиленно заняться темой террора и выявлением сути этого явления. К сравнительной характеристике белого и красного террора обратился А. Л. Литвин [Литвин, 1995; 2004], а к изучению его белой разновидности, проявленной, в частности, на территории Сибири, – П. А. Голуб [Голуб, 2006]. Рассматривая психологию насильников, В. П. Булдаков объяснил, что в карательном буйстве белых отсутствовала организованная система и доминировала вакханалия анархии и вседозволенности [Булдаков, 1997, с. 236; 2002, с. 6]. Другие историки решили, что белое движение, тяготея к авторитаризму и применению жестоких расправ, сочетало их с либеральным отношением к красным [Звягин, 2001; Цветков, 2007]. Ещё один автор предположил, что белый террор, который являлся по масштабам менее значительным по сравнению с красным, носил «точечную карательную» окраску и не был предназначен для ликвидации классов трудящихся [Осипов, 2019, с. 77].

Террор был явлением, характерным для всех противников в гражданской войне, схожим по своим методам, одинаково пагубным для общества и отличавшимся только своей социальной

направленностью, утверждал И. С. Ратьковский [Ратьковский, 2017]. Репрессии белых, доказывал он, носили государственный характер с соответствующей законодательной базой, собственноручными приказами руководителей белого режима, например, о подавлении партизанского движения на востоке страны [Ратьковский, 2020, с. 321].

Заявив о сильном завышении численности жертв белогвардейщины в советских трудах и критикуя публикации современных исследователей [Ратьковский, 2017; 2021] за взгляды о террористической сути белой власти, А. Г. Тепляков сделал вывод, что её расправы не носили характера социальных чисток и способа управления. По его мнению, они определялись военной целесообразностью, желанием ликвидировать носителей «красной заразы», уголовными инстинктами и выражались в расстрелах заложников и мятежников по приговорам военно-полевых судов, а также в деятельности армейских частей [Тепляков, 2013, с. 6–8; 2022, с. 59–70].

Между тем наблюдаемый в обществе рост симпатий к советскому прошлому стал сопровождаться признанием Октября прогрессивным явлением, а белых расправ – антибольшевистской диктатурой, предшествовавшей красному террору. Очередным явилось возвращение к публикации воспоминаний бывших «борцов» за советскую власть и очевидцев белого террора [«Была ужасная пора...», 2010; Воспоминания участников Гражданской войны..., 2019; Комарова, 2021]. Представляя взгляд на гражданскую войну лишь с одной стороны, их составители зачастую продолжали множить бахвальство «победителей» и обвинения белогвардейцев в сплошном зверстве. Сами, например, бывшие партизаны критически воспринимали воспоминания своих товарищей и требовали от них достоверности изложения событий [Артамонова, 2019, с. 16–18]. Будучи участниками военно-политических свершений, авторы мемуаров насыщали их субъективизмом, который исходил из «эйфории победителей, усиленной идеологизацией и политизацией». Очевидная тенденциозность воспоминаний определялась тем,

что они были написаны по определённым «лекалам», которые открывали простор «героическому» мифотворчеству [Нарский, 2001, с. 28]. Подтверждая события, изложенные в документах, передавая «дух эпохи» и дополняя поведение противных сторон новыми фактами и психологическими нюансами, рассказы участников о пережитом могут быть сильным подспорьем в раскрытии темы, но только с «погружением» в систему всего комплекса документов [Поршнева, 2020, с. 297]. Новым и весомым аргументом в споре о белом терроре, способствующим более объективному его показу, должна стать сохранившаяся в одном из архивных фондов и опубликованная на сайте переписка властных органов в 1919 году по поводу крестьянских «противозаконных действий» [Евстифеев, 2021].

Исходя из содержания названной литературы, можно утверждать, что в более ранних и современных публикациях разбросано множество описаний репрессивной деятельности белых, которые требуют обобщения в качестве единого целого и его осмысления как политического явления.

Первые расправы и жертвы

Основным событием, с которого начались вооружённые и массовые столкновения гражданской войны в Сибири, явилось антисоветское выступление чехословацких легионеров. При этом, совершив занятие в ночь на 29 мая 1918 года города Канска, они по распоряжению начальника штаба 2-й чехословацкой стрелковой дивизии подполковника Б. Ф. Ушакова отпустили пленённых красногвардейцев. Лишь захваченный в бою начальник конной разведки М. Шумяцкий подвергся публичной казни [Симонов, 2010, с. 78; Октябрь в Сибири, 1987, с. 308]. После закончившегося перемирия чехи утром 16 июня подошли к станции Клюквенная и в начавшемся бою разбили советские войска, взяв в плен до 300 человек. На этот раз выявленные и ненавистные со времён германской войны немцы и мадьяры численностью в 80 лиц, левый эсер Борисоглебский и ещё не-

сколько местных деятелей чехами были расстреляны. Основная же масса сдавшихся на Клюквенском фронте красногвардейцев была разоружена, допрошена и доставлена противником в губернский центр [Познанский, 1973, с. 210–211; Комарова, 2021, с. 243, 414; ГАКК. Ф. П–64. Оп. 1. Д. 448. Л. 48–51, 64–65].

Первая же стычка противных сторон в Мариинске закончилась пленением многих красногвардейцев, которыми были переполнены тюрьма, казённый винный склад и некоторые здания [Сибирская жизнь, 1918, 20 июня]. В начавшемся в ночь на 16 июня 1918 года наступлении чехи захватили до 500–600 красногвардейцев [Сибирская жизнь, 1918, 21 июня; Воля Сибири, 1918, 2 июня]. Тут же они без суда и следствия расстреляли стойко сражавшихся 40–50 мадьяр. Разбитые на Мариинском фронте и бежавшие к Красноярску остатки красных были вынуждены повернуть в сторону города Ачинска, где 20 июня 475 человек сдались в плен [ГАКК. Ф. П–64. Оп. 1. Д. 448. Л. 36, 40]. При этом только один из них – большевик и член Боготольского совдепа М. Т. Еременко – был расстрелян [Письма во власть..., 2015, с. 121], а остальные стали узниками Омского концентрационного лагеря.

Убийства захваченных советских деятелей и красногвардейцев больше осуществляли бывшие офицеры, городские обыватели и деревенские кулаки. Они мотивировались ненавистью, которую питали униженные в советское время лица к наиболее активным или известным бывшим красным властителям. 18 июня 1918 года при захвате legionерами города Ачинска им сдался отряд в 80 штыков, находившийся под командованием Е. К. Зверева. На следующий день его, пытавшегося эвакуировать документы и ценности совета, убили, оставив на трупе 31 штыковую рану. Организовав погоню за членами Ачинского совдепа, увозившими казну, новые власти задержали 21 красногвардейца и отобрали у них часть денег [Сибирская жизнь, 1918, 23 июня]. Дружина Подсосенской волости, устроившая охоту за красногвардейцами и советскими активистами, выловила 50 человек. От рук этих или подобных им лиц мучениче-

скую смерть принял бежавший председатель уездного совдепа П. О. Саросек. Балахтинские крестьяне расправились с группой большевиков на Юдинском винокуренном заводе.

По-прежнему случаи массового террора происходили по инициативе отдельных представителей антибольшевистского лагеря. Так, 25 или 26 июня поручик Лобанов, начальствуя над караулом, перевозящим из Ачинска в красноярскую тюрьму 27 арестованных членов совета и активистов, организовал на станции Чернореченская расстрел якобы пытавшихся бежать 10–12 человек [Соха и молот, 1919, 26 сентября].

В Минусинском уезде местные кулаки, обозлённые продовольственными заготовками, проводимыми по инициативе губернских властей, и изъятием контрибуции у казаков, устроили в селе Большая Иня самосуд со смертельным исходом над односельчанином, председателем солдатской секции уездного совдепа и большевиком Т. А. Шаповаловым [Шекшеев, 2006, с. 509–510; Комарова, 2021, с. 136, 157; ФКККМ. О/ф 12005/3. Д. 9688. Л. 3–7]. Когда же в село Шалаболино стали стекаться казаки и офицеры, решившие выступить против минусинских большевиков, то они сразу же арестовали и казнили, по разным данным, от четырёх до 12 местных большевиков [МКУ «АГМ». Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 1. Л. 502; Д. 3. Л. 59]. В окружённый дружинниками и казаками Минусинск для запугивания делегатов проходившего уездного съезда был доставлен труп убитого советского деятеля и комиссара Алтайской экономии Ф. А. Герасимова.

С переходом уездных городов Енисейской губернии под власть Временного Сибирского правительства начались аресты советских руководителей и активистов. В ачинскую тюрьму были посажены десятки человек. Позднее были расстреляны 44 деятеля советской власти. Многие из них и среди них бывший председатель отдела совдепа по городским делам В. Н. Слободчиков, член его военного отдела и венгерский интернационалист Ф. Киш и др. приняли смерть в качестве заложников [Комарова, 2021, с. 440–442].

Начиная с 24 июня казаками и дружинниками стали задерживаться и заключаться в тюрьму минусинские советские деятели и красногвардейцы. Сразу же были арестованы большевики А. И. Плотников и Н. П. Непомнящий. Вскоре их судьбу разделили члены совдепа К. И. Адосинская, Н. Ф. Безматерных, И. С. Бузулаев, Г. Ф. Волков, К. И. Гидлевский, З. Е. Гущик, Е. П. Катаев, Г. В. Лебедев, К. А. Липинская, И. Г. и М. Г. Сафьяновы, К. Е. Трегубенков, Е. Л. Фаерман, 16 служащих совета и 75 красногвардейцев [Труд, 1918, 5, 14, 18 июля]. Их делами занялась специально созданная следственная комиссия. В с. Иудино местные кулаки арестовали редактора газеты «Известия» М. А. Баринову, которая потом умерла в красноярской тюрьме. Из Таштыпа в Минусинск казаки доставили покалеченного и запугиваемого расстрелом председателя станичного совета К. Н. Потанина, а также бывшего прапорщика, не признавшего новой власти, и учителя, агитировавшего крестьян выступить против неё [АМКМ. Оп. 4. Д. 5. Л. 42; Власть труда. 1923. 7 ноября].

Содержание арестованных советских деятелей в минусинской тюрьме оказалось опасным для их жизни. Выстрелом одного из караульных был убит член совета и комиссар Батеневской экономии Харлашин. Власти осудили такую стрельбу, а 16, 20 и 30 июля отправили в Красноярск и Ачинск около 50 заключённых. При этом аресты бывших членов совета продолжались [Труд, 1918, 17, 18, 27 июля; ФККМ. О/ф 6023/1. Д. 3815. Л. 53].

Советская власть агонизировала и в Красноярске. 18 июня 1918 года сопровождаемые красногвардейским отрядом около 250 местных руководителей и большевиков, загрузив более десятка суден изъятыми из государственного банка золотыми и денежными запасами, продовольствием и имуществом, отбыли вниз по Енисею. 20 июня чешские и добровольческие войска заняли Красноярск. Военные власти отправили за беглецами отряд подполковника М. И. Мальчевского. Его флотилия настигла их в районе села Монастырского. Потеряв в бою 20 человек убитыми и пятерых ранеными, около 100 большевиков и красногвардейцев сдались в плен [Свободная Сибирь, 1918,

17 июля]. Оставленный для розыска разбежавшихся отряд капитана Черемнова вскоре захватил ещё 38 человек и среди них – бывшего командующего советскими войсками в губернии Т. П. Марковского, члена ЦИК Советов Сибири А. П. Лебедеву, инженера и члена совдепа С. Б. Печерского и др. В целом из Туруханска были вывезены более 200 захваченных членов советской «экспедиции», в Енисейске к ним добавили, арестовав, около 50 местных большевиков [Труд, 1918, 1 сентября; ГАКК. Ф. П–64. Оп. 1. Д. 739. Л. 9].

Бежавшие некоторые бывшие советские работники задерживались местными жителями и под конвоем возвращались в Красноярск. Так, в деревне Сосновка Ачинского уезда по инициативе крестьян был арестован в прошлом председатель Временной чрезвычайной комиссии при Военно-революционном штабе (ВРШ) Енисейского губернского исполкома Г. И. Пекарж. Из деревни Мокруши в красноярскую тюрьму доставили бывшего руководителя Енисейского совдепа С. М. Иоффе [Свободная Сибирь, 1918, 31 июля].

26 июля 1918 года в Красноярске встречали флотилию из пяти пароходов, двух лихтеров и катера с отрядом Мальчевского и 237–238 арестантами [Свободная Сибирь, 1918, 28 июля]. Встречавшее их общество было настроено к ним настолько враждебно, что, как отметил его представитель, выражало надежду, «что петля, ждущая... мерзавцев, наконец... задавит... эту дрянь» [Зверев, 2016, с. 179]. Поэтому неудивительно, что, когда следующей ночью началась выгрузка пленных, то конвой, состоявший из казаков во главе с сотником И. Д. Фереферовым, офицеров-добровольцев и чехов, не справился со своими обязанностями и даже участвовал в массовом избиении перегоняемых в тюрьму людей. При перекличке не оказалось пяти человек. Утром гражданские лица обнаружили тела замученных и вскоре скончавшихся Марковского, Лебедевой и Печерского. До «полусмерти» оказался избитым бывший красногвардейский командир А. Загородный. Многие из новых заключённых получили тяжёлые побои. С жалобами на состояние здоровья

в тюремную больницу обратились 40 человек [Свободная Сибирь, 1918, 28, 30, 31 июля; Воля Сибири, 1918, 27, 30, 31 июля]. 29 июля в Красноярск были доставлены захваченные видные большевики Г. С. Вейнбаум и В. Н. Яковлев, а в целом ещё 36 человек [Свободная Сибирь, 1918, 1 августа].

Расправа над известными советскими деятелями вызвала возмущение общественности Красноярска. Протесты выразили городская дума, совет профсоюзов и представители политических партий. Они сообщили о ней комиссариату Временного Сибирского правительства и потребовали расследования и предания суду виновных [Дело рабочего, 1918, 1 августа; Знамя труда, 1918, 26 августа]. Но вскоре стало известно, что отправленная на фронт 1-я сотня Енисейского казачьего полка во главе с подъесаулом Фереферовым, действуя на восточном берегу Байкала, участвовала в разгроме красных. При этом мученическую смерть принял подполковник Ушаков. В отместку чехи «поставили под пулемёт» целую партию военнопленных [Ганин, 2020, с. 235, 237]. В обстановке торжественных похорон своего героя общественности стало не до выяснения обстоятельств гибели видных большевиков.

Преследование деятелей первой советской власти

Отношение новой власти к бывшему противнику сначала не имело для него серьезных последствий. Ещё 27 июня из красноярской тюрьмы были освобождены 16 лиц, арестованных во время переворота, а до конца августа по распоряжению следственной комиссии – 13 бывших советских «беглецов» [Свободная Сибирь, 1918, 29 июня, 31 августа]. На местах власти отказывались от преследования рядовых членов Красной гвардии. К примеру, созданная в Минусинске следственная комиссия передала в распоряжение военных властей 63 и освободила 211 красногвардейцев. Объявленная регистрация их на станции Ключевная закончилась направлением лиц, ранее служивших в правительственных войсках и перебежавших к большевикам,

в свои части, а прочих – отправкой по домам. В Красноярске 750 бывших красногвардейцев, пройдя фильтрацию, пополнили формирующиеся части Сибирской армии [Минусинский край, 1918, 1 августа; Сибирская жизнь, 1918, 11 августа].

Большинство красногвардейцев, разбежавшись, скрылось или вернулось домой, где судьбу их решало крестьянство. Так, красногвардеец и делегат уездного съезда из деревни Васильевка Д. В. Романов, агитировавший крестьян отказаться от похода на Минусинск, был ими избит и вскоре скончался. Вернувшиеся в село Усть-Абаканское бывшие красногвардейцы подверглись суду общественности. Они обвинялись в расхищении имущества акционерного общества «Ачминдор» и кооперации, в изъятии денежных средств и продовольствия у инородцев, а также в осуществлении обысков и арестов жителей самого села. Некоторые из них были уличены в самогоноварении и воровстве, другие – в погромной агитации и организации самовольной распродажи товаров из лавок местных купцов. Крестьяне постановили 14 наиболее активных бывших красногвардейцев передать минусинским властям, а десятерых – выселить за пределы села [Сибирская жизнь, 1918, 5, 7 июля; ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 5. Л. 79–80; МКУ «АГМ». Ф. Р-53. Оп. 2. Д. 2. Л. 14–15, 17].

Напротив, на Знаменском заводе, куда после переворота для ареста 50 сторонников советской власти прибыли отряды чехов и милиционеров, «подпольным комитетом» были организованы переговоры, а рабочие по заводскому гудку оставили работу. Не ожидавшая такой организованности, администрация отпустила арестованных [Комарова, 2021, с. 297–298].

Реагируя на сообщения местных жителей о скрывавшихся «большевиках», минусинские власти задержали в прошлом начальников Красной гвардии Ф. Крамаренко и Е. Глухих [Труд, 1918, 13 августа, 16 ноября]. В августе 1918 года по инициативе кулаков села Конторка якобы за участие в большевистской подпольной организации были схвачены крестьянин-середняк и начальник почтового отделения [Воспоминания участников Гражданской войны ..., 2019, с. 472]. Но чаще всего меры в от-

ношении бывших красногвардейцев приобретали жёсткий характер лишь тогда, когда они совершали новые преступления. К расстрелу, например, был приговорён И. Ермаков, изнасиловавший и убивший арестованную им девицу [Свободная Сибирь, 1919, 22 января].

В августе 1918 года начался процесс объединения антибольшевистских сил и создания органов милиции при Министерстве внутренних дел (МВД) и контрразведки, подчинённой военному ведомству. Организация местных контрразведывательных отделов (КРО) не встретила понимания общественности, стремившейся к отказу от «преследования за политические убеждения». Однако эскалация вооружённого конфликта, отягощенного идеологическим противостоянием, вынуждала правительство пойти на формирование военного контроля [Кирмель, 2015].

Юридически власть в Сибири всё ещё не была способна серьёзно наказывать своих противников. В начале сентября 15–16 комиссарам Красноярского совдепа, в том числе арестованным в Барнауле организаторам вывоза банковских ценностей В. П. Демидову, М. П. Замощину и Э. Я. Шульцу, было предъявлено обвинение в «разбое», каравшееся лишь четырьмя – шестью годами каторги [Труд, 1918, 11 сентября; Свободная Сибирь, 1918, 17 августа, 14 сентября]. Только 14 сентября 1918 года Административный совет Временного Сибирского правительства восстановил смертную казнь, но по обвинению за военную и государственную измену, участие в восстании и за подстрекательство к нему. 21 сентября МВД призвало губернских комиссаров к недопущению «ничем не оправданной» гуманности в отношении большевиков [Временное Сибирское правительство, 2007, с. 410; ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 8. Л. 14].

Согласно воспоминаниям очевидца, власти в Красноярске задумывали проведение судебного процесса над «членами, именовавшими себя Соединённым исполнительным комитетом Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», участниками процесса должны были стать 328 заключённых

тюрьмы. Им инкриминировались силовой захват власти, военные действия, подрывы железнодорожных мостов, незаконное изъятие золота и денежных средств в госбанке [Комарова, 2021, с. 277]. Но на допросе 23 августа в Красноярском окружном суде, например, Г. С. Вейнбаум свою вину в этих событиях не признал [Шекшеев, 2006, с. 336].

Некоторое напряжение в деятельности новой власти возникало в связи с созданием большевистского подполья, которое возглавил польский интернационалист В. Ф. Матушевский. Кроме красноярского комитета, состоявшего из Т. П. Исаева, П. Г. Канцелярского, П. Ф. Москалева, Н. В. Попова и П. Ф. Рухлова, существовали подпольщики в Ачинске, Канске и Боготоле. Целью их деятельности было, как сформулировал приехавший в Красноярск руководитель Сибирского большевистского подполья Ф. Суховерхов, разжигание антиправительственного восстания. В сентябре 1918 года по доносу внедренного в организацию провокатора В. Ф. Матушевский и работник подпольной типографии были схвачены сотрудниками военного контроля и чешской контрразведки. После допросов они были убиты [Комарова, 2021, с. 276].

Вследствие создавшейся обстановки, окружной прокурор, а следом и военный министр не были намерены санкционировать передачу бывших советских деятелей, способных дать дополнительные и широкие показания, для решения их судьбы в союзнические судебные инстанции. Однако из-за нахождения в Сибири чехословацкого корпуса влияние его офицеров в этом вопросе было существенным. Заявив, что он «имеет полномочия взять [заключённых] силой», действующий по личному указанию будущего командующего Сибирской армией Р. Гайды, командир 1-й маршевой роты 8-го Силезского стрелкового полка подпоручик Б. Борецкий настоял на выдаче комендантом губернской тюрьмы видных в прошлом большевистских и советских деятелей сибирского и губернского масштаба И. И. Белопольского, Г. С. Вейнбаума, Я. Ф. Дубровинского, В. Н. Яковлева, инженера и комиссара железной дороги

А. Ф. Порадовского (или Парадовского). Доставленные в чрезвычайный военно-полевой суд, заседавший в чехословацком эшелоне на станции Красноярск, они заслушали обвинения в нарушении договоренностей между чехами и советскими органами об их беспрепятственном следовании на восток, в покушении на безопасность и имущество чехословацких войск. Кроме того, признавший на следствии ошибочность своего перехода к большевикам Дубровинский обвинялся в создании для борьбы с чехами особого отряда, действовавшего на Ключевском фронте, а Порадовский – в разрушении железнодорожного сообщения. Утром 25 октября они были приговорены к расстрелу и через час казнены [Комарова, 2021, с. 282; ГАКК. Ф. Р–1763. Оп. 1. Д. 65. Л. 139–140].

Суд и приговор, выполненные чехами, не оставили равнодушными красноярскую общественность. 2 ноября 1918 года она в лице председателя уездной земской управы, члена Сибирской областной думы и представителя профсоюзной организации, обратилась за выяснением правомерности применения казни к названным большевикам в аппарат управляющего Совета министров. Данные лица, полагая, что использование до издания закона о смертной казни военно-полевых судов отрицательно скажется на авторитете власти, просили о приостановке этого решения. Это обращение было направлено председателю Совмина П. В. Вологодскому и военному министру генерал-майору П. П. Иванову-Ринову. Первый из них заявил о правомерности этой казни, а другой – опротестовал применение военно-полевых судов [Письма во власть..., 2015, с. 102–104].

Дальнейшее пребывание советских деятелей в красноярской тюрьме характеризовалось жесткими условиями. Охрану внутри несли надзиратели, снаружи – чехи. Камеры были переполненными, питание – «ниже среднего», а прогулки недолгими. Заключённые имели возможность читать литературу, газеты, а некоторые работали в тюремном дворе. Приезжали отряды, которые организовывали избиения заключённых и вывозили их на заседания военно-полевых судов. На первом из них пятеро из

девяти обвиняемых были приговорены к расстрелу, трое – к вечной каторге, а один – оправдан. На втором – на казнь были осуждены шестеро подсудимых [ГАКК. Ф. Р–1743. Оп. 1. Д. 243. Л. 1].

Вскоре число заключённых пополнилось арестованными красноярскими большевиками. В ночь на 11 ноября по указке провокатора на явочной квартире в Николаевской слободе милицией были арестованы семеро подпольщиков, в том числе П. Г. Канцелярский и Н. В. Попов, а один из них (Р. Петерсон) погиб. Но после прошедшей 22–23 ноября 1918 года в городе Томске II Сибирской партийной конференции, которая высказалась за организацию местных вооружённых выступлений, подполье активизировалось. В декабре 1918 года при помощи сибирских большевиков в Красноярске был создан второй подпольный большевистский комитет, состоявший из А. В. Байкова, А. И. Гуна, Ф. Я. Леймана, Н. Х. Молчанова и других, которые впоследствии стали ещё одной жертвой белого террора [Комарова, 2021, с. 277; ФКККМ. В/ф 3403-2. Л. 21].

Несмотря на данные расправы, власть в Сибири всё ещё не была способна серьёзно наказывать своих противников и владеть ситуацией в деревне, что затем, по мнению одного из исследователей, вызвало случаи бессудных расправ над лицами, подозреваемыми в большевизме [Балмасов, 2001, с. 5]. В этих условиях бывшие деятели первой советской власти и красногвардейцы, скрывшись в глухих местах, становились инициаторами повстанческого движения.

Ликвидация первых очагов повстанчества

Слабость воцарившейся власти, проявленная, например в мобилизационных, налоговых и прочих делах, была столь очевидной, что она провоцировала крестьянские бунты. Так, в октябре 1918 года появился небольшой повстанческий отряд на переселенческих участках Уярской волости Канского уезда. Посылая небольшие милицейские отряды, например есаула Трофимова, прапорщика Баженова и Валькова, власти пытались успокоить

население. Но тут же начиналось брожение среди населения других местностей.

Став мятежником, крестьянин не мог рассчитывать на статус военнопленного, его деятельность подпадала под действие уголовного законодательства и наказывалась, исходя из законов военного времени. Первыми белый террор ощутили недовольные политикой местных властей участники восстания в Минусинском уезде. Подвергшись разгрому правительственными войсками и разбежавшись, мятежники вылавливались посланными в деревню отрядами, выдавались крестьянскими сходами. 24 ноября 1918 года в селе Дубенское были расстреляны шестеро повстанцев. Сожжению подверглись 16 домов, при этом погибли женщины и дети. Из этого села каратели вывезли в Минусинск 30 человек, из которых 10 были казнены. Под Коей были захвачены 19 повстанцев, большинство из них подверглось расстрелу. Посетив деревню Николаевку, казаки, обозлённые отношениями с её жителями, расстреляли 14 человек. За убийство каратузского атамана П. Т. Шошина и его сотоварищей белыми было казнено более 80 их односельчан, захваченных в районе села Городок, а в самом Каратузе – ещё 14 человек. Согласно воспоминаниям современников, в селе Верхний Суэтух убитыми оказались 24, Нижней Буланке – 19, Еловке – 18 и в Уджее – 12 жителей.

В некоторых местностях расстрелы, совершаемые по доносам завистников, например, в селе Дубенском, на Даниловском заводе и в Табате, охватили настолько большое количество крестьян, что военное командование их запретило. Тогда казаки перешли к поркам жителей и беспощадному избиению арестованных повстанческих вожаков.

Людей, доставляемых в Минусинск, было так много, что ими были заняты не только тюремные камеры, но и все подвальные помещения крупных городских зданий. Созданный военно-полевой суд до конца 1918 года приговорил к смертной казни 22 подсудимых, а на 12 февраля 1919 года вынес 195 приговоров, в том числе 87 смертных и 59 – к каторге. Некоторые

арестованные, используя взятки, внесённые родственниками, и побег, случалось, спасали себе жизнь. В начале 1919 года военно-следственная комиссия ежедневно освобождала по несколько десятков лиц, арестованных по личным счётам. Одновременно вплоть до лета осуждённые ночами выводились партиями, насчитывавшими пять–восемь и даже 25 лиц, на расстрел. «У тюремной стены, – рассказывал очевидец, – была вырыта огромная яма, покрытая плахами как решёткой. На эти плахи выводили арестованных и расстреливали. Убитый валялся прямо в яму. Иногда жалея патроны, людей убивали как скот – колотушкой...». Совершившие 21 марта неудачный побег и отбивавшиеся от надзирателей семеро смертников были расстреляны прямо в камере и дорублены во дворе тюрьмы.

Во время этих событий погибло 1,2–1,5 тысячи минусинских крестьян. Оставшиеся живыми арестованные участники мятежа были отправлены в Красноярск. Но вскоре нахождение правительственных войск, которые мародерствовали и безобразничали, стало для местных властей головной болью. Учитывая, что в беспорядках участвовали большие массы крестьян, командование 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса распорядилось использовать при их наказании штрафные санкции. При этом вылавливание и аресты бывших повстанцев в Минусинском уезде продолжались даже летом 1919 года [Шекшеев, 2018].

В декабре 1918 года советская власть была провозглашена в Степно-Баджейской и Кияйской волостях Красноярского уезда. Посланные в эти районы отряды штабс-капитанов Сченсновича и Тагунова попали в засаду и отступили. На севере Канского уезда восстали крестьяне Тасеевской и Фаначетской и на юге – Перовской и Рыбинской волостей.

Белые не сразу решились применять к повстанцам жестокие меры. Так, в приказе от 19 декабря 1918 года начальник находившегося в Канске Енисейского отряда особого назначения (ОН) МВД полковник Петухов потребовал от подчинённых, «проходя селения, собирать сходы, требовать выдачи главарей, дезер-

тиров и уклоняющихся от призыва, выдачи оружия, патронов, снаряжения и обмундирования. Прибегать к обыскам, офицерам наблюдать, чтобы частное имущество жителей оставалось неприкосновенным». Но ниже он же приказывал облагать штрафом селения, признавшие советскую власть, а главарей и вооружённых лиц – расстреливать [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 50].

Следуя этому приказу, правительственные силы 23 декабря приступили к зачистке района, прилегавшего к железнодорожной станции Камарчага, население которого активно противодействовало движению поездов по Сибирской магистрали. Против партизанских «фронтов» на севере Канского уезда был выдвинут отряд капитана А. Збероевского. Более жесткие требования к мятежникам и жителям заключались в обязательном постановлении Петухова от 26 декабря: сообщив, что прибывшие войска предназначены для водворения порядка и наказания виновных, он предложил восставшим сдать оружие и выдать главарей, а населению – исправно платить подати. Лицам, захваченным с оружием, он угрожал военно-полевым судом и расстрелом [ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 4. Л. 3].

Между тем в ночь на 27 декабря в городе Канске взбунтовались собранные из дезертиров солдаты 32-го Сибирского стрелкового полка и рабочие станции Иланская. Направлявшийся в мятежные волости Енисейский отряд был повернут на уездный город. К утру 28-го он ликвидировал это выступление. Захваченные участники мятежа на станции выдали его зачинщиков, которые численностью в 16 человек были казнены. Из-за вмешательства начальника депо 30 рабочих подверглись только порке, но более 70 человек, которых вывезли в Канск, оказались расстрелянными [Годы огневые, 1962, с. 108; Голуб, 2010]. По приговору военно-полевого суда в городе были казнены 29 и на станции – ещё шесть повстанцев.

Но восстание распространилось на ближние и дальние местности от города. В ночь на 28 декабря оно вспыхнуло в селе Рыбинском. В соседнем селе Большие Ключи с приездом аги-

таторов началось разоружение дружинников. Но к 30 декабря отряд поручика Смирнова, прибывший из Красноярска, занял село Рыбинское и расстрелял 30 человек. 1–2 января посланные из Канска 30 казаков заняли села Большая Уря и Большие Ключи. Арестовав не успевших скрыться крестьян Д. Н., Х. Д. Красновых и В. Ф. Большакова, они 3 января повезли их в Рыбинское и по дороге казнили. Накануне в мятежную деревню Погореловку Уярской волости вошёл отряд войскового старшины И. Н. Красильникова, который, собрав с жителей контрибуцию, казнил пятерых членов ВРШ, а затем – более десятка мужиков, не имевших понятия о «большевизме».

Антиправительственное брожение и повстанчество усиливаются... Неудачи белых

Подавив выступление в Канске, отряд Петухова в начале января 1919 года повел наступление к югу от железной дороги. Захватив деревню Николаевку, белые повесили двоих и расстреляли 20 бунтовщиков. Затем военно-полевой суд приговорил к расстрелу ещё трёх крестьян села Рыбинского, которые грабили односельчан и оказывали содействие мятежникам [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 38–39; Ратьковский, 2017; Попов, 1974, с. 40; ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 14. Л. 1; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 297. Л. 18; Власть труда, 1923, 14 сентября]. Но с выходом на село Перово правительственные войска встретили партизанское сопротивление. Ожидая прибытия артиллерии и повесив захваченных мародёров, среди которых находился председатель Нойского совета, они оставили Перово и отступили на деревню Николаевку. В свою очередь, партизаны 5 января отошли на Вершино-Рыбное и к Степному Баджею.

5–6 января 1919 года новый начальник отряда ОН генерал-майор С. И. Афанасьев, сосредоточив под своим командованием около 2 тысяч штыков и сабель с шестью орудиями, потребовал от своих подчинённых активных действий. Дви-

нувшись из Канска, они 10–12 января заняли сёла Агинское, Кияй, Верхне-Рыбинское, Христово-Рождественское и Толюп. Согласно наблюдениям гражданских властей, их жители относились к начальствующим лицам и солдатам доброжелательно и предоставляли подводы, продовольствие и фураж по первому требованию [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 57–59; Евстифеев, 2021].

15 января отряд капитана А. В. Мартына вошёл в село Курай, деревни Денисово и Кондратьево, а 16-го – в село Шеломки. Судя по донесению командира, солдаты его отряда, останавливаясь в селениях, вылавливали «агитаторов, главарей, фамилии коих были известны ещё в Канске, ... а местное население, видя сильный отряд, оказывало посильную помощь, включительно до ареста большевистских деятелей ...» [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 106]. Сход более 50 денисовских крестьян, собравшись 19 января, постановил подчиняться настоящему правительству и преследовать бежавших к партизанам земляков. В рапорте от 20-го помощник управляющего Канским уездом В. П. Ламанский [подробнее о нём см.: Шишкин, 2013, с. 29–35] сообщал своему начальству, что перепуганное население успокаивается и становится резко враждебным к «кучке красных, нарушивших порядок и спокойствие обывателей». В селе Шеломки, продолжал он, за обнаружение оружия и антиправительственную агитацию были расстреляны пятеро человек и отобрано имущество у беглецов. Но общества из окрестных деревень доставили новой администрации приговоры, в которых заверяли её об отсутствии у них «большевиков», за что «ручались своими головами».

Прибыв на следующий день вместе с военными в село Бакчет, чиновник отметил «хорошее настроение» крестьян, их готовность содействовать властям. Старосты окрестных деревень обещали доставить собранные у крестьян подати в соответствующее учреждение. Свидетельствуя о «полной дисциплине», присущей солдатам, представитель уездной власти в то же время высказывал нарекания в адрес казаков, производивших

насилия и хищения. С поступлением жалобы от женщин один из милиционеров, отличавшийся «развязным поведением», был отправлен в Канск [Евстифеев, 2021].

23 января правительственный отряд после четырёхчасового наступления на село Тасеево из-за недостаточной огневой поддержки был вынужден отступить. Неудачный поход белых позволил партизанскому командованию сообщить населению, что вышедшие из Канска 600 карателей в течение девяти дней грабили население и кооперацию, расстреливали мужчин и насиловали женщин [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 55].

В действительности насилием над населением отличалась деятельность лишь некоторых военных. Таким, к примеру, было отношение к крестьянам прапорщика М. И. Елизарьева, в прошлом добровольца чешского штурмового батальона, председателя уездных органов, и его подчинённых, посланных в селения Амонашевской волости. Местные крестьяне поддерживали администрацию и платили подати, но посетившие их казаки и милиционеры занялись уничтожением самогонных аппаратов, порками населения и вымогательством у него денег и вещей. Получив донос от крестьянина деревни Шумиха о том, что его соседи прячут оружие, члены отряда 25 января появились в селении, где стали, врываясь в избы и угрожая расстрелом, требовать деньги и самогонку, а отказников тут же пороть [ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 14. Л. 49, 51, 55–56, 59].

Но теперь подобная практика входила в противоречие с требованиями губернских властей. 31 января 1919 года управляющий Канского уезда получил послание губернского руководства, в котором милиции предлагалось при выяснении участников восстания обсуждать этот вопрос на сельских сходах, а их приговоры вместе с задержанными лицами направлять в следственные органы [Евстифеев, 2021]. Сочтя, что обстановка не требовала репрессий, администрация уезда инициировала расследование насильственной деятельности офицеров братьев Елизарьевых следователем Иркутского военного округа [ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 14. Л. 61].

Несмотря на такую реакцию гражданских властей, вошедший 28 февраля того же года на станцию Тайшет отряд Беляковича целую ночь занимался поркой арестованных крестьян и железнодорожных рабочих. Получив рапорт о тайшетских событиях, управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий просил об устранении подобных «самоуправств и нетактичностей» [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 199].

Проявленной жестокостью белые только способствовали распространению восстаний. С приближением карателей население разбегалось по тайге, пополняя собой отряды повстанцев. 17 февраля полковник И. Н. Красильников ещё раз атаковал село Тасеево, но с потерями был вынужден отступить. Карательные действия окончательно превратили его подчинённых в «банду хулиганов и ресторанных героев». Считая террор суровой необходимостью, они существовали по принципу, который современники характеризовали так: «Грабят, а сражаются великолепно...» [Шулдяков, 2004, с. 270].

Для ликвидации мятежа, вспыхнувшего в ночь на 6 февраля 1919 года в городе Енисейске, белым уже потребовалось привлечение дополнительных воинских резервов и ужесточение репрессий. По свидетельству современников, вернувшиеся и жаждущие реванша сторонники белой власти, спуская под лёд и закапывая живыми, уничтожили в селениях, находившихся на пути к городу, до сотни «большевиков». Со взятием его и объявлением 27 февраля 1919 года осадного положения казаки из отрядов В. И. Розанова расстреляли 186 захваченных с оружием или скрывавшихся лиц, а затем белые сбросили под лёд, «отправив в Туруханск», до 700 человек, в частности из личной ненависти [Колосов, 1923, с. 140; Енисейск в записках..., 2019, с. 298; Народный голос, 1919, 2 января].

Вскоре правительственные отряды, «бессильные действовать против банд», отошли из глубины уездов к линии железной дороги. Трёхмесячное топтание на одном месте частей было вызвано их малочисленностью, моральной слабостью и большими масштабами распространения восстания. По сведениям земцев,

оно охватило территорию «на расстоянии 100 вёрст от Красноярска». К тому же, взятая чехами на себя охрана Сибирской железнодорожной магистрали так и не стала гарантом бесперебойного движения.

Колчак: опора на военных

Сибирская администрация всё более склонялась к использованию армии в подавлении крестьянских восстаний и к усилению репрессий. Важной предпосылкой к этому явилось подписание Верховным правителем А. В. Колчаком 3 декабря 1918 года постановления о введении смертной казни [Литвин, 1995, с. 127]. Его стремление к концентрации реальных полномочий в руках генералитета и возложению на него решения возникавших проблем находило отклик в среде военных. Обобщая полученные данные, штабисты Иркутского военного округа спрогнозировали улучшение ситуации лишь путём замены Енисейского отряда МВД решительно действующими армейскими частями [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 111].

С целью упорядочения участия военных в карательных акциях командованию округов было предоставлено право объявлять ту или иную местность на военном положении, а постановлением Совмина от 1 февраля 1919 года – карать виновных в нарушении общественной безопасности вплоть до смертной казни. В телеграмме от 20 марта 1919 года военный министр Российского правительства генерал-майор Н. А. Степанов передал командующему Иркутским военным округом генерал-лейтенанту В. В. Артемьеву повеление Верховного правителя о «решительном» подавлении енисейского восстания, которое следовало проводить «самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживавшего их...» [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 113]. По некоторым сведениям, белые, угрожая применением боевых газов, выдвинули перед партизанами ультиматум о сдаче в семидневный срок [ГАКК. Ф. П–42. Оп. 6. Д. 427. Л. 38].

Вопреки телеграммному указанию МВД о том, что «...ответственность за спокойствие губернии ... ложится на управ[ляющих] губ[ерниями]» [Кирмель, 2015], борьба с повстанцами переходила в руки военных. Уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии и Нижне-Удинском уезде Иркутской губернии с 13 марта 1919 года был назначен генерал-лейтенант С. Н. Розанов. Современник оставил о Розанове такую характеристику: он «был ленив и много пил; по внешности производил впечатление человека неряшливого, по характеру – необузданного и жестокого; у него было типичное армейское лицо и тяжёлая походка настоящего палача». «Осуществляя свои карательные задачи, Розанов действовал террором, обнаружив чрезвычайную личную жестокость, – писал его сослуживец. – Расстрелы и казни были беспощадны. Вдоль сибирской магистрали, в тех местах, где мятежники своими нападениями прерывали полотно ж/дороги, он для вразумления развешивал по телеграфным столбам трупы казнённых зачинщиков...» [Литвин, 1995, с. 129; Колосов, 1923, с. 121]. Осуждая белый террор, ещё один очевидец считал Розанова «третьей (после Калмыкова и Семёнова – *А. III.*) одиозной фигурой» в Сибири [Грэвс, 1932, с. 156].

В последней декаде марта и в апреле 1919 года Розанов издал приказы, требующие уничтожать агитаторов, грабителей и шпионов, расстреливать заложников, а мятежные деревни сжигать. Иркутские военные власти рекомендовали, кроме «поголовного уничтожения восставших», подвергать укрывавшее их население взысканию штрафа и конфискации имущества в пользу армии.

Ранее отношения между «силовиками», занявшими селение, и его жителями могли складываться в зависимости от облика и настроения их начальства. К примеру, прибывший на станцию Клюквенную полковник Зевакин в приказе от 16 марта 1919 года даже требовал от подчинённых организовать подводную повинность местных жителей так, чтобы она не мешала им заниматься хозяйственными делами [ГАКК. Ф. П-64. Оп. 11. Д. 8.

Л. 26]. Позднее двое офицеров–красильниковцев, грабивших и убивавших крестьян из-за денег, были приговорены к смертной казни [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 148].

Усиление репрессий

Но с появлением приказов губернского уполномоченного «началось нечто неопишное», – сообщал очевидец [Раков, 1920, с. 41]. Практика репрессий резко расширилась. Охранявшие железную дорогу чехи «линчевали» партизан, совершавших диверсии. На станции Тинская были повешены двое членов совета, а 19 – расстреляны. Ещё девять заложников из-за обстрела поезда подверглись казни в уездной тюрьме. Наблюдавшийся в городе Канске террор был обусловлен ещё и посещением его бывшим военным министром, который высказал местным властям своё недовольство незначительностью репрессий. С прибытием полковника И. Н. Красильникова в городе начались новые аресты и казни заложников. Из красноярской тюрьмы был возвращён и в ночь на 28 марта повешен бывший председатель Канского совдепа Н. И. Коростелев (М. Д. Кретов). В те же дни освобождённый по доносу недоброжелателей от должности городского головы и помещённый по предписанию МВД в тюрьму, социалист-революционер И. Д. Степанов подвергся казни [Колосов, 1923, с. 141–142; Добровольский, 1999, с. 67].

Прежде всего крупные правительственные силы обрушились на повстанцев в Ачинском уезде. Существовавший здесь с января 1919 года отряд П. Е. Щетинкина упорно сопротивлялся, но белые 18 марта взяли сёла Новосёловское, Петровское, 23-го – Троицкое и Козловку. 25 марта партизаны были выбиты из окопов у станции Нагорная, 26–29-го – потеряли селения Ольховка, Тимонино, Лапшиха и Красновка. После этих боев отряд Щетинкина прорвался и ушёл на соединение с заманскими партизанами. В оставленных им селениях белые расстреляли 36 раненых повстанцев [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 148].

Согласно воспоминаниям бывших партизан, в с. Ужур и волости белым воинством были биты шомполами и расстреляны 100–132 и по другим данным – 400 крестьян; в с. Шарыпово – повешены двое, расстреляны 56, а 254 – зарублены; в д. Парной погибли 72–78 жителей и в с. Балахта – 22 человека [Ратьковский, 2017; Перевалов, 1933, с. 46; Годы огневые, 1962, с. 279; Соха и молот, 1919, 23 декабря]. Однако опубликованная сразу же после событий информация свидетельствовала, что в южных местностях уезда минусинский и абаканский отряды расстреляли только 150 пойманных «бандитов» из разбежавшегося отряда М. Х. Перевалова [Свободная Сибирь, 1919, 13 апреля].

Расстреляв в Лапшихе от 16 до 35 крестьян, белые подожгли её и Козловку, лишив жилья до тысячи жителей. В селе Новоеловское они сожгли часть домов и расстреляли некоторых крестьян. В ответ на просьбу делегации из села Тимонино не обрывать их жильё уничтожению, каратели взыскали контрибуцию и каждого десятого жителя выпороли. С ликвидацией повстанческих очагов казаки Покровской волости проводили акции по окончательному «усмирению» местных крестьян. Сгнав их на пепелище деревни Ольховка, станичники расстреляли 10 человек, а прочих – перепороли. При этом власти закрывали глаза на то, что за казаками, которые осуществляли «экзекуцию», двигались семейные обозы с имуществом их жертв [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 122–123; Колосов, 1923, с. 135–136; ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 297. Л. 154; Оп. 2. Д. 32. Л. 187; Свободная Сибирь, 1919, 13 апреля].

В других местностях, рассказывали потом бывшие партизаны, белые также отличались жестокостями. Так, в деревне Тинская Нижне-Ингашской волости были расстреляны 18, в Комарково Больше-Муртинской – восемь повстанцев. Наступавший на село Зимник Абанской волости Канского уезда полковник Красильников оставил по себе «страшную память». Его подчинённые уничтожили четырёх партизан и хозяина дома, в подвале которого они скрывались, 30 жителей и заживо сожгли крестьянскую семью. В селе Апано Ключи они повеси-

ли старосту, шестерых жителей и ещё одному отрубили голову [Ратьковский, 2017].

Весной 1919 года степно-баджейские партизаны полностью или частично контролировали территорию 14 волостей, в которых проживало около 100 тысяч человек. Здесь партизаны ликвидировали земские учреждения и заменили их советами [Шишкин, 2020, с. 241, 245]. Под властью партизан находились 11 тысяч человек населения села Тасеево и окружавших его деревень. При этом правительственные спецслужбы ознакомились с резолюцией III Сибирской большевистской конференции (город Омск, 20–21 марта 1919 года), требовавшей от большевистского подполья такого разжигания партизанской войны, для ликвидации которой стало бы необходимо максимальное отвлечение воинских сил с фронта [Кирмель, 2015].

Между тем военно-политическое руководство так и не пришло к единому мнению о применении репрессий в тылу. Несмотря на выражаемое Верховным доверие к военным, все его распоряжения претворялись в жизнь лишь после прохождения через Совет Министров [Никитин, 2007, с. 29], а деятельность представителей белого режима направлялась «Положением о лицах, опасных для государственного порядка вследствие принадлежности к большевистскому бунту», утверждённым Российским правительством 11 апреля 1919 года.

Однако выслушанные требования адмирала о немедленной ликвидации восстаний заставили Совмин на заседаниях 16 и 18 апреля 1919 года согласиться с применением к мятежникам смертной казни [Протоколы допроса..., 1991, с. 320]. 24 апреля военный министр Степанов передал из Омска на места указание Верховного о «беспощадном уничтожении банд» [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 174].

Но даже среди военных должностных лиц находились не только сторонники жесткого отношения к противнику и обществу. Так, в приказе по войскам Сибирской армии от 6 мая 1919 года за подписью генерала Гайды говорилось: «Всех, кто будет самочинно производить экзекуции, расправы и расстрелы, я буду

предавать военно-полевому суду как за истязание и обыкновенное убийство» [Колосов, 1923, с. 140]. Передавая подобные указания на места, всё тот же Степанов предупреждал армейских начальников о том, что им надлежит быть «примером законных и справедливых отношений к населению» [Звягин, 2001, с. 255]. По соображениям военной цензуры, угрозы Гайды в тылу не получили известности.

Напротив, 14 мая 1919 года в войсках и среди населения был растиражирован новый приказ Колчака. В нём требовалось «всё движимое имущество сдавшихся в плен или перешедших на сторону противника, а также лиц, добровольно служащих на стороне красных, конфисковать в пользу казны; предателей и изменников в плен не брать и расстреливать на месте без суда; при поимке же их в дальнейшем будущем арестовывать и предавать военно-полевому суду» [Голуб, 2010].

Скорее всего, жестокое отношение правительственных служб и тыловых частей к населению мятежных районов и тюремным узникам определялось личными качествами должностных лиц. Так, массовые казни заложников в красноярской тюрьме осуществлялись по инициативе местного военного командования. Списки смертников составлялись в штабе генерала Розанова. На расстрел брали ночью. Из тюрьмы обречённые выходили с пением «Интернационала». Их везли по окраине города к кладбищу. Большинство казнимых вели себя гордо и умирали спокойно [ГАКК. Ф. Р–1743 с. Оп. 1. Д. 243. Л. 1].

В ночь на 30 апреля в ответ на растерзание повстанцами прапорщика Вавилова по приказанию уполномоченного были расстреляны бывший комиссар губернского исполкома и председатель Енисейского совдепа В. Маерчак, И. Блинов, Я. Бойчук, Г. Коростелёв, К. Левальд, В. Мариловцев, А. Нитавский, И. Пепсин, А. Семененко и Г. Саломатов [Мармышев, 2008, с. 153; ГАКК. Ф. П–64. Оп. 1. Д. 448. Л. 75]. С получением известия о том, что партизаны повесили капитана Логутина, поручика Барковского и зверски убили старшего унтер-офицера 10-го чехословацкого полка Вондрашека, белые 10 мая под-

вергли казни 10 заложников, в том числе бывшего члена ЦИК Советов Сибири Я. Бограда, председателя Енисейского совдепа А. Перенсона, Ф. Веймана, М. Замощина, С. Иоффе, И. Коншина, А. Менчука (Минчука) (Рокамболя), О. Петерсона, Я. Станислауса и Э. Шульца [Свободная Сибирь, 1919, 13 мая; ФК-ККМ. В/ф 12466/5. Л. 4; ГАКК. Ф. П–64. Оп. 1. Д. 448. Л. 75; Ф. П–42. Оп. 6. Д. 355. Л. 28]. Наконец, 14 июня за убийство партизанами фельдшером 1-го Томского гусарского полка были расстреляны М. Афанасьев, А. Бляшко, Л. Зейле, Г. Пекарж, Я. Портных, С. Тамаров, К. Ткаченко и Д. Третьяков [Свободная Сибирь, 1919, 18 июня].

К этому времени обострилась ситуация и на Сибирской магистрали. В целях нарушения сообщения 8 мая 1919 года повстанцы повели наступление и захватили станцию Тайшет. Они были отброшены чехами и понесли существенные потери. Из них 25 человек были повешены. Вероятно, одним из них был И. А. Бич-Таёжный – трагическая фигура Шиткинского фронта. Но движение по железной дороге из-за этих событий и постоянных разборок пути, порчи мостов и телеграфа, крушений и обстрелов поездов приостановилось. Власти были вынуждены обратиться к ликвидации внутренних фронтов, которая должна была носить ударный, быстрый характер [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 171, 173, 178].

12 мая 1919 года в очередной раз в результате предательства было обезглавлено красноярское подполье. С захватом штаба и задержанием 15 человек были обнаружены части пулемёта, бомбы, винтовки, патроны, типографский станок и шрифт.

Армейская операция по подавлению повстанчества. Апофеоз террора

В середине мая 1919 года белые и их союзники, состоявшие из фронтовых армейских частей, дивизии чехов, двух рот итальянцев и полка енисейских казаков общей численностью в 12 тысяч человек и поддерживаемые огнём 25 орудий и 50 пулемётов,

начали наступление на Заманье. На севере Канского уезда активизировались войска полковника Красильникова, которые были поддержаны десантом, доставленным в устье Енисея и Ангары Енисейской речной флотилией.

17 мая со стороны станции Клюквенная выступили чехи, которые заставили партизан отступить на Перово и далее на Вершино-Рыбное. В селе Семёновское белые расстреляли семейных, в Перово зарубили троих, расстреляли 15 и в Рыбинском – 40 жителей. Мародёрствующие солдаты шумно пьянствовали и насиловали женщин. Огню были преданы строения в селениях Койское, Стойбинское, Ново-Николаевское и Симоново.

Наступая на село Шало, чехи выбили оттуда партизан, отошедших к Кияю и Нарве, а 22-го – двинулись на Вершино-Рыбное. Не сумев организовать его оборону, партизаны отступили на Солонечно-Талую. Население с. Вершино-Рыбное, причастное к повстанчеству, заплатило большую контрибуцию. В дальнейшем за отправку 50 подвод с продуктами для партизан была ликвидирована д. Солонечно-Талая [Комарова, 2021, с. 320; Попов, 1974, с. 92–93; ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 15. Л. 1, 376; Оп. 5. Д. 531. Л. 11, 15].

Действуя на другом направлении, войсковая группа 16 мая вошла в село Межево Красноярского уезда, где сожгла 70 домостроений. На следующий день каратели заняли деревню Таргинскую. Сбрав людей на сход, они первыми допрашивали писарей. Тех, кто отказывался называть лиц, выступавших в поддержку советов, пороли, а следующей ночью их наделяли «землёй и волей», то есть расстреливали. В селе Сугристое по доносу «услужливых обывателей» белые казнили троих жителей, 20 мая выпороли население деревни Ново-Александровская и 21-го – села Хайдак. Крестьян избивали нагайками и расстреливали по самому незначительному поводу: за хранение берданы, обоймы патронов, за отказ называть «большевиков» [Соха и молот, 1919, 25, 26 сентября].

Действуя в Канском уезде, начальник одного из воинских отрядов предупреждал население: «Подати, если не внесены, не-

медленно внести... При малейшем сопротивлении со стороны сёл и деревень я буду беспощадно громить дома артиллерией» [Голуб, 2010]. Судя же по другому источнику, отряды теперь сопровождалась земскими чиновниками. Согласно предписанию управляющего, например Канским уездом от 7 июня 1919 года, они обязывались регулировать отношения между воинскими чинами и местным населением, заботиться о снабжении отрядов продовольствием и фуражом, наблюдая, чтобы за всё взятое для солдат уплачивались деньги или выдавались расписки. Кроме того, помощник управляющего должен был принимать меры к успокоению населения, распространять сведения о положении дел и восстанавливать местную гражданскую администрацию. Получив информацию о том, что в местностях, очищенных от партизан, его подчинённый занимался передачей брошенного беглецами имущества военным властям, управляющий 11 июня потребовал принимать его по описям и сдавать под охрану представителям местного земства [Евстифеев, 2021].

К концу мая разгрому подвергся Шиткинский партизанский фронт. Еловские повстанцы во главе с В. Юшковым, зажатые белыми в деревне Трясучая, бежали в тайгу, были переловлены, избиты, а многие – расстреляны. 25-го чехи выбили повстанцев из селений Бирюса, Конторское, Еловка и Старый Акульшет. Первые два из них подверглись сожжению. К 6 июня пала советская власть в селе Кучерово и его окрестностях. Захваченные противником, её сторонники были повешены у церкви, а само село – подожжено. 8 июня чехами была взята Кежда, а 14-го – Шиткино [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 12, 180].

Ведя упорные бои, белые и чехи 4 июня захватили село Кияй. С выходом на нарвскую паромную переправу перед ними открывался путь на Степной Баджей. Партизаны пытались отстоять Нарву. Но 11 июня чехи, итальянцы и казаки, переправившись на правый берег реки Мана, взяли её. Здесь они собирались расстрелять десяток жителей, но успели только выпороть немно-

гих. Процедуру прекратил неизвестный чешский офицер и двое его солдат, выставившие пулемёт против карателей.

13 июня началась эвакуация защитников Степного Баджея, а 15-го он был оставлен партизанами, которые разошлись по заимкам или отправились в Саянский поход. Вошедшие белые обнаружили в селе только трёх местных мужчин и 15 женщин, а также 250 раненых и 500 трупов [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 179, 181, 183–184; Мармышев, 2008, с. 151; Попов, 1974, с. 93, 97–98; Протоколы допроса..., 1991, с. 242].

Во время этого наступления и после него в Степно-Баджейской волости были сожжены все деревни. На её территории стали попадаться трупы сдавшихся, но зарубленных казаками партизан. С объявлением конфискации всего имущества у крестьян, добровольно ушедших с партизанами, в селениях Кияйской волости начали бесчинствовать итальянцы, которые забирали у жителей самовары и швейные машины. В доме одного из крестьян, сыновья которого были мобилизованы партизанами, солдаты конфисковали имущество так, что оставили на мужике лишь его одежду. Некоторые из солдатни только и занимались, что привозили и делили «конфискованное». С уходом правительственных отрядов в этой волости остались целыми лишь 57 домов [Эйхе, 1966, с. 219; Соха и молот, 1919, 27 сентября].

«Колчаки сильно насильничали, особо надругались над теми, кто красным помогал, все брали, как своё, – вспоминала потом местная крестьянка. – В Потанино какого-то начальника убили. Так они всех там мужиков, кого поймали, поубивали. Трупный запах стоял» [«Была ужасная пора...», 2010, с. 188, 190].

Взаимодействуя с десантом армейских частей, вошедших в село Рыбное на Ангаре, группа войск Красильникова общей численностью более 15 тысяч человек 8 июня повела наступление на повстанческие очаги на севере Канского уезда. Продвигаясь по Фаначетской волости, белые повесили и расстреляли 108 человек и сожгли 148 хозяйств. Заняв деревни Кондаково, Канарай и Хандала, правительственные отряды подступили к селу Тасеево. 15 июня в бою у деревни Таловская белые использо-

вали химические снаряды. За неделю до прихода правительственных войск партизанским командованием была объявлена эвакуация тасеевского населения. Лица, которые не пожелаали выехать, например, жёны милиционеров, были отступавшими убиты. Оставив до полусотни стариков, повстанцы ушли из села. 17 июня правительственные отряды вошли в Тасеево.

Применив артиллерию и овладев укреплённой позицией у деревни Усть-Бобровка, белые 19 июня ворвались в село Троицко-Заводское и заняли солеваренный завод. Перебив до 50 партизан, они захватили лошадей, амбар с зерновыми запасами и кожей, пушку и канцелярию Тасеевского ВРШ, семьи некоторых партизан, а также их имущество, закопанное в землю. Следом состоялся бой на реке Кайтым, в котором партизаны, находившиеся в засаде, нанесли существенный урон противнику. Быстро оправившись, белые заставили повстанцев бросить обоз, гонимый скот и отступить в таёжные дебри на реке Оне [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 179, 182, 189, 32; Мармышев, 2008, с. 158; ГАКК. Ф. П–42. Оп. 10. Д. 101. Л. 38].

Будучи ещё в селе Рыбное, командующий десантом подполковник И. Ф. Ромеров наложил на его население контрибуцию в 50 тысяч рублей [Балмасов, 2002, с. 75]. Ещё большую сумму, в 100 тысяч, белые собрали с жителей села Тасеево. Судя по воспоминаниям очевидцев, каратели казнили жён видных тасеевских партизан, пороли и живыми закапывали мужиков, насиловали женщин, расстреляли и зарубили 200 человек. Покидая 19 июня село, полковник Жилинский приказал его сжечь. В результате сгорели 200, или 2/3 всех дворов. Расстреляв 11 крестьян, белые подожгли деревню Денисово, а затем и Канарай. В деревне Колон, жители которой разрешили партизанам организовать засаду, населению было разрешено вывезти имущество, но часть её была сожжена. Согласно воспоминаниям, погибли от огня и некоторые крестьяне. Население разъехалось и было вынуждено проживать в балаганах на пашне, в бору и в ближних селениях. На Троицком заводе было расстреляно до 100 жителей и 28 тасеевских «главарей» [Партизанское движение в Сибири, Т. 1,

1925, с. 189; Иванов, 1969, с. 58; Яковенко, 1988, с. 63, 76, 119–120; ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 762. Л. 40, 42–43, 45, 53].

Несколько иную информацию о событиях в этих местах предоставил в уездную администрацию в рапорте от 3 июля 1919 года всё тот же Ламанский. Он сообщал, что в заводском посёлке им и начальником отряда собирались сходы, на которых они рассказывали о политике властей и разоблачали виновников беспорядков. В результате вступившим войскам крестьянами был оказан «радушный приём»: они немедленно выплатили контрибуцию в 50 тысяч рублей и составили приговор с указанием всех местных мятежников, а также организовали дружину, члены которой на смотре обещали «всемерно бороться с большевизмом» [что затем не помешало им перейти на сторону тасеевских повстанцев – *А. III*]. Оставленное партизанами имущество и хлеб были приняты на хранение земской управой села Христово-Рождественское, за что его населению «оставшиеся безнаказанными» тасеевские «большевики» угрожали сожжением.

23 июня правительственные войска оставили заводской посёлок и направились в село Фаначет, а автор донесения выехал в Тасеево, где милиция установила сожжение 200 домов и выплату контрибуции в пользу армии. Возвратившееся к этому времени население избрало на сходе старосту и назначило членов волостной земской управы. Переезжая в село Рождественское, земское представительство отмечало наблюдаемое у крестьян «полное содействие правительственной власти и желание поддерживать проведение порядка, сулящего спокойствие и законность». В селе Фаначет, где правительственные войска, как оказывается, сожгли только один дом жителя, бежавшего с партизанами, земцами был проведён сельский сход, который назначил членов волостной управы.

Однако милицией была установлена произведённая в селе Бакчет реквизиция военными скота, принадлежавшего лицам, которые бежали с партизанами. Когда отряд покидал селение, все лошади у офицеров были заменены на лучшие, подводы

были заполнены тушами скота, зарезанного у крестьян деревень Топол и Колон, а следом гналось стадо коров и тёлочек. В таких случаях уездное начальство требовало от своих представителей перечисления военными денежными суммами за конфискованных животных в распоряжение комиссии по определению убытков населения [Евстифеев, 2021].

Итоги карательной деятельности.

Последствия и выводы

24 июня 1919 года руководивший подавлением партизанского движения в Енисейской губернии генерал Розанов издал приказ, в котором объявил, что «главные очаги восстаний, Степно-Баджей и Тасеево, взяты. Главари восстания и организаторы нападений на поезда расстреляны» [Протоколы допроса..., 1991, с. 246]. Судя по советским источникам, уничтожению в губернии подверглись 12–14 тысяч крестьянских хозяйств, 1,5 млн пудов хлеба и 917,3 тысячи пудов сена. Расхищены были от 13 до 18,1 тысячи голов лошадей, 20 тыс. крупного рогатого скота и 12,6 тыс. мелких животных. Кроме того, свыше 50 тысяч десятин деревенских посевов и пара оказались непригодными к использованию. Около 10 тысяч крестьян были повешены и расстреляны, 14 тыс. подверглись порке и 33 тыс. пострадали от грабежей [Журов, 1972, с. 44–45; Уйманов, 2012, с. 9]. Мятежное население впервые в Сибири ощутило на себе применение снарядов с боевыми газами. Согласно же более свежим сведениям, только с апреля по июнь 1919 года жертвами расстрелов в регионе стали восемь тысяч мятежников [Окунев, 2019]. Кроме того, летом 1919 года численность заключённых в пяти тюрьмах губернии выросла до 3,2 тысячи человек. Большинство из них составляли местные крестьяне, арестованные за участие в антиправительственном восстании [Журов, 1972, с. 158].

Военная власть поощряла участников этой экспедиции. Розанов подписал приказ с благодарностью начальникам, офицерам, стрелкам и казакам за «отлично выполненную боевую работу».

Указом Колчака от 21 июня 1919 года государственные земли, составлявшие наделы крестьян селений Тасеево и Степной Баджей, были переданы под заселение солдатам [Звягин, 2001, с. 256; Процесс над колчаковскими министрами, 2003, с. 611]. Более того, когда дружинники Абаканской волости Минусинского уезда расстреляли нескольких крестьян за проявленный «большевизм», что вызвало возмущение населения и открытие местными властями уголовного дела, то генерал Розанов 30 июня заявил, что данные лица «действовали в пределах [прав,] предоставленных им законом...» [Шекшеев, 2008, с. 92].

Однако расправа белых была столь жестокой и масштабной, что она заставила Розанова 24 июня 1919 года приказать об отмене бессудных расстрелов заложников [Партизанское движение в Сибири, Т. 1, 1925, с. 188]. Насилие над крестьянами возмутило гражданские власти. 11 июля управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий сообщил в МВД, что военные «перехватили через край...». «Сжигание сёл стало системой, – писал он, – хотя генерал Розанов обещал мне этого не допустить». Высланная правительством следственная комиссия доложила: «Происходила кошмарная и несправедливая расправа...» [Эйхе, 1966, с. 219, 326]. По итогам расследования Колчак распорядился об отмене института заложников [Подлинные протоколы допросов..., 1994, с. 52]. В дальнейшем он защищал своих ставленников на местах от обвинения в излишней жестокости и называл её крайней мерой, необходимой в военной обстановке [Колосов, 1993, с. 127].

Выбив партизан из населённых пунктов и вытеснив их в тайгу, правительственные войска, согласно донесению Розанова, поставили своего противника на грань поражения. Но такой вывод являлся преждевременным. За период с 15 июня по 30 сентября 1919 года в Енисейской губернии, по неполным данным, было убито девять гражданских должностных лиц, 12 милиционеров и дружинников, 26 военных, 530 частных лиц, изнасиловано 13 женщин, сожжено 25 железнодорожных мостов и организовано крушение поезда. Отрезок пути от Красноярска

до Нижнеудинска считался самым опасным участком Транссибирской магистрали [Кирмель, 2015].

Оставленные в селениях воинские гарнизоны не стали гарантией от беспорядков. Стихия солдатских погромов продолжала существовать. Так, 22 июня отряд капитана Юдина появился в деревне Пронино Тасеевской волости, где конфисковал 58 коров, 62 лошади и арестовал 27 крестьян. Обыскав селение и оставив за собой 13 подожжённых домов, он доставил людей и скот в село Фаначет. В штабе 13 человек были расстреляны, а остальные подверглись порке [Комарова, 2021, с. 306]. Посетив село Петрушковское Канского уезда, арестовав и выпоров жителей, военнослужащий из отряда, стоявшего в соседнем селении, увёз конфискованное имущество крестьянина, признанного большевиком [ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 14. Л. 27]. 17 июля правительственными войсками была взята деревня Хандала. Распоряжением всё того же полковника Жилинского были повешены восемь партизан, в том числе раненый и женщина [Евстифеев, 2021]. Население было вынуждено спастись от насилия собственными усилиями. Так, жители Тальской волости на волостном сходе постановили убивать тех, кто покажет на соседей как на большевиков [ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 15. Л. 188].

Продолжали действовать и военно-полевые суды. Так, 11 июля 1919 года такой суд в городе Канске приговорил за бегство в «банду» и агитацию в пользу советской власти шестерых крестьян к расстрелу и одного – к каторге. В том же месяце за участие в восстании суд осудил к расстрелу шестерых рабочих станции Тёплые Ключи и 20 августа в Канске – ещё четырёх человек. 18 сентября начальник контрольно-разведывательного пункта, рассмотрев показания крестьянина из деревни Денисово Рождественской волости, агитировавшего за советскую власть, приговорил его к суровому наказанию [Журов, 1972, с. 122–123; ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 14. Л. 21, 24].

Событием, которое сопровождалось привычными расстрелами, явилось восстание военнослужащих 3-го горного (егерского) 2-й отдельной бригады и 31-го Сибирского запасного

стрелкового полков 8-й дивизии, находившихся в Красноярском военном городке. Несмотря на наличие в одном из них подпольной организации и связи с городскими большевиками, непосредственным поводом к выступлению шести тысяч солдат и примкнувших к ним военнопленных венгров стала угроза отправки на фронт и появление в их рационе питания тухлой рыбы. Осуществив в ночь на 30 июля захват складов с оружием и наступление на город, восставшие столкнулись с подошедшими войсками 3-й чехословацкой дивизии, итальянскими и казачьими частями. С тылу их начали обстреливать батареи 4-го горного полка. Разгромленные и окружённые солдаты-новобранцы стали группами расстреливаться [Комарова, 2021, с. 36–39; Соха и молот, 1919. 27 сентября].

В советское время считалось, что лишению жизни здесь подверглись 1,6 тысячи человек [ГАКК. Ф. Р–49. Оп. 1. Д. 17. Л. 63]. Но затем эта цифра уменьшилась до 700 мятежников, в частности 40 мадьяр, казнённых по приговору созданного в военном городке военно-полевого суда [Васильев, 1997, с. 134–138; Осипов, 2019, с. 76]. Сведения о гибели 500–600 восставших солдат были выложены ещё одним историком [Голуб, 2010]. С венграми расправлялись чешская контрразведка и бойцы из 2-го батальона 12-го чехословацкого полка. Ещё восемь иностранных участников восстания, в том числе мадьяр, были расстреляны местными военными властями [Мармышев, 2008, с. 171; Гергилева, 2015, с. 113]. Однако имеется свидетельство, что жертв подавления восстания было ещё меньше: численность расстрелянных составляла всего 250–300 человек [Ратьковский, 2017], а венгров в расстрельном приказе насчитывалось только 24 лица [Комарова, 2021, с. 39].

Вопреки указаниям сверху, продолжали существовать и случаи расстрелов узников красноярской тюрьмы. На этот раз список смертников составлялся согласно доносу, поступившему от заключённых уголовников, которые из личных побуждений предложили свои услуги контрразведке. В ночь на 18 сентября из её стен были выведены и казнены отрядом прибывших каза-

ков более 30 «заговорщиков», в частности шестеро или семеро надзирателей [ГАКК. Ф. Р–1743 с. Оп. 1. Д. 243. Л. 1; ФКККМ. В/ф. 903. Л. 8]. Следом расстрелу подверглись четверо членов подпольной организации. За период массового содержания советских деятелей в этой тюрьме без суда и следствия были расстреляны 63 политических заключённых из числа большевиков и эсеров. Оставшиеся в живых, по разным данным, 320–350 или более 460 политических и уголовных заключённых в конце сентября 1919 года «эшелонами смерти» были отправлены в концентрационные лагеря на Дальний Восток [Комарова, 2021, с. 277; ГАКК. Ф. Р–1743 с. Оп. 1. Д. 243. Л. 1].

Отмщением рабочим за отсутствие с их стороны поддержки объяснялась деятельность отряда белых на Знаменском заводе. В ночь на 29 сентября они совершили казнь 13 рабочих. На юге Минусинского уезда решившие уходить в эмиграцию, казаки в декабре 1919 г. захватили от 8 до 12 абазинских рабочих, приехавших за продуктами. Семеро из них были замучены [Ратьковский, 2017; Шекшеев, 2007, с. 63].

Воинские части разлагающейся армии всё более превращались в откровенных грабителей и поджигателей. 29 октября после неудачного наступления на деревню Топол солдаты начали жечь её окрестности. Несмотря на обещания защитить население от красных, командование Нижнеудинского гарнизона приказало конфисковать у крестьян деревень Кондратьево и Манаганово 160 голов крупного рогатого скота, свиней, овец, масло, сало, шубы, овчины и дефицитную соль. Мужики, посетившие канский базар, были властями насильно мобилизованы и отправлены на фронт [Партизанское движение в Сибири. Т. 1, 1925, с. 290].

С поражением белых случаев их террора становилось всё меньше. Одним из них стал арест 6 ноября 1919 г. 40 красноярских подпольщиков, среди которых были члены вновь созданного большевистского комитета – И. Герасимов, Э. Итыгин, В. Лавров, Л. Литвина, П. Меженин, Н. Молчанов, Я. Новогрешнов, П. Рухлов, И. Сачков и И. Фридман. Благодаря ходатайству

общественности, их дело было передано из ведения военно-полевого в суд с защитой и свидетелями. Но из-за военных обстоятельств назначенное на 16 декабря открытое судебное разбирательство не состоялось. 29 декабря образовавшийся Комитет общественной безопасности под давлением рабочих-железнодорожников освободил из тюрьмы её узников [Власть труда, 1922, 7, 9 ноября].

Белый террор, хотя и незначительно, но оказывал воздействие на лиц, к которым он применялся. Об этом, например, говорят наблюдаемые случаи поведенческой растерянности и суицидальной настроенности вожаков повстанчества, вызванные поражением их отрядов. Большинство арестованных подпольщиков воспринимало происходившее с ними мужественно. Но случалось, что следственные и тюремные страдания ломали и этих людей. Среди подобных лиц была, к примеру, член РКП(б) и связная между партизанами и подпольщиками В. А. Малышева. Арестованная в Красноярске 12 марта 1919 года, она была приговорена военно-полевым судом к смертной казни, которую заменили 20-летней каторгой. Находясь в красноярской тюрьме, она 15 декабря обратилась с письмом к Колчаку, в котором, заявив о принудительном характере своего нахождения в партизанах, просила помиловать «раскаявшуюся грешницу» и зачислить её в его армию в качестве медсестры. Заседавший 31 января 1920 года партийный суд, обвинив Малышеву в отрицании принадлежности к большевикам, в сношении с тюремной администрацией, а затем в агитации солдат к признанию власти Политцентра, временно перевел её в группу сочувствующих [Шекшеев, 2006, с. 428]. Вероятно, этот случай не был единичным.

В дальнейшем бывшие партизаны, вернувшись домой, часто оказывались на пепелищах лишёнными даже куска хлеба. Вопрос об оказании помощи разорённым крестьянам был поставлен на Армейском съезде 26 января 1920 г. С этой целью была создана Центральная комиссия с уездными представителями. Она нашла только в Манском, Тасеевском и Агинском районах 40,3 тыс. нуждающихся лиц. Составленная комиссией смета

требовала выделения властями 802 млн рублей. Деятельность её способствовала восстановлению разрушенных хозяйств. Однако оно даже в середине 1920-х годов было далеко от завершения. На VI Енисейском губернском съезде советов (апрель 1925 года) отмечалось, что выявление жертв белогвардейщины было осуществлено лишь на четверть. Созданная отчётность засвидетельствовала людские потери только в 2,8 тысячи человек и сожжение 69 селений [ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 9; ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 527. Л. 138].

Следовательно, белый террор, применённый в Енисейской губернии, был существенным, но, скорее всего, менее значительным против того, что назывался в советское время. Конечно, нельзя не согласиться с утверждениями историков о том, что он существовал в качестве мщения белых начальников, так называемых «атаманов» и офицеров, тем, кого они считали «социалистами, интернационалистами, евреями» или взбунтовавшейся чернью [Политическая история, 1996, с. 91]. Но офицерство, принимавшее участие в подавлении крестьянских восстаний, давно потеряло свой прежний дворянский облик. Его политические взгляды были пёстрыми: скрытые сторонники монархии, приверженцы Учредительного собрания и Земского собора, казацки сепаратисты и лица, придерживавшиеся эсеровских взглядов. Но часто поведение офицеров находилось в зависимости от их материального обеспечения. Среди них были разные лица, начиная от слуг и патриотов и кончая мародёрами и садистами.

Отбрасывая в сторону явные выдумки бывших партизан об офицерах и казаках, являвшихся «храбрыми в расправах и утончёнными в жестокостях до глупости» [ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 531. Л. 3], следует признать, что в их среде находились такие, как тот же Красильников – огромного роста, с большой бородой «вечно пьяный хулиган»; подпоручик Томского гусарского полка Пестиков, в нетрезвом виде грозивший общественности обнажённым оружием; есаул Трофимов, занимавшийся мошенничеством; капитан Юдин, отличавшийся своими жесто-

костями, или подпоручик Арзамасцев, приглашавший солдат «потешиться» над арестованным.

Карательные действия белых были предопределены сложившейся обстановкой и усилились с участием армии. С использованием военно-полевых судов, контрибуций и массового сожжения деревень они всё более выстраивались в некую систему и обретали государственный характер. В то же время в документах белой гражданской администрации, в отличие от воспоминаний бывших партизан, насилие рассматривалось как вынужденная, ответная и не контролируемая мера, которая никогда не воспевалась авторами.

Однако белый террор не мог существовать без участия в нём основного населения России. Не случайно крестьяне рассматривались затем советской властью как «мелкобуржуазная стихия», которую надлежало «нейтрализовать» [Стожко, 2018, с. 128]. По инициативе самого населения, ограбленного партизанами, в крупных сёлах создавались дружины самообороны, которые не только занимались сохранением порядка на вверенной им территории, но и принимали участие в подавлении восстаний. Их члены преследовались как партизанами, так, случалось, и белыми. Вернувшиеся в родные селения около 130 дружинников были, по распоряжению всё того же Красильникова, расстреляны [Эйхе, 1966, с. 326].

Согласно воспоминаниям в прошлом партизан и очевидцев, среди их односельчан было много «предателей». Например, в селе Кучерово защитником белой власти выступал кулак Н. Пияков. «Вся Хандала, – уверяли жители соседних деревень, – была белогвардейская», а карателей в один из походов против крестьян села Тасеево вёл их земляк. Выжиданием отличалось зажиточное население села Агинского. Списки для репрессий своих соседей составлялись жителями многих селений. Так называемые «большевики» выдавались односельчанами. Поджоги домов крестьян, что уехали с партизанами, часто начинали местные жители, а продолжали солдаты. В одном из правительственных отрядов находился доброволец-палач из крестьян

Ачинского уезда, который порол канских мужиков резиновым изделием со свинцовым наконечником [Комарова, 2021].

Более того, сами армейские части, действовавшие в партизанских районах, были сформированы из крестьян, мобилизованных в других регионах страны. Например, Минусинский экспедиционный отряд состоял из военнослужащих, призванных в деревнях Иркутской губернии [Мартынов, 2010, с. 25].

Таким образом, карательная деятельность антибольшевистских сил, пришедших к власти летом 1918 года, выражалась в бессудных единично-групповых жестоких расправах над бывшими советскими руководителями и красногвардейцами, а также в их расстрелах по приговору союзнического военного суда. Исполнителями их являлись не государственные органы, а радикально настроенные лица из числа восставших чехословаков, русского офицерства и казачества. Репрессии стали массовыми и жестокими с усилением борьбы с повстанчеством и передачей её под опеку армейского руководства. Теперь они сочетали в себе элементы государственного насилия и хаоса, возникавшего под воздействием солдатчины. Но репрессивные методы, использовавшиеся белыми, способствовали лишь временному затуханию общественного протеста, который затем вспыхнул с ещё большей силой.

Библиографический список:

Артамонова Н. Я. Воспоминания участников Гражданской войны на юге Енисейской губернии как исторический источник (по материалам фондов личного происхождения учёных Хакасии) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.). – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2019. – С. 14–18.

Балмасов С. С. Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // Белая гвардия. – 2002. – № 6. – С. 72–76.

Балмасов С. С. Функционирование органов власти антибольшевистских правительств Сибири 1918–1920 гг. // Белая гвардия. – 2001. – № 5. – С. 3–10.

Борьба за власть Советов в Енисейской губернии. – Красноярск: Краснояр. рабочий, 1958. – 262 с.

Борьба за власть Советов в Хакасии (1917–1923 гг.). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1961. – 158 с.

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 376 с.

Булдаков В. П. Революция, насилие и архаизация массового сознания в Гражданской войне: провинциальная специфика // Белая гвардия. – 2002. – № 6. – С. 4–11.

«Была ужасная пора, об ней свежо воспоминанье...»: устные рассказы жительницы села Степной Баджей Манского района Красноярского края Семенковой Галины Васильевны / подготовила О. В. Фельде // *Siberia Lingua*. – 2010. – Вып. 1. – С. 184–219.

Васильев Г. А. Трагедия военного городка // Человек и его среда. Мат-лы науч.–практ. конф. – Красноярск: КГТА, 1997. – С. 134–138.

Власть труда (Минусинск). 1922.

Власть труда. 1923.

Воля Сибири (Красноярск). 1918.

Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири 1918–1920 годов (по материалам ГАНИИО): научное издание / сост. Е. А. Серебряков. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2019. – 648 с.

Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. док-в и мат-в / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 818 с.

Ганин А. «Я с броневиком иду в наступление...». Походные заметки русского офицера чехословацкого корпуса подполковника Б. Ф. Ушакова. Январь – июнь 1918 г. / А. Ганин, П. Новиков, Г. Хипхенов // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2020. – № 4. – С. 226–267.

Гергилева А. И. Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны в период Гражданской войны на территории Сибири (1918–1920 гг.) / А. И. Гергилева, Д. Н. Гергилев // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 390. – С. 109–116.

Годы огневые: сб. воспоминаний участников красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918–1920 гг.). – Красноярск: Кн. изд-во, 1962. – 407 с.

Голуб П. А. Белый террор в России (1918–1920 гг.). – М.: Изд-во «Патриот», 2006. – 477 с.

Голуб П. В застенках Колчака. Правда о белом адмирале. – М.: Патриот, 2010. – 135 с. [сайт]. – URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/> (дата обращения: 23.05.2023).

Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. П–42. Оп. 6. Д. 355.

ГАКК. Ф. П–42. Оп. 6. Д. 427.

ГАКК. Ф. П–42. Оп. 10. Д. 101.

ГА КК. Ф. П–64. Оп. 1. Д. 448.

ГА КК. Ф. П–64. Оп. 5. Д. 531.

ГА КК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 4.

ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 8.

ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 14.

ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 15.

ГАКК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 762.

ГАКК. Ф. Р–49. Оп. 1. Д. 17.

ГАКК. Ф. Р–49. Оп. 1. Д. 527.

ГАКК. Ф. Р–1763. Оп. 1. Д. 65.

ГАКК. Ф. Р–1743 с. Оп. 1. Д. 243.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 297.

ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 186.

ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 297.

ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 32.

Грэвс [У]. Американская авантюра в Сибири (1918–1920) / пер. с англ., вступит. ст. И. И. Минца. – М.: Гос. воен. изд-во, 1932. – 248 с.

Грязнухин А. Г. Переход от ревкомов к советам в Восточной Сибири (1920–1921 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1994. – 28 с.

Дело рабочего (Красноярск). 1918.

Добровольский А. В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 г. – Новосибирск: Наука, 1999. – 142 с.

Документы героической борьбы: сб. док. мат-в, посвящ. борьбе против иностр. интервенции и внутр. контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–1920 гг.). – Красноярск: Кн. изд-во, 1959. – 560 с.

Евстифеев В. // Канские хроники. Год девятнадцатый: [сайт]. – URL: <https://proza.ru/2021/11/29/1470> (дата обращения: 04.04.2023).

Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг.: науч. изд-е / ред.-сост. М. А. Лаптева, Н. В. Поздеева, А. В. Ульверт; вступ. ст. А. П. Дворецкая, Н. В. Поздеева. – Красноярск: ООО «Изд-во «Поликор», 2019. – 512 с.

Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н. И. Дроздов. – Красноярск : Рус. энцикл., 1998. – 735 с.

Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. – Красноярск, 1972. – 250 с.

За власть Советов на юге Сибири. Воспоминания участников гражданской войны в Минусинском уезде Енисейской губернии. – Абакан: Хак. отд-е Краснояр. кн. изд-ва, 1968. – 119 с.

Зверев В. «Город ожил, совет бежал, появилась новая власть...». Выписки из дневника // Сибирские огни. – 2016. – № 9. – С. 155–179.

Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – 350 с.

Знамя труда (Красноярск). 1918.

Иванов Г. М. Тасеевская республика. 1918–1920 гг. – Красноярск: Кн. изд-во, 1969. – 100 с.

Кирмель Н. С. Карающий меч Колчака / Н. С. Кирмель, В. Г. Хандорин. – М.: Вече, 2015. – 317 с. [сайт]. – URL: https://royallib.com/read/kirmel_nikolay/karayushchiy_mech_admirala_kolchaka.html#0 (дата обращения: 06.05.2023).

Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. – Птрг.: Былое, 1923. – 190 с.

Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. Воспоминания, мемуары. – Красноярск : КАСС, 2021. – 492 с.

Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. – Казань: Татар. газ.-журн. изд-во, 1995. – 326 с.

Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. – М.: Язуз: ЭКСМО, 2004. – 442 с.

Мармышев А. В. Гражданская война в Енисейской губернии / А. В. Мармышев, А. Г. Елисеенко. – Красноярск: изд-во ООО «Версо», 2008. – 416 с.

Мартынов Н. А. Красное коммунистическое антиправительственное движение против власти Верховного правителя адмирала Колчака в Енисейской губернии, начавшееся в ноябре 1918 года // Русская Атлантида. – № 38. – Челябинск, 2010. – С. 4–15.

Минусинский край (Минусинск). 1918.

Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 1.

МКУ «АГМ». Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 3.

МКУ «АГМ». Ф. Р–53. Оп. 2. Д. 2.

Народный голос (Красноярск). 1919.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 613 с.

Незабываемое. Воспоминания участников революционных событий в Красноярском крае (1917–1920 гг.). – Красноярск: Кн. изд-во, 1957. – 224 с.

Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918–1920 гг.): Автореф. дис... д-ра юридич. наук. – М., 2007. – 45 с.

Октябрь в Сибири: Хроника событий, март 1917 – май 1918. – Новосибирск: Наука, 1987. – 319 с.

Окунев Д. «Расправляться беспощадно»: за что убивали белогвардейцы [сайт]. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/04/30_a_12329827.shtml (дата обращения: 23.05.2023).

Осипов В. В. Красный и белый террор: правовое регулирование. – Красноярск, 2019. – 157 с.

Партизанское движение в Сибири. – Т. 1. Приенисейский край. – М., Л.: Госиздат, 1925. – 313 с.

Перевалов М. Таёжные партизаны. – М.: Молодая гвардия, 1933. – 71 с.

Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.): Сб. док-в / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Изд. 2-е, расшир. и доп. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 421 с.

Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой / С. В. Дроков // Отечественные архивы. – 1994. – № 6. – С. 21–58.

Познанский В. С. Очерки истории вооружённой борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. – Новосибирск : Наука, 1973. – 307 с.

Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация / ред. С. В. Кулешев. – Т. 2. – М.: Терра, 1996. – 1370 с.

Померанцева А. В. Борцы пролетарской революции: памяти И. И. Белопольского, Я. Ф. Дубровинского, Г. С. Вейнбаума [и др.]. – Новосибирск; Красноярск: Обл. гос. изд-во, 1940. – 44 с.

Попов Г. Н. Партизаны Заманья: Воспоминания политработника партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. – Красноярск: Кн. изд-во, 1974. – 199 с.

Поршнева О. С. Практики насилия в воспоминаниях рабочих – участников Гражданской войны на Урале // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний... – С. 294–306.

Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января – 7 февраля 1920 г. // Архив русской революции. – № 9–10. – М., 1991. – С. 177–321.

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / отв. ред. В. И. Шишкин. – М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. – 672 с.

Раков Д. Ф. В застенках Колчака. Голос из Сибири. – Париж, 1920. – 48 с.

Ратьковский И. С. Белый концлагерь: жизнь заключённого Гражданской войны в России // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: мат-лы Междунар. colloquium (СПб., 10–13 июня 2019 г.). – СПб.: Нестор–История, 2020. – С. 320 – 327.

Ратьковский И. С. Белый террор. Гражданская война в России. 1917–1920 гг. – СПб.: Питер, 2021. – 496 с.

Ратьковский И. С. // Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2017. – 464 с.: [сайт]. – URL: https://militera.org/books/pdf/research/ratkovskiy_is01.pdf (дата обращения: 04.04.2023).

Свободная Сибирь (Красноярск). 1918.

Сибирская жизнь (Томск). 1918.

Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. – 610 с.

Соха и молот (Минусинск). 1919.

Стожко Д. К. Гражданская война как политический феномен (к 100-летию начала гражданской войны в России) // Век глобализации. – 2018. – № 4 (28). – С. 125–136.

Тепляков А. Г. Белый террор в современной историографии: традиционная мифология против попыток переосмысления // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2022. – С. 58–74.

Тепляков А. Г. Белый террор на востоке России в 1918 г.: традиционная мифология и новый взгляд // Россия в прошлом и настоящем. Внутренняя и внешняя политика России в XX – начале XXI века: сб. науч. тр. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т экон. и упр-я «НИНХ», 2013. – С. 6–25.

Труд (Минусинск). 1918.

Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.). – Томск : Томск. гос. ун-т, 2012. – 586 с.

ФКККМ. В/ф 3403-2.

ФКККМ. В/ф 12466/5.

ФКККМ. О/ф 6023/1. Д. 3815.

ФКККМ. О/ф 12005/3. Д. 9688.

Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартянова (АМКМ). Оп. 4. Д. 5.

Цветков В. Ж. Репрессивное законодательство белых правительств // Вопросы истории. – 2007. – № 4. – С. 16–26.

Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – 592 с.

Шекшеев А. П. Дружины самообороны на территории Приенисейской Сибири // Отечественная история. – 2008. – № 2. – С. 89–97.

Шекшеев А. П. Енисейское казачество в переломную эпоху (1917–начало 1930-х г.) // Хакасия в XX веке: язык, история, культура: Матлы второй межрег. науч. конф. 28 сент. 2007 г., г. Абакан. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. – С. 54–72.

Шекшеев А. П. Крестьянский бунт на территории Минусинской Сибири: хроника и анатомия событий (осень 1918 – весна 1919 г.) // Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны: коллект. монография. – Ишим: Изд-во ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018. – С. 31–62.

Шишкин В. И. Власть и население партизанских районов Сибири во время Гражданской войны // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний... – С. 238–249.

Шишкин В. И. «Хожение по мукам» юриста В. П. Ламанского в 1918-1919 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 29–35.

Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. – Кн. 1. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. – 748 с.

Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. – М.: Воен. изд-во, 1966. – 384 с.

Яковенко В. Г. Записки партизана. – Красноярск: Кн. изд-во, 1988. – 157 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шекшеев Александр Петрович,

кандидат исторических наук,

член правления Хакасской республиканской

Ассоциации жертв политических репрессий,

г. Абакан, Республика Хакасия

E-mail: Turan47@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sheksheev Alexander Petrovich,

Candidate of Historical Sciences,

Member of the Board of the Khakass Republican

Association of Victims of Political Repression,

Abakan, Republic of Khakassia

E-mail: Turan47@yandex.ru

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 908

О. Г. Ахремчик

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ХАКАСИИ 1992-1998 гг.

Аннотация. Настоящее исследование направлено на изучение процесса консолидации писательских сил в республике в 1992-1998 гг., который был продиктован необходимостью сохранить накопленный в советское время опыт организационной работы для дальнейшего творческого развития союза писателей. Старейшим и самым авторитетным творческим союзом является Союз писателей Хакасии. В самые трудные годы его трансформации (1992–1998 гг.) председателем союза была Н. М. Ахпашева. Анализируя архивные документы данного периода прослеживаются направления деятельности союза, выявляются новые подходы в организации деятельности писателей и роль творческого объединения и его председателя в культуре республики указанного периода.

Ключевые слова: Союз писателей Хакасии, хакасское отделение, творческие союзы, писатели и поэты Хакасии, Наталья Ахпашева, председатель творческого союза

O. G. Akhremchik**ACTIVITY OF THE UNION OF WRITERS
OF KHAKASSIA IN 1992-1998.**

Abstract. This research is aimed at studying the process of consolidation of writers' forces in the republic in 1992-1998, which was dictated by the need to preserve the experience of organizational work accumulated in the Soviet period for further creative development of the writers' union. The oldest and most authoritative creative union is the Union of Writers of Khakassia. During the most difficult years of its transformation from 1992 to 1998 N. M. Akhpasheva was the chairman of the Union. Analyzing the archival documents of this period it is necessary to trace the directions of the Union's activity, to reveal new approaches in the organization of writers' activity, and the role of the creative union in the culture of the republic of this period.

Keywords: Union of Writers of Khakassia, Khakassia branch, creative unions, writers and poets of Khakassia, Natalia Akhpasheva, chairperson of the creative union

В связи с образованием Республики Хакасия в 1991 году произошли социально-правовые, экономические, культурные изменения, которые коснулись и творческих союзов. Творческие союзы всесоюзного значения, такие как Союз художников, Союз театральных деятелей и Союз писателей, оказались в сложной ситуации, которая вынудила правления союзов принимать непростые управленческие решения. В период перестройки, когда была предпринята попытка перехода к новым условиям хозяйствования, начался распад творческих союзов и общественных объединений.

Хакасское отделение Союза писателей СССР было создано в 1949 г., когда хакасский поэт и прозаик Н. Г. Доможаков получил документы штатной комиссии Союза писателей СССР за № 7-910, подтверждавшие создание Хакасского отделения

Союза писателей СССР. С образованием в 1958 г. Союза писателей РСФСР отделение стало называться «Хакасское отделение Союза писателей РСФСР» [5]. С апреля 1992 г. Хакасская писательская организация Союза писателей РСФСР стала называться «Союз писателей Российской Федерации. Союз писателей Хакасии» [4].

С 1992 по 1998 г. председателем правления была Н. М. Ахпашева. Наталья Марковна Ахпашева – одна из известных русскоязычных поэтесс Хакасии. Родилась 31 января 1960 г. в селе Аскиз. После окончания средней школы № 11 г. Абакана училась в Абаканском филиале Красноярского политехнического института (1978–1983). Получив специальность инженера-электрика, работала на Красноярском производственном объединении тяжелых экскаваторов, в Усть-Абаканском управлении оросительных систем. В 1987–1993 гг. училась на заочном отделении Литературного института им. А. М. Горького (Москва). В 1989–1992 гг. работала ревизионным корректором, затем выпускающим редактором газеты «Советская Хакасия» [1].

Протокол № 1 собрания Хакасской писательской организации, состоявшегося 28 февраля 1990 г., на котором присутствовало 9 членов Союза писателей СССР, а председателем был М. Е. Кильчичаков, сохранил сведения о приеме Натальи Ахпашевой в члены СП СССР. Наталья рекомендовали в Союз писателей СССР члены СП СССР. Геннадий Сысолятин, Валерий Майнашев, Каркей Нербышев. Геннадий Сысолятин в своём выступлении порадовался, что хакасские поэтессы, пишущие на русском языке, выходят на всесоюзную арену, и что образность, своё видение мира – нерв всего её творчества. Валерий Майнашев отметил, что несмотря на все достоинства молодой поэтессы ей будет трудно, но у неё большие данные, и он надеется, что её звезда будет гореть ярко и долго. Каркей Нербышев рассказал, что, когда первый раз прочитал её стихотворение в областной газете «Советская Хакасия», то фамилия ему ни о чём не сказала, но он понял, что появилась талантливая поэтесса, и от её стихов он получает заряд бодрости [6]. Не-

лицеприятным было выступление члена СП СССР Сергея Пестунова, который увидел «пробуксовку» в творчестве Натальи Ахпашевой. «И это первая опасность – на теме седых курганов далеко не уедешь. Поэт должен быть рупором своего времени. Но в стихах последнего периода чувствуется некоторый спад и это меня не может не насторожить» [7]. Последним выступил член СП СССР Александр Черпаков, отметив чисто человеческие качества молодой поэтессы – прямоту, принципиальность, а в творчестве лиричность и вдохновенность [6]. За приём Натальи Ахпашевой в члены Союза писателей СССР высказались также писатели Валентина Таторова, Валентина Шулбаева, журналист Анатолий Султреков. Протокол № 2 Счётной комиссии по приёму в члены Союза писателей СССР Ахпашевой Натальи Марковны от 28 февраля 1990 г. свидетельствует, что роздано бюллетеней – 9, проголосовало – 9, за – 9, против – нет, испорченных – нет. Н. М. Ахпашева принята по большинству голосов в члены СП СССР [8].

В 1992 г. Наталья Ахпашева возглавила Союз писателей Хакасии. В государственном архиве хранится протокол № 1 общего собрания писателей Хакасии от 29 декабря 1992 г. Тогда на учёте состояло 11 человек, из которых присутствовало 9. На повестке дня стоял вопрос о выборе председателя правления Союза писателей Хакасии. Наталья Ахпашева сделала небольшой доклад, в котором обрисовала положение Союза писателей Хакасии на текущий момент: «...на издание альманаха на русском и хакасском языках нашли спонсоров. Подготовили и провели дни творчества Кильчичакова М. Е. Готовы документы молодых авторов к приёму в члены Союза писателей Российской Федерации. В связи с кончиной председателя правления Майнашева В. Г. Союз писателей Хакасии остался без руководителя, поэтому предлагаю выбрать председателя на 4 года по уставу» [9]. В. Е. Майногашева выдвинула на обсуждение кандидатуру Н. М. Ахпашевой, Наталья Марковна зачитала свою программу: «При финансовой поддержке можно издать рукописи, обсуждённые в союзе писателей. 2-е – надо принять молодых авто-

ров в члены СП РФ. 3-е – создать такое правление, чтобы поднять престиж Союза писателей Хакасии. 4-е – по возможности помогать членам СП» [10]. В список для тайного голосования были внесены три кандидатуры: 1. Ахпашева Наталья Марковна, 2. Таторова Валентина Кирилловна, 3. Нербышев Николай Трофимович. Протоколом № 2 счётной комиссии по выдвижению председателя правления Союза писателей Хакасии зафиксировано, что за Ахпашеву Н. М. проголосовали 6 человек, за Таторову В. К. – 2 человека, за Нербышева Н. Т. – 1 человек [11]. По большинству голосов председателем была утверждена Ахпашева Наталья Марковна.

В годовом отчёте Министерства культуры Республики Хакасия за 1992 г. мы находим, что «одной из самых запущенных отраслей можно считать культуру. Положение дел таково, что в связи с недостаточным финансированием администрации Ширинского, Аскизского районов вынуждены отправить в неоплачиваемый отпуск работников культуры. В Усть-Абаканском районе рабочая неделя сокращена до 4 дней, многие отправлены в отпуск без содержания и в планах администрации сократить культработников на 20 %. В Черногорске 8 работников культуры уже сокращены. В Бейском районе зарплата не получена за декабрь, январь месяцы» [23].

Однако несмотря на экономические сложности культурные учреждения республики продолжали функционировать. В рамках Года коренных народов Союз писателей принимал участие в I Республиканском фестивале авторской песни «Хысхы саннар», который продемонстрировал, что в республике есть самобытные авторы, пишущие на родном языке. Была организована встреча со студентами Абаканского государственного педагогического института, в которой приняли участие лингвисты, литературоведы, писатели, представители духовенства, в Ширинском районе школе было присвоено имя А. М. Топанова и открыта мемориальная доска. В Усть-Абакане прошли встречи с Натальей Ахпашевой, презентация книги Анатолия Кыштымова «Я не прощаюсь». В улусе Ах-хол прошёл вечер памяти

Валерия Майнашева [24]. Уже в начале 1993 г., а именно на общем собрании писателей Хакасии 12 января были приняты в члены Союза писателей РФ Карачаков Сергей Егорович, Кужакова Галина Григорьевна, Топоев Илья Прокопьевич, Прищепа Валерий Павлович, Кызычаков Андрей Андреевич (литературный псевдоним Андрей Халларов) [12].

В Мероприятиях Министерства культуры РХ на 1994 г. в рамках программы «Осуществление реформ и социально-экономическое развитие Республики Хакасия» в третьем разделе «Развитие межнационального и международного сотрудничества» было запланировано проведение «Дней хакасской литературы в Республике Алтай», в пятом разделе «Поддержка профессионального искусства» – приобретение произведений профессионального искусства: пьес Г. Н. Саражакова «Мелодия степей и гор», Н. В. Чаркова «Слеза огня», А. А. Кызласовой «Хайлах», в седьмом разделе «Поддержка творческих союзов» – участие хакасских писателей в национальном празднике «Их наадам» (Монголия), проведение Республиканского литературного семинара молодых авторов и организация выпуска ежегодных литературных альманахов: на хакасском языке, на русском языке, художественная литература писателей Хакасии. Кроме того, министерством культуры впервые было запланировано выделение годовых стипендий членам Союза писателей, «занимающимся исключительно творческой работой и не имеющим других источников дохода, что позволит авторам подготовить к изданию крупные произведения» [25].

Наталья Марковна несколько лет входила в Коллегию Министерства культуры РХ. В архиве сохранился протокол коллегии от 25.02.1994. В повестке были заявлены следующие вопросы: о создании музыкального колледжа на базе Абаканского музыкального училища, о статусе хакасского театра. По второму вопросу выступала Э. М. Кокова, которая посетовала, что нет пьес на хакасском языке, на что Н. М. Ахпашева ответила, что в Хакасии «...драматургия всегда была на особых правах. У нас пьесы практически не пишутся. Сегодня пьесы пишут А. Кото-

жеков и А. Кызласова. Если театр не будет заключать контракты с драматургами на 2-3 года, то пьес не будет» [26]. В результате коллегия постановила поддержать инициативу руководства Хакасского драматического театра о необходимости выделения дополнительных средств на развитие хакасской драматургии [27]. В годовых планах работы Министерства культуры на 1995–1996 гг. во втором разделе «Совершенствование форм организации и управления отраслью» ежегодно прописывается осуществление помощи творческим союзам (писателей, художников, театральных деятелей) [28].

На общем собрании членов Союза писателей Хакасии 16 ноября 1995 г. Наталья Ахпашева сделала краткий отчёт о деятельности на посту председателя. Она отметила, что деятельность Союза писателей Хакасии занимает видное место в культурной жизни республики. Были созданы и опубликованы такие произведения, как «Хан Тонис» известного хакасского поэта М. Баинова, сборник повестей «Из века в век» очурского прозаика Г. Батца, сборник В. Балашова «Приди ко мне в туман», «Мифы и сказы хакасов» в переводе П. Троякова, а также произведения А. Козловского, Г. Сысолятина, были выпущены альманахи на русском и хакасском языках [15].

В Приложении к плану работы Министерства культуры Республики Хакасия на 1996 г. был запланирован Фестиваль писателей Сибири в Хакасии, посвящённый 5-летию образования республики, научная конференция «70 лет хакасской письменности», литературный вечер «Пой, хайджи» к 70-летию хакасского писателя Н. Е. Тинникова, литературный вечер «Алып хакасской литературы» к 80-летию Н. Г. Доможакова [29].

1998 год прошёл под знаком подготовки к празднованию 50-летия Союза писателей Хакасии, которое отмечалось в 1999 г. 18 марта 1998 года состоялось общее собрание писателей Хакасии. На учёте состояло в это время 16 человек [19]. «В преддверии большого для нашей писательской организации события считаю нужным подвести итоги, – так начала своё выступление председатель Н. Ахпашева. – В течение 6 лет я работаю в аппа-

рате СПХ. Приходилось много заниматься со спонсорами. Все знаем, на издания денег нет. Всё это отнимает очень много времени, а положение таково, что мне приходится дополнительно работать в газете. И потому основную работу вела заместитель Кужакова Г. Г., а в преддверии такого большого мероприятия я не могу совмещать и прошу самоотвода с должности Председателя правления СПХ. Вместо себя председателем предлагаю кандидатуру Кужаковой Г. Г. У неё есть деловые качества, добросовестна, исполнительна» [20]. В результате открытого голосования Председателем правления Союза писателей Хакасии единогласно была избрана Кужакова Г. Г.

На долю Натальи Марковны как председателя Союза писателей Хакасии пришлись самые сложные годы (1992-1998), когда в стране рушилась система государственного финансирования регионального книгоиздательства. Несмотря на это продолжали издаваться книги, проводились творческие вечера прозаиков и поэтов Хакасии как в столице республики, так и в отдалённых районах, выделялась материальная помощь особо нуждающимся авторам и предоставлялись государственные стипендии, проводились региональные семинары и предоставлялась возможность обучения в столичных вузах. На то собрание, на котором Наталья Марковна сообщила о своём уходе с поста председателя Союза писателей Хакасии, был приглашён министр культуры В. Г. Чаптыков. В конце обсуждения он попросил слово и сказал, что «сегодня роль писателя всё та же — это двигатель культуры. Ахпашева исчерпала себя, потому что приняла самое трудное. Задача организации — поднимать авторитет культуры, литературы. Нельзя потерять духовность, есть масса возможностей осуществлять идеи и в новых условиях» [22].

В 2023 г. Наталья Марковна вновь была избрана председателем Союза писателей Хакасии, а это значит, что она себя не исчерпала, и в новых условиях она сможет осуществить свои идеи, чтобы поднять авторитет литературы и культуры Хакасии.

Библиографический список:

1. Ахпашева Наталья Марковна (50 лет со дня рождения и 30 лет литературной деятельности) Хакасия – 2010: календарь знаменательных и памятных дат / М-во культуры Респ. Хакасия, ГУК РХ «Национальная библиотека им. Н. Г. Доможакова»; сост. И. Н. Андреева. – Абакан, 2009. – С. 30-36.

2. Бутенко И. А. Судьба творческих союзов // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 101–110, 107.

3. Прищепа В. П. Что делать в поэзии женщинам? // Прищепа В. П. «Щемящей совести строка...». – Абакан, 2009. – С. 280 – 317.

4. Дом литераторов Хакасии – URL: dlh19.ru (дата обращения 13.10.2023).

5. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Историческая справка. Л. 1.

6. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.

7. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.

8. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.

9. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

10. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

11. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

12. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 47. Л. 10-35.

13. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 50. Л. 22-23.

14. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 50. Л. 22.

15. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 50. Л. 24.

16. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 50. Л. 27.

17. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 50. Л. 28.

18. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 50. Л. 24-25.

19. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 56. Л. 2а.

20. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 56. Л. 26.

21. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 56. Л. 26.

22. ЦГАРХ. Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 56. Л. 3.

23. ЦГАРХ. Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

24. ЦГАРХ. Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

25. ЦГАРХ. Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 24. Л. 13-22.

26. ЦГАРХ. Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

27. ЦГАРХ. Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

28. ЦГАРХ. Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 32. Л. 10.

29. ЦГАРХ. Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 32. Л. 69.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ольга Геннадьевна Ахремчик,

аспирант ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова»

Научный руководитель: Валентина Николаевна Тугужекова,

профессор кафедры истории России

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова»,

Доктор исторических наук

ABOUT THE AUTHOR:

Olga Gennadyevna Akhremchik,

post-graduate student of N. F. Katanov «Khakassia State University».

Supervisor: Valentina Nikolaevna Tuguzhekova,

Professor of the Department of History of Russia

N. F. Katanov FSBEI VO “KSU named after N. F. Katanov”,

Doctor of Historical Sciences

УДК 94:371.213.2:316.613.5(571.51)»1920/1925»

С. В. Кухта

**«УЧИТЕЛЬСТВУЯ ПО ПРИЗВАНИЮ».
ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РАБОТНИКА
г. МИНУСИНСКА В 1924 г.**

Аннотация: в статье на основе документов Государственного архива Красноярского края восстановлен социокультурный облик учителей школ г. Минусинска первой половины 1920-х гг., анализируются особенности их биографий, приводятся яркие и наиболее характерные детали повседневности провинциального школьного работника конца XIX – первой четверти XX в. Имеющиеся на хранении в составе архивного фонда «Енисейская губернская контрольная комиссия» анкеты и автобиографии красноярских учителей, составленные в 1924 г., являются содержательным и малоизученным источником, позволяющим дополнить историю школьного образования Енисейской губернии – Красноярского края новыми именами и фактами.

Ключевые слова: учительство, школа, педагог, история образования, автобиография, анкета, г. Минусинск.

S. V. Kukhta

**«TEACHING BY VOCATION». FEATURES
OF THE SOCIO-CULTURAL APPEARANCE OF THE
PEDAGOGICAL WORKER OF MINUSINSK IN 1924**

Abstract: the article is based on the archival documents of the Krasnoyarsk regional state archive and describes the socio-cultural appearance of Minusinsk school teachers in the first half of the 1920s. The author analyzes the features of their biographies, the brightest and most characteristic details of the daily life of a provincial

school worker of the late 19 century – first quarter of the 20 century. The questionnaires and autobiographies of Krasnoyarsk teachers, compiled in 1924, which are stored in the archive fund of the Yenisei Provincial Control Commission, are a substantial and little-studied source that allows us to supplement the history of school education in the Krasnoyarsk Territory with new names and facts.

Keywords: teaching, school, teacher, history of education, autobiography, questionnaire, Minusinsk.

2023 год Указом президента России был объявлен Годом педагога и наставника. Очевидно, что осветить отдельные события и факты из истории педагогической и наставнической деятельности в Енисейской губернии – Красноярском крае и подчеркнуть роль учителя в жизни общества невозможно без обращения к архивным документам, находящимся на хранении в Государственном архиве Красноярского края. Несмотря на то, что многие из них уже введены в научный оборот и широко использовались при подготовке исследовательских работ, сохранился обширный пласт материалов, которые ещё ждут пристального изучения. К ним относятся анкеты и автобиографии педагогических работников Минусинска, находящиеся в составе фонда «Енисейская губернская контрольная комиссия». Эта комиссия была создана в конце 1921 г. и следила за чётким проведением партийной линии в деятельности советских учреждений, в том числе уездных отделов народного образования и подведомственных им школ. В условиях строительства нового государства именно учитель был ключевым проводником новых ценностных ориентиров, при этом важно было не просто определить его политическую лояльность, но и оценить профессионализм, возможность и готовность стать активной частью нового образовательного пространства.

В рамках данной статьи были выявлены и изучены 58 анкет и автобиографий педагогов школ №1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, кооперативной школы, школы общества потребителей «Единение» города Минусинска, сотрудников Минусинского отдела народного образования. Анкеты были заполнены в сентябре-октябре 1924 г.

и содержат стандартные графы о годе и месте рождения, сословном происхождении (из дворян, мещан, рабочих, чиновников и пр.), месте жительства и роде занятий до и после революции, с октября 1917 г. до свержения советской власти в Сибири, «при Колчаке» и «после свержения Колчака», о военной службе, наличии торгового или промышленного предприятия, занятиях родителей, о том, был ли анкетлируемый пайщиком или арендатором, под судом и следствием, о его родственниках и членах семьи, находящихся на иждивении и на советской службе, членстве в партиях и домашнем адресе. Кроме того, в большинстве анкет указывался номер школы и должность (учитель, заведующий школой, инструктор, воспитатель и др.), однако, к сожалению, редко уточнялся преподаваемый предмет. В приложенной к анкете автобиографии учителя должны были более подробно описать своё социальное происхождение, интеллектуальное развитие и образование, участие в общественной жизни, работу после Февральской революции и факт нахождения под судом, следствием и арестом.

Изучение этих материалов даёт возможность проанализировать демографический и качественный состав педагогов, выявить общие черты и неоднородность в социокультурном портрете минусинского учительства первых лет советской власти.

Что касается гендерного состава педагогических работников, то 45 % рассмотренных анкет и автобиографий были заполнены учительницами-женщинами, 55 – мужчинами. Возраст их варьировался от 19 до 56 лет. 40 % работников родились в 1890-е гг., по 24 % – в 1900-е и в 1880-е гг., 10 % – в 1870-е. Самой опытной была учительница школы № 5 Мария Михайловна Назарова, которая родилась в 1868 г. в Иркутске [4, л. 45-46 об.]. Самой юной – Нина Павловна Есина из школы общества «Единение», 1905 г. р., недавно переехавшая из Барнаула [1, л. 24-25].

55 % учителей были уроженцами Минусинского уезда (в том числе 9 человек из Минусинска), остальные приехали в город из разных населённых пунктов Енисейской губернии и других регионов. Среди главных причин переезда была безработица

и продовольственный кризис на родине во время Первой мировой и Гражданской войн.

По социальному происхождению 45 % учителей были из семей мещан, 29 % – из крестьян, 14 % – из духовенства. Два педагога обозначили своё происхождение из казаков, двое были детьми чиновников, одна учительница – дочерью фельдшера. Нашлись среди педабработников и представители дворянского сословия – учитель школы № 7 Розалия Ольгердовна Корсак, дочь жителя с. Лугавского Минусинского уезда, и заведующий этой же школой Михаил Георгиевич Бобышев из с. Каратуз. Михаил Георгиевич так писал о своём происхождении: «[...] Когда и каким образом получено нашей фамилией дворянство, я не знаю. Знаю только, что ни отец, ни дед на государственной службе не служили, землями и собственностью никогда не владели, а были простыми служащими (отец бывал и рабочим) на золотых приисках. Кроме того, отец говорил, что мы не записаны в каких-то дворянских книгах и мне нужно приписаться к какому-либо сословию – крестьянскому или мещанскому, поступить учителем. Я это и сделал [...]» [4, л. 104].

Детство у подавляющей части учителей проходило в бедности, в больших семьях с единственным кормильцем-отцом, поэтому им с ранних лет приходилось работать по найму, заниматься сельским хозяйством. Зачастую родители будущих педагогов не имели образования и, испытав всю тяжесть «безграмотной» жизни, старались найти средства для обучения детей или пристроить их «на казённый счет».

Матвей Иванович Непомнящий (учитель математики в кооперативной школе) рано потерял отца – кожевенного рабочего в Ачинске: «[...] Когда пришло время – я был послан в начальную школу [...] С 10-тилетнего возраста мать отдавала нас на подходящие полевые работы: возить копны, убирать сено, ходить за скотом. К началу учебного года таким образом появлялись сапоги [...]». За невзнос платы он был исключён из Ачинского городского училища: «[...] Помню, как мои товарищи собрали между собой полон платок медных монет и злополучные рубли

(четыре или шесть были отданы) – и городское учил[ище] было мною окончено [...]». [2, л. 22 об.]

Павла Иннокентьевна Домникова из кооперативной школы писала: «[...] 10-ти лет я поступила в Епархиальное уч[илище]. И с этого момента, в силу обстоятельств, я должна была чувствовать себя совершенно самостоятельным человеком и сама приспособливаться к жизни. Как сирота, я училась бесплатно, приезжая домой на летние каникулы, я обыкновенно целое лето занималась физическим трудом, помогая матери владеть ей жалкое существование [...]» [2, л. 42].

Анастасия Артемьевна Никулина из школы № 3 отметила в своей автобиографии: «Детство моё прошло среди рабочих, оно было полно печали и горя». После окончания Минусинской женской гимназии, она не имела средств продолжить обучение. Чтобы «выбиться совместно из нужды», Анастасия вышла замуж, но вскоре отец мужа умер, оставив семье огромный долг и 6 иждивенцев, и мечта о высшем образовании осталась нереализованной [3, л. 82].

Поскольку Енисейская губерния была местом ссылки, общение с образованными политссыльными не могло не оказывать влияния на местное население. Наталия Фёдоровна Крюкова, учительница школы № 5, после окончания одноклассного училища поступила в Минусинскую женскую гимназию: «[...] Сидя на школьной скамье, я мечтала быть народной учительницей и принести пользу народу. В этом повлияли на меня с хорошей стороны мой отец и в Туруханске бывший инспектор народ[ных] училищ (фамилии его не помню, ссыльно-политический в Туруханске, куда я ездила в 1912 году). Часто сидела с ним в беседке на берегу реки Тунгузски. Он много говорил мне о тяжёлом положении народа. И вот, приехала в Минусинск и, уже кончая гимназию, я мечтала поехать в глушь [...]» [4, л. 43].

О том же пишет Георгий Захарович Гололобов (кооперативная школа): «[...] По окончании учительской семинарии я был назначен учителем в народное сельское училище Ачинского уезда (д. Захарьинская). Началась самостоятельная жизнь. Учи-

тельствую в Захарьинском, я должен был по делам службы часто бывать в с. Берёзовском, где было волостное правление. Там я познакомился с одним ссыльным студентом – неким Цыбишко. Знакомство это для меня имело огромное значение. Студент этот часто беседовал со мной и ещё одним учителем из с. Берёзовского о самообразовании, о газетах, журналах [...] составил для меня список книг, которые я должен прочитать (этот список я храню до сих пор) [...]» [2, л. 33–33 об.].

Минусинцу Александру Захаровичу Назарову (на 1924 г. делопроизводитель уездного отдела народного образования) посчастливилось оказаться под опекой Н. М. Мартьянова: «[...] На квартире у нас долгие годы стояли политические ссыльные, которые оказали на моё развитие большое влияние [...] По рекомендации одного из политссыльных меня взял служителем в аптеку Н. М. Мартьянов. Проработал я у него полтора года и считаю это время одним из счастливых в своей жизни, т. к. оно тесно связано с именем основателя Минусинского музея в период самой кипучей его деятельности. В 1889 году Мартьянов отправил меня в Красноярскую учительскую семинарию и в течение 3-х лет давал мне стипендию по 5 руб. в месяц, сумму по тогдашним временам большую [...]» [1, л. 9–9 об.].

Стоит отметить, что большая часть педагогов окончила минусинские и красноярские учебные заведения – 24 человека учились в Минусинских женской гимназии, прогимназии, городском училище, ещё 11 человек – в Красноярской учительской семинарии и Красноярском епархиальном училище.

Свой путь на поприще народного образования они начинали в юном возрасте, с 13-14 лет занимались репетиторством, вскоре получали должности в сельских школах. Инструктор социально-правовой охраны несовершеннолетних УОНО Николай Иванович Шмигира в 14 лет окончил Каратузское высшее начальное училище и сразу начал работать, затем выдержал экзамен на звание учителя, но свидетельство не получил из-за юного возраста: «[...] В 1915 году я получил В-Кужебарскую школу и взял на своё иждивение мать, ибо два брата мои были

взяты на военную службу. Через год меня уволили от должности, ибо свидетельства на звание учителя мне не выдали за малолетством и лето я остался без службы. Осенью [19]16 года я вновь получил предложение занять должность учителя Кавказской школы и принужден был вновь держать экзамен на звание учителя двухклассных училищ, каковой выдержал и получил соответствующий диплом [...]» [1, л. 13].

Закономерно, что из-за материальных сложностей лишь 6 учителей отметили в своей автобиографии факт окончания высшего учебного заведения. Это три учителя кооперативной школы: Нарцис Иосифович Осипянц окончил политехнический институт в г. Санкт-Петербурге, Пётр Васильевич Никифоров – Санкт-Петербургский университет, Вячеслав Петрович Лисицын – Московскую духовную академию по историческому отделению. Два учителя школы № 3: Анна Петровна Афанасьева – Киевские высшие женские курсы, Михаил Яковлевич Соколов – Санкт-Петербургский университет. Кроме того, историческое отделение Казанского университета окончил инспектор соцвоса УОНО Александр Алексеевич Григорьев.

Единственной возможностью пополнить свои знания было самообразование, которое, естественно, не могло заменить профессиональную подготовку. Иван Иванович Глазов, завшколой № 6, отмечал: «[...] Руководства по самообразованию никакого не было. Впитывал, как губка, всё, что ни встречалось, но особенно интересовался общественными науками. От разной литературы появился в голове сумбур, который начинает исчезать теперь [...]» [4, л. 77 об. – 78].

В текстах автобиографий можно найти интересные зарисовки непростых бытовых и трудовых условий школьного работника начала XX в. Н. Ф. Крюкову после окончания гимназии в 1913 г. назначили учительницей в д. Торгашино Минусинского уезда: «[...] Школа была очень холодная и требовала много ремонта. Квартира моя была тоже очень холодная (молоко, булка, оставленные на столе в моей комнате, за ночь замерзали). Несмотря

на такие неудобства, я энергично принялась за своё дело [...]» [4, л. 43].

Нина Семёновна Литовченко (шк. № 5) в 1916 г. работала в Чебаковской школе Ачинского уезда: «[...] К этому времени школьное здание было построено новое, но за недостатком средств не пришлось сделать ни одной печи, и вся громадная новая школа отаплилась только железными печами. Ведя школьные занятия в большинстве случаев в холодном здании, участвуя в драматической секции, приходилось работать здесь, и холод повлёк за собой последствия: я получила катаральное состояние горла [...]» [4, л. 49].

Не обошла стороной учительские семьи эпидемия тифа начала 1920-х гг. К примеру, учительница УОНО Анна Михайловна Зилотина писала: «[...] прошла 1 курс экономического факультета Омского политехнического института, но кончить институт не смогла, так как заболела тифом, во время эпидемии сыпняка в 1920 г., а потом изменились и домашние обстоятельства: умер от тифа муж, студент-коллега, за которого я вышла замуж в 1919 г., родился ребёнок, и мне пришлось на время оставить ученье [...]» [1, л. 7 об.].

Несмотря на сложности, учителя не теряли веру в свою профессию, подчёркивая в автобиографиях, что педагогическое дело остаётся главным в их жизни. Мариамна Андреевна Копытова (шк. № 6): «[...] Общие условия раб[оты] в настоящее время, благодаря недостатка школ и переполнения последних желающими учиться, вредно отражаются на ходе занятий, но при усиленном старанье занятия идут нормально. О том, что любишь это дело, и говорить не приходится, с семи лет ты в школьной обстановке и так привязался и сжился с ней, что всё время тянет в неё, и только у дела в школе чувствуешь себя спокойно [...]» [4, л. 84 об.]. В свою очередь Елизавета Дмитриевна Савинская (шк. № 7) резюмировала свой жизненный путь: «[...] Участвуя 20 лет по призванию, я не мыслю работы, в которой я была более целесообразно использована, как только в школе [...]» [4, л. 110 об.].

С 1920 г. задачей всех педагогов было включение в активную организаторскую работу по утверждению новых образовательных форм и идей, которую большинству из них удалось решить успешно. А. М. Зилотина так характеризовала свои впечатления: «[...] Работа в школе становится всё более интересной, связывая школу с жизнью, с её запросами, новыми веяниями, школа требует полного нашего учительского перерождения [...]» [1, л. 7 об.].

Однако собственно преподавание, естественно, никогда не было единственным занятием педагогических работников. В той или иной степени каждый из них был задействован в культурно-просветительской деятельности, участвовал в организации народных чтений, драматических вечеров, был членом различных досюветских и советских общественных организаций.

Например, Мария Дмитриевна Прыткова (шк. № 3) так описывала свою внешкольную деятельность: «[...] В 1913 году я была переведена учительницей в Минусинский уезд в Комское сельское двухклассное училище. Здесь я работала долго, с 1913 г. по 1923 г., не только в качестве учительницы, но и как общественный работник. До 1917 г. одновременно занималась со школьниками, ещё и как учительница школы взрослых, а с [19]17 года вела культурно-просветительскую работу, с 1919 года была председателем культпросвета и руководила драматической секцией, летами же во время каникул по поручению исполкома исполняла некоторые работы во всех деревнях Комской волости, способом переезда из деревни в деревню, как-то: перепись, разного рода учеты и т. д. [...]» [3, л. 106].

Активным общественником был учитель русского языка кооперативной школы Александр Петрович Косованов: «[...] В области внешкольной деятельности в Минусинске – с 1918 г. работаю по созданию Педагогического музея, избираюсь председателем комиссии музея, с 1920-21 гг. членом правления и председателем союза работников просвещения [...]» [2, л. 30 об.].

Посвящая всё своё время трудовой и общественной деятельности, педагоги, за редкими исключениями, мало писали о сво-

их занятиях в свободное время. Так, Георгий Людвигович Лисовский, преподаватель изобразительных искусств шк. № 3, подрабатывал в частном порядке: «[...] Не имея достаточного количества уроков, материально обеспечивающих меня, принужден ещё зарабатывать частными заказами. Но, к сожалению, Минусинск беден художественными требованиями и приходится удовлетворяться полуремесленными заказами. За всё время был один заказ от Минуисполкома – эскиз памятника «Павшим борцам в борьбе с Колчаком» [...]» [3, л. 113]. Михаил Константинович Бахарев, учитель математики и естествознания школы № 1, «с целью изучения природы России и её населения, много путешествовал и побывал во всех уголках нашего обширного отечества» [3, л. 127].

На вопрос о членстве в политических партиях педагоги отвечали отрицательно, что вполне объяснимо колоссальной загруженностью школьной и внешкольной работой. События 1917 г. также прошли мимо большей их части, за исключением вышеупомянутого А. П. Косованова: «[...] В 1916 г. в августе снова призван в армию рядовым 176 пехот[ного] запасного полка, стоявшего вблизи Петербурга, в Красном селе. 28 февраля 1917 года вместе с полком двинулись в Петроград по зову и на защиту Госуд[арственной] Думы. В первые же дни Февральской революции избираюсь от своей 6-ой роты членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов [...]. Участвую вместе со своим 176 полком в общевойсковом восстании 4 июля 1917 г., нахожусь под следствием. В конце августа 1917 наш полк в полном составе выступает против Корнилова, а в октябрьские дни против Керенского [...]» [2, л. 30–30 об.].

Значительный интерес представляют резолюции, проставленные на каждой из анкет заведующим отделом народного образования Поповым, следующего содержания: «Считаю возможным оставить»; «В политическом отношении достойна работать в совучреждении»; «антисоветские поступки не замечены. Оставить на месте»; «Человек с чисто пролетарской психологией. Оставить на месте» и т. п. В этих лаконичных пометах

одновременно оценивалась и политическая благонадёжность, и профессиональные качества учителя.

Абсолютное большинство получили положительную оценку и сохранили за собой должности. Несколько учителей получили развёрнутую лестную характеристику. Среди них «герои труда», чествовавшиеся в 5-ю годовщину Союза работников просвещения, – Александр Захарович Назаров и его жена Мария Михайловна Назарова. «[...] Как учительница сильная, имеет большой стаж и опыт. Несмотря на долгую службу, Назарова не заостенела в старых традициях и предрассудках. Воспринимает не хуже других новые течения в области педагогической. В общественно-политической жизни принимает слабое участие. Взгляд на совласть здоровый. Оставить на месте», – так охарактеризовал М. М. Назарову завгубОНО [4, л. 45 об.].

Выделило руководство и А. П. Косованова: «Косованов – специалист русского языка незаменим. Как преподаватель очень сильный. В общественно-политической жизни участия не принимает, антисоветских поступков в деятельности Косованова не замечено. Оставить» [2, л. 29].

Нужно отметить, что не до конца воспринявшим новые методики учителям давался «шанс» на дальнейшее перевоспитание. Марина Степановна Попова (шк. № 3) получила такую оценку: «Как учительница хорошая, деловая, легко воспринимает новые методы преподав[ания] и проводит их в жизнь. Вполне усвоила идею трудовой школы. В общественно-политической жизни участия не принимает. Не освободилась ещё от старых традиций и предрассудков. Сдвиг влево имеется. Оставить на месте» [3, л. 102]. Нине Васильевне Варлаковой из шк. № 3 был вынесен вердикт о том, что «красного педагога» из неё не выйдет, однако на должности она была оставлена. Евдокия Дмитриевна Губанова из школы № 6 была взята «под наблюдение», а М. К. Бахарев должен был быть уволен согласно некоему материалу, не приложенному к анкете. Прасковья Фёдоровна Назарова из школы № 4 подверглась особенно жёсткой критике как «старая законенная в мелкобуржуазных предрассудках и традициях учительница» [3, л. 175]. К сожалению, проследить дальнейшую судьбу

этих педагогов по документам затруднительно, поэтому можно только предполагать, были ли эти указания приведены в жизнь.

Анализируя архивные документы, можно сделать вывод, что корпус учительства г. Минусинска был неоднородным по возрасту, сословному происхождению, однако ему были присущи и многие общие черты: непростой путь к образованию; сложное материальное и жилищно-бытовое положение. Кроме того, их объединяла любовь к своему делу и стремление во что бы то ни стало следовать учительскому призванию. Отложившиеся в фонде Енисейской губернской контрольной комиссии анкеты и автобиографии учителей являются содержательным источником, позволяющим восстановить их социокультурный облик, проследить основные этапы биографии до 1924 г., выявить наиболее характерные детали повседневности провинциального школьного работника первой четверти XX в.

Библиографический список:

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 95.
2. КГКУ «ГАКК». Ф. П-2. Оп. 1. Д. 102.
3. КГКУ «ГАКК». Ф. П-2. Оп. 1. Д. 108.
4. КГКУ «ГАКК». Ф. П-2. Оп. 1. Д. 166.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кухта Светлана Васильевна,

главный архивист КГКУ

«Государственный архив Красноярского края»,

г. Красноярск, Россия,

E-mail: svetla-90@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kukhta Svetlana Vasilievna,

chief archivist, Krasnoyarsk regional state archive,

Krasnoyarsk, Russia,

E-mail: svetla-90@mail.ru

РАЗДЕЛ IV. ЕСТЕСТВЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ

УДК 005:796/799(571.513)»193»

Р. Э. Максимов

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ КОЖАНЧИКОВ. ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: Данная работа – дополнение и логическое продолжение материала Максимова Р. Э. «Василий Дмитриевич Кожанчиков. Минусинские годы (1915-1929)», опубликованного в 2022 г. Настоящий материал базируется на недавно обнаруженных нами архивных данных, свидетельствах потомков В. Д. Кожанчикова и предоставленных ими семейных архивных документах. Кроме того, в статье приведены фрагменты переписки В. Д. Кожанчикова с его научными коллегами, членами Русского Энтомологического Общества. На основании вышеперечисленных документов и устных свидетельств его потомков впервые подробно рассматривается период его энтомологической деятельности с 1909 по 1915 годы, в частности, обстоятельства, которые привели его с семьей в Минусинск. В своих письмах В. Д. Кожанчиков говорит о причинах, подтолкнувших его к выпуску собственного научного издания на личные средства, а также высказывает свои мысли и пожелания относительно созданной им уникальной энтомологической коллекции, а также ряда других крайне интересных фактов. Помимо этого, документально подтверждается участие В. Д. Кожанчикова в работе Института исследования Сибири, так называемой «колчаковской Академии Наук», а также вхождение как Музея им. Н. М. Мартянова, так и Красноярского краеведческого

Музея в состав этой организации. Совокупность приведённых в двух работах фактов значительно меняет историю Музея в начале первой половины XX в. Кроме того, В. Д. Кожанчиков выделяется как выдающаяся фигура в истории как Музея, так и города Минусинска, а также как один из главных продолжателей дела Н. М. Мартянова.

Ключевые слова: юг Сибири, Хакасия, юг Красноярского края, В. Д. Кожанчиков, энтомология, лепидоптерология, чешуекрылые, насекомые, Lepidoptera, Insecta, Институт исследования Сибири, история науки.

R. E. Maksimov

**W. D. KOZHANTSCHIKOV.
ADDITIONS AND CORRECTIONS**

Annotation: This work is an addition and logical continuation of the material of Maksimov R. E. “W. D. Kozhantschikov. The Minusinsk Years (1915-1929)”, published in 2022. This material is based on recently discovered archival data, testimonies of W. D. Kozhantschikov’s descendants and family archival documents. In addition, the article includes fragments of correspondence between W. D. Kozhantschikov and his scientific colleagues, who were members of the Russian Entomological Society. Basing on the above documents and private testimonies of his descendants, the period of his entomological activity from 1909 to 1915 was analyzed in detail for the first time, in particular, the circumstances that brought him and his family to Minusinsk Martjanov’s Museum. In his letters, W. D. Kozhantschikov talks about the reasons that prompted him to release his own scientific publication at his own expense, and also expresses his thoughts and wishes regarding the unique entomological collection which he created, as well as a number of other extremely interesting facts. Aside from this, the participation of W. D. Kozhantschikov in the work of the Institute for the Study of Siberia, the so-called “Kolchak Academy of Sciences”,

was documented, as well as the entry of both the N. M. Martyanov's Museum and the Krasnoyarsk Local Museum into this organization. The aggregate of the facts presented in the two works significantly change the history of the Museum at the beginning of the first half of the 20th Century. At last, W. D. Kozhantschikov stands out as an eminent figure in the history of both the Museum and the town of Minusinsk, as one of the main successors of the of N. M. Martyanov's business.

Keywords: South Siberia, Khakassia, South of the Krasnoyarsk region, Kozhantschikov, entomology, lepidopterology, insects, Lepidoptera, Insecta, history.

Изученный и частично изложенный нами в работе «В. Д. Кожанчиков. Минусинские годы (1915-1929)» [Максимов, 2022] материал позволяет сделать ряд заключений, существенно меняющих взгляд на историю музея им. Н. М. Мартьянова начала XX в. Напомним, что в тот период В. Д. Кожанчиков работал заведующим музея. Уже то, что в столь драматичный исторический период ему удалось сохранить Государственный музей им. Н. М. Мартьянова от разорения, а возможно, и полной гибели, демонстрирует выдающиеся заслуги В. Д. Кожанчикова перед народом и государством. Приведённые нами факты убедительно доказывают, что вопреки всему и практически в одиночку он смог трансформировать музей в исследовательский центр европейского уровня, с регулярно издаваемым печатным изданием, в котором отметились яркими научными публикациями видные учёные России и даже Европы [Wehrli]. Следует отметить, что исследовательская деятельность В. Д., его помощников и коллег оставила глубокий след в науке, не утратив своей актуальности и сегодня, спустя столетие. Совершенно невероятными кажутся многочисленные примеры того, как В. Д. Кожанчиков на весьма скромные личные средства решал задачи по спасению и развитию музея, по сути, государственного масштаба. Совокупность приведённых в нашей первой работе фактов демонстрирует административный талант, подвижничество

В. Д. Кожанчиков в помещении музея им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинск, 1923 г.
(из личного архива А. А. Завгородней)

и высокую духовность, кристаллизуя образ главного продолжателя и спасителя начинания Н. М. Мартьянова в столь непростой для музея и страны временной период. Напомним, что под

руководством Василия Дмитриевича была осуществлена первая полная инвентаризация библиотечных, коллекционных и выставочных фондов музея, большей частью, опять-таки, с использованием его личных средств, а также на треть был пополнен библиотечный и на четверть коллекционный фонды [АМКМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 48, Л. 12-20], что добавляет яркие штрихи к и без того исключительному образу.

Как это часто бывает при выполнении объемной работы, опирающейся на архивные документы и свидетельства очевидцев и затрагивающей события, происходившие более века назад, в смутное и беспокойное время, в своей первой статье нам не удалось избежать некоторых досадных неточностей, которые считаем своим долгом исправить сейчас. Кроме того, за прошедшее с момента предыдущей публикации время нами были найдены новые документы и свидетельства родственников В. Д. Кожанчикова, а именно его внучки И. И. Лобановой и праправнучки А. А. Завгородней. Полученные от них сведения и документы позволили более детально изучить обстоятельства работы В. Д. Кожанчикова в Музее и добавить новые существенные штрихи к портрету его самого и людей из его ближнего круга.

Из архивов ЗИН РАН (Санкт-Петербург), благодаря неоценимой помощи А. А. Завгородней, нами была получена обширная переписка В. Д. Кожанчикова с А. П. Семёновым-Тян-Шанским¹ и Н. Я. Кузнецовым². Весьма ценным дополнением к нашим изысканиям стали свидетельства ныне живых потомков

¹ Семёнов-Тян-Шанский Андрей Петрович до 1906 года – Семёнов; (21.06.1866 – 08.04.1942). Русский, советский географ, энтомолог, колеоптеролог и переводчик, сын знаменитого географа, путешественника и государственного деятеля Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского. Президент Русского Энтомологического Общества и председатель биогеографического отдела Императорского Русского Географического Общества. Вице-президент Русского Энтомологического общества.

² Кузнецов Николай Яковлевич (1873-1948). Русский, советский энтомолог и физиолог, лепидоптеролог и зоогеограф, член совета Русского Энтомологического Общества с 1910 года, профессор ЛГУ, автор изоляционистской теории обеднённости фауны чешуекрылых черноморского побережья Кавказа и Крыма, один из авторов «Основ физиологии насекомых» (1948-1953). Описал ряд новых для науки таксонов бабочек.

В. Д. Кожанчикова о драматичных поворотах истории, повлиявших на судьбу самого Василия Дмитриевича и членов его семьи, а также оказавших заметное влияние на историю музея им. Н. М. Мартыанова (далее Музей).

Важно учитывать, что презентуемый материал является дополнением к нашей предыдущей работе (Р. Э. Максимов, 2022), с которой мы настоятельно рекомендуем ознакомиться до продолжения чтения.

В 1909 В. Д. Кожанчиков становится членом Санкт-Петербургского отделения Русского энтомологического общества (РЭО) и коллектором³ Зоологического музея Императорской академии наук. Ежегодно летом он сам, а часто и его семья отправляются в научные экспедиции. Чтобы сложилось понимание масштаба этой работы по сбору насекомых и других биологических объектов, достаточно отметить, что в период с 1909 по 1914 в ходе экспедиционных поездок по Российской империи В. Д. Кожанчиков с семьёй преодолели, только по известным и подтверждённым нами данным, расстояние в 45 тыс. км (см. карту).

Порой обстоятельства этих поездок складывались весьма драматично. Цитата из письма В. Д. Кожанчикова к А. П. Семёнову-Тян-Шанскому от 29.03.1912, отправленного со станции Имам-Баба в Туркмении, красноречиво свидетельствует об этом: *«Ваша боязнь, что иностранцы по моему следу заявятся сюда напрасна; здесь нет жилья частного, здесь только казенное железнодорожное депо и к ним частным жителям воспрещается проживать. Я живу в землянке, при таких условиях, что едва ли скоро найду подражателей. Кроме того, я питаюсь здесь несносно отвратительно и урывками, что прямо-таки голодаю. Несмотря на большую мою любовь к природе я временами хочу бежать в былые цивилизованные места! Сейчас опять льет и льет дождь, все живое попряталось и, пользуясь случаем, я пишу это письмо»*. [СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д 497. Л. 15об, 16об.]

³ В те годы коллектором называли профессиональных собирателей и хранителей биологических коллекций (прим. автора).

Флажками отмечены места, в которых В. Д. Кожанчиков проводил изучение и сбор материала в период с 1909 по 1914 год. (из личного архива А. А. Завгородней)

В следующем письме тому же адресату от 07.07.1912, отправленном из туркменского местечка Кушка, Василий Дмитриевич пишет: «По настоянию доктора уезжаю из Кушки и ввиду того, что не знаю куда ехать, где поднимать здоровье, отправляюсь снова в Байгакум поправляться. Сейчас чувствую себя отвратительно, что будет дальше не знаю, а в особенности, удастся ли избавиться от малярии. Хотя рассчитываю поправиться, сейчас же моё состояние скверное – лихорадка». [СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497. Л. 27-28]

В 1914 г. Василий Дмитриевич должен был получить денежные средства от Лондонского музея естествознания, чему способствовало личное знакомство и сотрудничество Кожанчикова со старшим зоологом Лондонского музея Т. Олдфилдом⁴. Деньги,

⁴ Майкл Роджерс Олдфилд Томас (англ. Oldfield Thomas, (21.02.1858 – 16.06.1929) – британский зоолог, специализировавшийся в области териологии. Олдфилд проработал в Лондонском музее естествознания в отделе млекопитающих более полувека и

получаемые от Лондонского музея естествознания, планировалось использовать на изучение и описание новых видов на территории Австралии. Для этого В. Д. Кожанчиков со всей семьёй отправляется на Дальний Восток, в Амурскую область, в горы Тукурингра, чтобы затем на пароходе отплыть в Японию, а уже оттуда его путь лежал к Австралийскому континенту. Вероятно, вся дальнейшая жизнь Кожанчиковых пошла бы в совершенно ином русле, но, к сожалению, весь план только начинавшейся масштабной экспедиции рушится в августе 1914 с началом Первой мировой войны. Во-первых, Япония как страна, выступавшая против Антанты, моментально закрыла свои границы для пароходов из России. Кроме того, война и последовавшие за ней события нарушили связи не только с зарубежными коллегами, но даже между российскими энтомологами. Вот что Василий Дмитриевич пишет в своём письме к Семёнову Тян-Шанскому за 04.11.1914, отправленном из Зеи: *«Несмотря на неоднократные письма товарищам энтомологам в Питере, я не получил ответа от них, а посему покорнейше прошу уведомить меня в возможно скором времени где находятся в настоящее время гг. Авинов⁵, Кизерицкий⁶ и Ион⁷. Дело в том, что я обещал выслать бабочек Авинову и жуков Кизерицкому, но боюсь это сде-*

описал за это время около 2500 новых видов и подвидов класса Mammalia. Часто его называют «отцом-основателем современной териологической систематики».

⁵ Авинов Андрей Николаевич (Andrey Avinoff), (14.02.1884, Тульчин – 16.07.1949, Нью-Йорк) – американский энтомолог русского происхождения, лепидоптеролог, ботаник, художник, искусствовед, путешественник, коллекционер, дипломат первой волны русской эмиграции в США. Также занимался изучением русских икон, развитием музейного дела, воссозданием русских архитектурных комплексов и был камер-юнкером. А. Н. Авинов говорил на четырёх языках и мог читать на десяти. В течение 20 лет (1926–1945) был директором Музея естественной истории Карнеги в Питтсбурге. Корреспондент Императорского Русского Географического Общества (награждён золотой медалью Общества), Лондонского энтомологического общества и энтомологического общества Нью-Йорка. В 1914 году был действительным членом Русского энтомологического общества.

⁶ Кизерицкий Виктор Артемьевич – действительный член Русского энтомологического общества Санкт-Петербурга. Специализировался по жесткокрылым Silphidae.

⁷ Ион Оскар Иванович (01.10.1875–17.01.1935) – энтомолог (чешуекрылые и равнокрылые), путешественник, фотограф. Действительный член энтомологического общества Санкт-Петербурга. Член семьи богатейшего российского предпринимателя, остзейского немца И. И. Иона.

лать, так как на мои письма от них не получил ответ». [СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497. 04.11.1914, Зей. Л. 64.]

Из-за разгоравшейся Мировой Войны деньги из Лондона Кожанчиков так и не получил, а об экспедиции в Австралию пришлось забыть навсегда. В письме Семёнову Тянь-Шанскому, написанном из Зеи в августе-сентябре 1914 г., Василий Дмитриевич горестно пишет о начале войны, похоронившей многие его планы: *«Как жаль, что человечество не умнеет, а находит необходимость право доказывать кулаком, доставляя страдания неповинным людям, унижая культурный труд»*. [СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497. 04.11.1914, Зей. Л. 64.]

Семья Кожанчиковых вынужденно задерживается в городе Зея более чем на год. Василий Дмитриевич устраивается делопроизводителем при Окружном Министерстве Зейского Горного Округа, а с приходом тёплого сезона он находит другую работу, которая максимально способствует продолжению его энтомологических изысканий. В письме Семёнову-Тянь-Шанскому от 01.03.1915 из Зеи он пишет: *«в этом году мне не удастся поехать в Санкт-Петербург, так как я перешёл на службу в Верхне-Амурскую Золотопромышленную компанию в качестве Начальника Управления приисками Анабарского улуса и на днях должен выехать к началу летних работ в свой район. Жить я буду всё лето в верховьях р. Сугнам (может Сутам) приток р. Алдан (приток р. Лена) у подножья Яблоневого хребта (северный склон) на Викторовском прииске. Взял я эту должность потому, во-первых, что она великолепно оплачивается, а затем потому, что я все время должен буду находиться на воздухе, так как у компании в этом районе до 30 приисков, которые требуют постоянного наблюдения, а, следовательно, у меня будет гораздо больше времени для экскурсий и в большем районе, чем в г. Зея»*. [СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497. Л. 67.]

Несмотря на открывшуюся возможность совмещать хорошо оплачиваемую и не слишком обременительную работу с любимым делом своей жизни – энтомологией, Василий Дмитриевич ищет возможность покинуть Дальний Восток. Эта тема всплы-

ваает на другой странице того же письма: *«Эти части Дальнего Востока неуютны во всех отношениях, а главным образом климат: короткое лето и долгая зима. Вот почему я думаю, что в 1916 г., сделав поездку к Большому Хингану, вернусь в Петроград или же если мне это удастся, переселюсь в Минусинск, где мне обещали похлопотать о должности хранителя Мартьяновского Музея.»* [СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497. Л. 68об.]

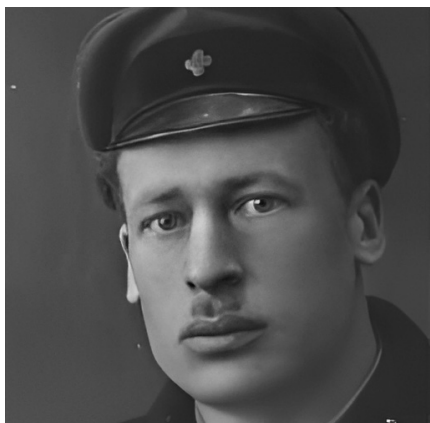
Осенью 1915 года Кожанчиков получает известие о том, что на юге Сибири наконец освободилась вакансия заведующего музеем им. Н. М. Мартьянова, и после недолгих размышлений соглашается на переезд в Минусинск, где и вступает в должность 15 декабря 1915 года. Свои впечатления о состоянии энтомологической коллекции музея Василий Дмитриевич излагает в своём письме Н. Я. Кузнецову от 23.12.1915 буквально через неделю после своего вступления в должность: *«Пока что почти нечего охранять, так как даже и тот материал, крайне многочисленный, не отвечает элементарнейшим требованиям. Так, например, несколько отвратительных мне экземпляров без указаний дня поймки и без точной (часто без всякой) местности. Следовательно, приходится всё вновь делать, принимая во внимание, что у Музея и денег нет. Мне приходится собирать деньги, давая концерты; также не на что купить шкафы, коробки и булавки. Начало, так говоря, исследования коллекции, это мои сборы за 1914-1915 из Тукурингра и Яблоневого хребта. Библиотека по естествознанию и в частности по энтомологии очень слаба. Есть только труды Русского энтомологического общества с 1884 и Behr⁸ (тоже не полное издание), жуки России Г. Г. Якобсона⁹ и Ваш перевод Ламперта¹⁰».* [СПФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 316. Л. 7.]

⁸ Ганс Герман Бер (нем. Hans Hermann Behr, (18.08.1818 – 06.03.1904) – немецкий ботаник, энтомолог, антрополог и врач. (Прим. Автора).

⁹ Якобсон Георгий Георгиевич (1871-1926) – русский энтомолог-систематик, колеоптеролог, профессор (1921). Один из крупнейших специалистов своего времени по жесткокрылым. В данном случае речь идет о монографии «Жуки России, Западной Европы и сопредельных стран», написанной Якобсоном на основе огромной картотеки, собиравшейся им на протяжении всей жизни (прим. автора).

¹⁰ Имеется в виду «Атлас бабочек и гусениц Европы и отчасти Русско-Азиатских

До недавнего времени оставался неясен эпизод, отмеченный в работе красноярских коллег [Детлова, Кузьминых, 2019, с. 50], где говорится, что, согласно отчёту о работе музея Приенисейского края, зиму 1919 г. Василий Дмитриевич и его сын Игорь провели в Красноярском музее, прибыв туда в качестве «беженцев из Минусинского края». [НА КККМ. Оп. 1. Д. 356. Л. 3 об.]

Кожанчиков Лев Васильевич, старший сын В. Д. Кожанчикова.

Согласно семейной истории рода Кожанчиковых, в 1919 году старший сын Василия Дмитриевича – Лев Васильевич Кожанчиков – был мобилизован в Белую армию генерала В. О. Каппеля. По приданию, Лев Васильевич даже стоял в почётном карауле у памятника императору в г. Иркутске. При этом, в декабре 1919 г. Лев Васильевич покидает армию генерала В. О. Каппеля и каким-то образом добирается до Красноярска. Между тем известно, что решение брать Иркутск штурмом принималось В. О. Каппелем 23 января 1920 г. Сразу после расстрела адмирала А. В. Колчака красными 7 февраля 1920 года генерал Войцеховский, принявший власть от умершего Каппеля, не стал продолжать уже лишённый всякого смысла штурм Иркутска, а остатки его армии двинулись на восток, к Чите. Таким образом, Л. В. Кожанчиков не мог находиться в Иркутске в составе армии генерала В. О. Каппеля. Между тем восстановление хронологии тех далёких исторических событий помогает нам разобраться с возникшей загадкой. Напомним, что при подходе белых частей к Красноярску там началось восстание рабочих под руководством большевиков,

владений, с руководством к собиранию и изучению чешуекрылых» Курта Ламперта (нем. Kurt Lampert), Н. А. Холодовский; под ред. Н. А. Холодовского, Н. Я. Кузнецова. – СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1913 (прим. автора)

к которому примкнул гарнизон во главе с его начальником генералом Б. Зиневичем. Надежды Белой армии на отдых и снабжение с красноярских складов с их внушительными запасами рухнули. Отлично понимая отчаянное положение своей армии, В. О. Каппель издаёт по армии Приказ № 778 от 15.12.1919. В числе прочего, он представлял каждому колеблющемуся бойцу возможность добровольно покинуть армию. В том же приказе Каппель предупреждал, что всех оставшихся ждут тяжёлые испытания. Тем самым, сильно сократив свою армию, Каппель оставлял в строю наиболее крепких и надёжных бойцов.

Достоверных данных, свидетельствующих о том, был ли Л. В. Кожанчиков участником Великого Сибирского Ледяного похода, пока найти не удалось. Если же опираться на логику событий, он, скорее всего, прошёл с боями в рядах армии В. О. Каппеля от Омска до Красноярска. Полагаем, что в складывавшихся тогда исторических обстоятельствах многие документы могли быть банально уничтожены в интересах бывших бойцов армии В. О. Каппеля, часть из которых приняла решение остаться в России. Крайне маловероятно, что Л. В. Кожанчиков дезертировал, и этому есть несколько доводов. Во-первых, для такого серьёзного обвинения отсутствуют доказательства. Во-вторых, время выхода Приказа № 778 от 15.12.1919 удивительно совпадает с документально подтверждённым нахождением В. Д. и И. В. Кожанчиковых в Красноярском музее [Детлова, Кузьминых, с. 50-51]. Контроль над железной дорогой находился тогда в руках Чехословацкого корпуса, командование которого отказалось предоставить русским частям эшелоны и отобрало уже имеющиеся. Поэтому белые войска отступали в направлении Красноярска по старому тракту, неся невероятные лишения и тяготы, без снабжения и в условиях тифозной эпидемии. Потери в войсках были высочайшими. Скорее всего, не обошли эти лишения и Льва Васильевича. С большой долей вероятности он либо болел, либо был ранен. Вероятно, добравшись до Красноярска, Лев Васильевич обратился к директору Красноярского городского музея А. Я. Тугаринову, хорошо знавшему по слу-

жебным делам как В. Д. Кожанчикова, так и его сыновей, принимавших активное участие в работе музея им. Н. М. Мартьянова.

Из дальнейшего хода событий и известных фактов складывается устойчивое убеждение, что с конца 1919 года мужчины семьи Кожанчиковых не стремились принимать участие в гражданском кровопролитии ни на одной из сторон. Сам Василий Дмитриевич неоднократно писал о том, что он вне политики [АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 975. Л. 15-16]. В пользу нашей точки зрения говорит и то, что значительную часть времени до конца Гражданской войны в 1924 г. сыновья В. Д. Кожанчикова провели либо на полевых выездах в местах, которые и сегодня считаются дикими (оз. Тиберкуль, хребет Ергаки, биологическая и метеостанция на Буйбинском озере), то есть, вдали от мобилизации, как белой, так и красной.

Изученные нами подробности работы высокогорной метео- и биостанции настолько обширны и интересны, что, скорее всего, станут основой отдельного материала. Скажем лишь, что жизнь и работа на ней граничили с пределами человеческих возможностей, сотрудники станции не раз могли погибнуть, и только чудом всё обходилось лишь болезнями, а не смертью участников этой экспедиции. В письме А. П. Семёнову-Тян-Шанскому от 12.01.1921 из Минусинска Василий Дмитриевич пишет об одном из эпизодов этого периода: *«С огромным трудом собрал я экспедицию для устройства биологической станции в Саянских горах близ Ойского и Буйбинского озёр специально для исследования этой труднодоступной местности. Экспедиция вышла 25.07.1920 и теперь занята устройством землянок и общих жилых помещений»*. [СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497. Л. 71об.]

Возвращаясь к концу зимы 1919 года, когда Василий Дмитриевич с младшим сыном Игорем, а скорее всего, и со старшим – Львом «проживают в Красноярском Музее зиму 1919-20 гг. в качестве беженцев» [НА КККМ. ПП 1599. Оп. 01. Д. 356. С. 3]. Там они систематизируют и монтируют в коллекции сборы Lepidoptera и Coleoptera Красноярского музея. Весной 1920 г.

Кожанчиковы возвращаются наконец в Минусинск. Вероятно, изложенное выше даёт объяснение довольно объёмной «помощи», оказанной В. Д. Кожанчиковым Красноярскому музею. Она материализовалась в обширных коллекционных сборах жуков и бабочек, до сих пор хранящихся в фондах Красноярского музея, а когда-то и Технологического Института (ныне Аэрокосмическая Академия)¹¹.

Весьма интересны суждения В. Д. Кожанчикова о причинах, побудивших его к изданию им Ежегодника музея. Ранее они уже излагались нами на основании политики этого издания, представленной на первых страницах первого Ежегодника [Кожанчиков, 1923, с. 3]. Немного иначе Василий Дмитриевич писал об идее своего издания Н. Я. Кузнецову в письме от 14.03.1923: *«В настоящем письме приведу Вам только те доводы, на основании которых я решился создать (на свои средства) от имени Мартьяновского Музея свой журнал под заглавием «Ежегодник Государственного Музея им. Н. М. Мартьянова».*

Именно Вы особенно хорошо знаете, что все эти исследовательские поездки разных лиц давали довольно скудные результаты и результаты в большинстве случаев не соответствовали затраченным средствам. Ясно для каждого, что нужно создавать на местах исследователей, а это возможно только тогда, если эти исследователи будут заинтересованы, а это легче всего сделать, если их привлечь к самой легкой работе, то есть, к описательной. Если же поставить дело в ту плоскость, которая до сего времени практиковалась, то есть, людей просили что-то собирать и приносить специалистам для обработки за спасибо, то, конечно, как это показала практика многих лет, фауна России оказалась менее исследованной, чем центральная Африка, а те исследовательские работы, которые делали в России, сводились к коллекционированию специалистами itago и в лучшем случае для определения видов руко-

¹¹ В 1992 г., в период моего обучения в аспирантуре Красноярского Института леса имени В. Н. Сукачёва СО РАН, я лично видел безнадежно пропадающие остатки этих коллекционных сборов В. Д. Кожанчикова (прим. автора).

водствовались разными методами; по биологии, даже многих петербургских видов, до сего времени неизвестных.

Теперь, когда я стар стал и когда я вижу, что количество энтомологов всё уменьшается, я решил привлечь молодёжь (у меня сейчас 4 таковых) молодых энтомологов.

Издание же «Ежегодника» молодёжь страшно интересовало. Тем более, что они пробуют свои силы вполне самостоятельно; но им разрешается писать только биологические, а не систематические работы пока, так как литература у нас хорошая.

Моя же работа (описание видов) сделанная только на основании одного труда Зейтца¹² и с описанием новых видов может главным образом уже привлечь внимание заграничных энтомологов и на наш Музей получить средства, посредством продаж дубликатов, на покупку специальных сочинений по энтомологии, которых у нас почти нет.

Зная по старой практике, что получить в обмен на насекомых (научную литературу) очень легко, я убеждён, что в течение одного года, я сумею составить прекрасную библиотеку, которая даст молодёжи возможность работать и по систематике.

Вот почему я и Филиппеву написал, что получить от меня материал можно только в том случае, если печатная обработка будет напечатана в нашем «Ежегоднике». На этом и только на этом условии я, или вернее мы, будем высылать материал по всем отрядам насекомых.» [СПФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 316. Л. 20-22об.]

Как зрелый коллектор и исследователь с многолетним опытом полевых работ Кожанчиков прекрасно понимал все недостатки коротких экспедиций. Его стационарная работа в течение полутора десятков лет в окрестностях Минусинска дала мощные

¹² Фридрих Йозеф Адальберт Зейтц, Friedrich Joseph Adalbert Seitz, (24.02.1860 – 05.03.1938) – немецкий врач и энтомолог, специализировавшийся на чешуекрылых. Зейтц был директором Франкфуртского зоопарка с 1893 по 1908 год и наиболее известен редактированием многотомного справочника о бабочках и более крупных мотыльках мира «Die Gross-Schmetterlinge der Erde», который продолжал выходить и после его смерти (прим. автора)

результаты. Отдельно отметим, что и его пестование «молодых энтомологов» тоже оказалось прекрасной стратегией, давшей прекрасные плоды. Ведь трое из упомянутых «молодых помощников» – Л. В. Кожанчиков, И. В. Кожанчиков и А. М. Герасимов¹³ в дальнейшем выросли в серьёзных исследователей, двое из которых стали ведущими сотрудниками ЗИН РАН. Что же касается непосредственно Ежегодника, он и сегодня является основой многих энтомологических, зоологических и климатологических исследований в Южной Сибири.

В отмеченной выше работе красноярских коллег [Детлова, Кузьминых, 2019, с. 50] нами были почерпнуты ошибочные сведения о смерти В. Д. Кожанчикова в 1931 г. Вероятнее всего, причиной неточности, процитированной нами, стали следующие обстоятельства. В 1928 году в г. Петергофе состоялось бракосочетание Льва Васильевича Кожанчикова и Марии Кировны Лысенко (15.08.1899 – 1930-е). Как оказалось, это было одновременно счастливое и трагическое событие в жизни молодых. Вскоре Мария Кировна заболела кишечным туберкулёзом и Лев Васильевич, заразившись от супруги, безвременно скончался 23 июля 1931 года в Ленинграде [Завгородняя]. Судя по всему, годы смерти сына и отца Кожанчиковых в этом случае были путаны.

Между тем сам Василий Дмитриевич, оставив должность заведующего музеем, продолжил свою работу в Минусинске в качестве энтомолога. Это подтверждается лепидоптерологическими материалами, собранными и подписанными его рукой, датированными более поздними годами, а также письмами к Н. Я. Кузнецову и А. П. Семёнову-Тян-Шанскому, отправлявшимися из Минусинска вплоть до 1938 года. Кроме того, от праправнучки Василия Дмитриевича, А. А. Завгородней, проживающей в Санкт-Петербурге, нами было получено свидетельство о его смерти, датированное 24 марта 1939 г. Кстати, эта информация уже оглашалась в декабре 2022 г. в докладе на ежегодной на-

¹³ В первых работах – А. М. Герасимов-Морачинский (прим. автора).

учной конференции музея [Нагорных]. По косвенным данным, могила В. Д. Кожанчикова, безусловно находившаяся на одном из кладбищ г. Минусинска, была утеряна из-за отсутствия родственников, проживающих рядом и имеющих возможность за ней ухаживать. Усугубилась ситуация большим количеством захоронений периода Великой Отечественной войны. Остаётся лишь надеяться, что восстановление места захоронения и установка памятника В. Д. Кожанчикову станет делом чести как для руководства музея, так и для жителей Минусинска.

Ещё одна неточность в нашей предыдущей работе (Р. Э. Максимов, 2022) связана с несоответствующими сведениями, касающимися биографической справки об энтомологе Н. Н. Филиппеве. В ходе более тщательного изучения было выяснено, что в российской науке первой половины XX в. было два энтомолога, являвшихся полными тёзками. В предыдущей статье нами дана точная историческая справка на Николая Николаевича Филиппева (Филиппова) (1895–1972), энтомолога, профессионального дипломатического работника, полковника НКВД и коллекционера, специализировавшегося по жукам и публиковавшегося под фамилией своей супруги – Женжурист. Будучи яркой и интересной личностью, этот человек, как выяснилось, не имел ни малейшего отношения ни к В. Д. Кожанчикову, ни к Музею им. Н. М. Мартьянова. [МГУ ЗМ]

Между тем, выдающийся российский и советский лепидоптеролог Николай Николаевич Филиппев (1882-1943), в течение почти тридцати лет проводивший огромную работу по определению, диагностике и систематике чешуекрылых насекомых, главным образом *Microheterocera*, в стенах Зоологического института Академии Наук СССР (ныне ЗИН РАН), имеет к нашей теме самое прямое отношение. Нами выяснено, что тесная связь в работе с Минусинским музеем у Н. Н. Филиппева возникла в 1923-1924 гг., когда он получил на обработку *Microheterocera* из Енисейской губернии от В. Д. Кожанчикова. Эти материалы произвели на Н. Н. Филиппева такое впечатление, что он, получив командировку от Зоологического музея Академии наук,

лично принял участие в изучении фауны чешуекрылых насекомых южного Енисея, проработав на базе Государственного музея им. Н. М. Мартыанова в городе Минусинске, совместно с В. Д. Кожанчиковым, лето 1924 г. В результате этих исследований было напечатано четыре работы по фауне чешуекрылых Минусинского края [Филипьев, 1924, с. 1-44, 45-61; Филипьев, 1925; Филипьев, 1927], заключавших в себе много нового в фаунистическом отношении. В этих работах Н. Н. Филипьев описал ряд новых видов чешуекрылых из родов *Euzophera*, *Pyralidestes*, *Lasionycta*, *Phalonia*, *Euxanthis*, *Polychrosis*, *Semasia*, *Laspeyresia*, *Crambus*, *Platytes*, *Eudorea*, *Evergestis*, *Amblystilia*, *Insalebria*, *Talis*, *Cybolomia*, *Pleurota*, *Scythris*, *Coleophora*, *Eosolenobia* и установил новые роды *Insalebria* и *Eosolenobia* [Кожанчиков, 1953].

Есть ещё один важный штрих, касающийся работы музея в 1919-1920 гг. под руководством В. Д. Кожанчикова. Как мы отмечали ранее [Максимов], с осени 1919 года финансирование музея было полностью прекращено. Несложно предположить, что в сложившейся ситуации В. Д. Кожанчиков мог искать помощи у двух сторон бушевавшего в тот момент гражданского конфликта.

Известно, что в 1919 году, при поддержке правительства адмирала А. В. Колчака в Томске был открыт Институт исследования Сибири. По сути, по своим функциям и задачам институт являлся самой настоящей сибирской Академией наук, явившийся предтечей организованного в 1943 году СО АН. В мае 1920 года, когда должен был состояться съезд для избрания постоянного состава руководящих органов, власть в Томске переменялась. Сибревком закрыл институт, как потом писали, за то, что он «сделался центром интеллигентских сил, враждебно настроенных к советской власти» [ALMA MATER].

Есть серьезные сомнения в объективности такого суждения, так как для истинного исследователя любые политические коллизии выглядят мелко по сравнению с предметом, который он

избрал для изучения. Однако, не вдаваясь в политические оценки, вернемся к нашей теме.

Нам удалось найти неопровержимые доказательства тесного сотрудничества и даже работы В. Д. Кожанчикова в Институте исследования Сибири (далее ИИС). Так, в ежедневной внепартийной демократической газете «Минусинский край» № 26 вторник 24 (11) июня 1919 г. есть заметка: «Отъезд гр. Кожанчикова» в которой сказано, что *«Хранитель минусинского Мартьяновского Музея В. Д. Кожанчиков вызван в Томск на совещание зоологического отдела института исследования Сибири по вопросам, связанным с организацией этого отдела».*

В Барнаульской газете «Народная Свобода» № 66 суббота 29 марта 1919 года мы находим заметку: *«Состав института исследования Сибири», где на странице 3 в списке должностных лиц по отделу гидрологии стоит имя «консерватора Минусинского Музея В. Д. Кожанчикова».*

Также в «Журналах заседаний ИИС» (2008) на странице 19 отмечено, что в состав отдела зоологии ИИС *«входили профессор Томского университета М. Д. Рузский (председатель), приват-доцент Г. Э. Иоганзен (секретарь), а также консерватор минусинского музея им. Н. М. Мартьянова В. Д. Кожанчиков».*

И, наконец, в Журнале № 26 заседания совета Института исследования Сибири от 6 мая 1920 г. под пунктом 15 идёт следующая крайне любопытная информация:

С л у ш а л и:

а) письмо заведующего минусинским Мартьяновским музеем граж[данина] Кожанчикова о рассмотрении в совете института вопроса о непосредственном контроле над Мартьяновским музеем Институтом исследования Сибири и об утверждении лиц, заведующих музеем, институтом;

б) постановление естественно-исторического отдела от 6 мая с. г. об обращении с просьбой к совету о принятии мер к сохранению прав и целостности имущества Мартьяновского музея.

П о с т а н о в и л и:

а) просить Кожанчикова поставить на обсуждение музейной

комиссии Мартьяновского музея вопрос о передаче его в общее заведование Институту исследования Сибири, который вместе с тем считал бы своей обязанностью заботиться о материальном обеспечении музея;

б) просить А. Я. Тугаринова (директор Красноярского Музея) сообщить институту соображения о постановке музейного дела в Сибири и о подведомственности областных и уездных музеев Институту исследования Сибири.

К сожалению, как писалось выше, решением от 16 сентября 1920 Сибревком закрыл ИИС. В кратчайший срок вся деятельность Института была свернута. Тем не менее, недолгое, но яркое его существование дало мощнейший импульс развитию сибирской науки. За короткий период работы ИИС были проведены важные экспедиции на Север и в горные районы Сибири. Кроме того, было издано шесть выпусков ученых «известий». Уже после закрытия ИИС на его научно-исследовательской базе был создан Сибирский физико-технический институт. Произошло это в 1923 году под руководством профессора Вейнберга, который, кстати, был одним из тех учёных, которые и создавали ИИС.

Между тем факты тесного сотрудничества ИИС и как Минусинского, так и Красноярского музеев – теперь очевидный факт. Добавим лишь, что вышеизложенная информация только подтвердила наши более ранние предположения о возможных контактах В. Д. Кожанчикова с правительственными институтами адмирала Колчака. Понимая важность вышеизложенной информации, мы всё же не склонны придавать ей яркую политическую окраску, так как В. Д. Кожанчиков не раз подчеркивал, что он исследователь вне политики. С другой стороны, не удивляет, что, не найдя адекватной поддержки своей научной и музейной деятельности у советской власти, В. Д. Кожанчиков искал её и у тех, кто представлял власть старую, и, вероятно, ему более близкую. Тем более, что ИИС собрал блестящие научные силы не только Сибири, но и европейской части России, да и сам адмирал А. В. Колчак пользовался в научной среде огромным ав-

торитетом. Как учёный-океанограф и полярный исследователь (1900–1903) он отлично понимал нужды учёных и специфику их работы. Вот почему ИИС имел отличное финансирование, что служило стимулом для региональных музеев становиться его частью. В подтверждение солидного финансирования ИИС приведём некоторые цифры. Смета института только на 1919 г. была утверждена в размере 1 млн 635 тыс. руб., из которых 571 тыс. руб. предусматривалась на содержание личного состава и 594 тыс. руб., а на научные цели [ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 16. Л. 18, 19]. До окончательного утверждения Положения институту был отпущен аванс в 230 тыс. руб., в том числе 170 тыс. руб. на научные и научно-практические мероприятия [ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 48. Л. 57.].

Судьба энтомологической коллекции В. Д. Кожанчикова – ещё одна важная тема, лишь вскользь затронутая в предыдущей нашей статье. Между тем, ввиду значительной научной ценности его энтомологических сборов, крайне важно понимать, что по поводу её судьбы думал сам Василий Дмитриевич. Заметим, что он оставил достаточно суждений на этот счёт, и с течением времени планы его трансформировались. Приведём их в хронологическом порядке. Вот короткая выдержка из письма А. П. Семёнову-Тян-Шанскому, отправленного 04.11.1914 из г. Зеи: *«В прошлом году ко мне обратился Dr. AufA в Париже с предложением продать ему мою коллекцию. Конечно, я отказал ему в этом, в виду того, что еще работаю, но на всякий случай я предупредил жену, что в случае моей смерти, она бы обратилась к Академии с предложением купить мою коллекцию, а в случае нежелания Академии или несоответствующей цены, указал ей обратиться либо к Dr. AufA или к Dr. Jeannel'ю¹⁴, который так же выражал (правда до войны) желание приобрести мою*

¹⁴ Рене Габриэль Жаннель (фр. René Gabriel Jeannel; 23.03.1879, Тулуза – 20.02.1965, Париж) – французский биолог, биогеограф, биоспелеолог, зоолог, энтомолог, ботаник, геолог, палеонтолог, исследователь. Доктор наук (1911), директор Национального музея естественной истории в Париже (1950). Член Энтомологического общества Франции. Кавалер (1923), офицер (1935) и Командор ордена Почётного Легиона (1951) (прим. автора).

коллекцию для Музея в Париже». [СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497. Л. 64-64об.]

Здесь весьма чётко проявляются патриотические чувства В. Д. Кожанчикова. Он всеми силами хочет сохранить основу своих энтомологических материалов именно в России, что в результате и делает. Та же патриотическая линия продолжается и в его письме к А. П. Семёнову-Тян-Шанскому, отправленном из Минусинска 12.01.1921, где выражается глубокая обеспокоенность тем, что *«многие из военнопленных вернулись из Сибири домой с большими материалами из разных её местностей. У меня имеется гектографированное письмо одного германского военнопленного, адресованное всем собиравшим энтомологические материалы, в котором эти собирателям предлагается передать свои сборы в Deutsches Entomologisches National для обработки их специалистами. Это письмо в 11000 экземпляров было разослано по всем военным лагерям»*. [СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497. Л. 71-71об.]

В данном случае В. Д. Кожанчикову крайне важно, чтобы насекомые, собранные в России, были описаны преимущественно российскими учёными, а не «варягами». Интересно, что, будучи по материнской крови мекленбургским немцем и всю жизнь говоря по-русски с выраженным немецким акцентом, Василий Дмитриевич считал себя русским, да по сути им и был. В своём письме Н. Я. Кузнецову от 08.10.1915 он опять возвращается к будущему своей коллекции: *«Относительно причин, почему я (неразборчиво) передаю Академии так много материала, я могу только сказать, что убежден, что как только меня не будет в Минусинском Музее, так вся работа, сделанная мною, пойдёт насмарку. То есть, энтомологическая коллекция, сделанная мной по всем правилам искусства, придёт в такой же жалкий вид, как старая коллекция Музея, которую я упоминал, так как в ней ровно ничего интересного не было. Сама же коллекция являла собой рассадник кожеедов и грибковой плесени»*. [СПФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 316. Л. 11.]

В письме Семёнову-Тян-Шанскому от 12.01.1921 он также

затрагивает эту наболевшую тему: «...за пять лет моего пребывания в Минусинске собрано много.. В виду антических условий жизни не надо быть пророком, чтобы сказать, что в случае моей смерти или ухода со службы все большие энтомологические материалы погибнут, а поэтому я взял от правительственной власти мандат, в котором эти материалы признаны моей собственностью и моя воля, чтобы после моей смерти все эти материалы поступили в собственность Академии Петрограда» [СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497. Л. 70.]. Безусловно, передача основной части коллекции Зоологическому Институту Академии Наук было оптимальным решением на тот момент. Будущее подтвердило это значительным количеством исследований и открытий, сделанных на основе сборов В. Д. Кожанчикова, хранящихся в коллекции ЗИН РАН. Работы с его коллекционными материалами и научными статьями не прекращаются и сегодня и наверняка продолжатся в дальнейшем. Между тем незначительная часть коллекции Василия Дмитриевича, оставшаяся в Минусинском музее им. Н. М. Мартьянова, хранится в его запасниках и сегодня. Вопреки ожиданиям своего создателя, коллекционные сборы сохранены во вполне приличном состоянии, они не повреждены паразитами, хотя и нуждаются в реставрации и замене ряда старых энтомологических коробок.

Подытоживая предыдущий и нынешний материалы о В. Д. Кожанчикове, отметим его беззаветное служение науке в самых тяжелых, а порой и невыносимых условиях, удивительную верность долгу и своим убеждениям. Будучи прекрасным администратором и организатором, Василий Дмитриевич также проявил себя и как талантливый ученый, и как прекрасный наставник и заботливый, любящий отец, и как истинный патриот, беззаветно служащий российской науке и музейному делу, независимо от перемен власти и политических ветров. В руководстве музеем он показал себя грамотным тактиком и стратегом, умело контактировавшим с противоборствующими властями. Он делал это не ради личной выгоды, а лишь на пользу музею и науке.

Совокупность фактов, представленных нами в двух работах, посвящённых В. Д. Кожанчикову, заметно меняют историю музея начала первой половины XX в. Кроме того, В. Д. Кожанчиков выделяется нами как одна из ярчайших фигур в истории и музея, и города Минусинска, а также как один из главных продолжателей дела Н. М. Мартьянова.

Хочется верить, что безусловным заслугам этого замечательного человека спустя почти век после его смерти наконец будет отдано должное.

Библиографический список:

Архив МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова» (АМКМ). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 233. Лл. 33-35.

Архив Московского Государственного университета. Ф. 54. Оп. 1. Л. 1. Ед. хр. 97. Л. 79.

Годовой отчёт работы Музея и Библиотеки им. Н. М. Мартьянова за 1927-1928 гг. АМКМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 233. Л. 36

Годовой отчёт работы Музея и Библиотеки им. Н. М. Мартьянова за 1923-1924 гг. АМКМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 24.

АМКМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 48. Л. 12-20. [Письмо В. Д. Кожанчикова о его службе в Музее с 1915 по 1929 гг.].

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 16. Л. 18, 19.

ГАТО. Ф. Р. 26. Оп. 1. Д. 48. Л. 57.

Переписка с А. П. Семёновым-Тян-Шанским. СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497.

Переписка с Н. Я. Кузнецовым. СПФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 316.

Научный Архив Красноярского краевого краеведческого музея. № ПП 1599. Оп. 01. Д. 356. Л. 3. Отчёт по Красноярскому городскому Музею за 1919 г.

МКУ «Архив г. Минусинска» (АГМ). Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 975.

АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 975. [Исполнительный комитет Минусинского уездного Совета РК и КД. 1918-1925 гг. Автобиография Кожанчикова Василия Дмитриевича от 24.11.1924 г.]

Детлова Е. В. В. Д. Кожанчиков и Геро фон Мергард: штрихи к диалогу. // Мартьяновские краеведческие чтения. сб. докл. и сообщ. / Отв.

ред. Н. А. Голованенко. Вып. IX. Минусинск. Издательские решения. 2016. – С. 323-326.

Детлова Е. В., С. В. Кузьминых. «Там было часто трудно и тяжело, но это было славное время!»: письма Геро фон Мергарта в Музей Приенисейского края // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2019. – Т. 39, № 4. – С. 50-51.

Дьяконов А. М. К познанию фауны *Geometridae* Минусинского Края // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. Т. IV, Вып. I. – 1926. – С. 1-78.

Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / Отв. ред. С. Ф. Фоминых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 264 с.

Завгородняя А. А. Биографическая страничка Льва Васильевича Кожанчикова – URL: http://kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1514. 20.02.2023.

Зоологический музей МГУ. https://www.zin.ru/animalia/coleoptera/addpages/andrey_ukrainsky_library/specialists_files/filippov.htm 22.02.2023.

Инвентарная карточка на МКМ Нст ОФ-2142.

Кожанчиков В. Д. Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского края // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. Т. I, Вып. I, 1923. – С. I-VII + 1-50.

Кожанчиков В. Д. Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского края // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. Т. II, Вып. I. – 1924. – С. 66-75.

Кожанчиков В. Д. Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского края // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. Т. VI, Вып. I. – 1928. – С. 64-80.

Кожанчиков В. Д. Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского края // Ежегодник Государственного музея имени Н. М. Мартянова в г. Минусинске. Т. 4. Вып. 1. – 1926. – С. 79-82.

Кожанчиков В. Д. Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского края // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. Т. 5. Вып. 1. – 1927. – С. 51-52.

Кожанчиков И. В. Памяти Николая Николаевича Филиппева (1882-1943) // Энтомологическое Обозрение, АН СССР, XXXIII, М., Л. – 1953. – С. 363-369.

Кожанчиков И. В. Памяти Алексея Максимовича Герасимова (1904-

1942) // Энтомологическое Обозрение, АН СССР, XXX, М., Л. – 1948, № 1-2. – С. 165-167.

Кожанчиков Л. В. Буйбинская Высокогорная Биологическая Станция // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. Т. II, Вып. II. – 1924. – С. 75.

Максимов Р. Э. Василий Дмитриевич Кожанчиков. Минусинские годы (1915-1929) // Учёные записки // МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова» – Вып. 4, 2022. – С. 107-133.

Нагорных В. В. К вопросу о биографии В. Д. Кожанчикова (Документы о семье Кожанчиковых в фондах Минусинского краеведческого Музея им. Н. М. Мартянова) // МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова», статья в сборнике трудов конференции. г. Минусинск, 2022. – С. 190-198.

Сибирская советская энциклопедия. / Ред. М. А. Азадовский. 1931. Кожанчиков В. Д. – С. 787.

Филипьев Н. Н. *Microheterocera* Минусинского края // Ежегодник Гос. Музей им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске – 1924. – Т. 2, вып. 3. – С. 1-44.

Филипьев Н. Н. *Microheterocera* Минусинского края. Доп.1 // Ежегодник Гос. Музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. 1924. – Т. 2, вып. 3. – С. 45-61.

Филипьев Н. Н. *Microheterocera* Минусинского края. Доп. 2 // Ежегодник Гос. Музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. 1927. Т. 5, вып. 1. – С. 1-9.

Филипьев Н. Н. Новые и малоизвестные ночницы из Минусинского края // Ежегодник Гос. Музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. 1925. Т. 3, Вып. 1. – С. 59-67.

Четвериков С. С. Заметки по систематике ночниц (*Lepidoptera, Noctuidae*) Минусинского края // Ежегодник Гос. Музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. 1925. Т. 3, вып. 1. – С. 53-58.

Штакельберг А. А. Памяти Игора Васильевича Кожанчикова. (1904-1958) // Энтомологическое обозрение, 1959, вып. 1. – С. 243-251 с портр. Библиогр.: Список опубл. работ И. В. Кожанчикова, – С. 245-251.

ALMA MATER // Газета ТГУ, № 2362 от 26.03.2004 // 85 лет со дня открытия Института исследования Сибири // По материалам статьи В. Слущкого «Колчаковская Академия наук».

Wehrli E. Beitrag zur Geometriden fauna von Minussinsk Bezirks // Jahrbuch des Martjanovischen Staatsmuseums in Minussinsk (Sibirien), VI, (I), 1928. – Pp 8-30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Максимов Роман Эльмирович,

энтомолог, Русское Географическое Общество,

г. Абакан, Россия

E-mail: riverabakan@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Maksimov Roman Elmirovich,

Freelance entomologist Russian Geographical Society,

Abakan, Russia

E-mail: riverabakan@mail.ru

РАЗДЕЛ V. ЭТНОГРАФИЯ

УДК 394.2(=512.1)

М. Ю. Чарышова

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРОДНОГО ПРАЗДНИКА ЭЛ-ОЙЫН

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений, происходящих с межрегиональным праздником Эл-Ойын с момента первого проведения праздника в 1988 г. до настоящего времени. Цель статьи – выявить трансформационные процессы, которые претерпел национальный праздник, с акцентом на взаимодействие традиций и нововведений. В работе применены сравнительно-исторический метод и компонентный анализ, что позволило всесторонне рассмотреть эволюцию праздника. Под влиянием глобализации праздник претерпел значительные изменения в течение последних тридцати лет, включая модификацию спортивных состязаний и адаптацию культурных мероприятий.

Ключевые слова: национальные игры, народный праздник, история, национальная интеллигенция, культурная самобытность

TRANSFORMATION OF THE FOLK HOLIDAY EL-OYIN

Abstract. The article is dedicated to the national holiday of the Altai people El-Oyin. The article analyzes the changes occurring in the interregional El-Oyin holiday from the first time it was held in 1988 to the present day. The aim of the article is to identify the transformational processes that the national holiday has undergone,

with an emphasis on the interaction of traditions and innovations. The comparative-historical method and component analysis were applied in the work, which allowed us to comprehensively analyze the national holiday. Under the influence of globalization, the holiday has undergone significant changes over the past thirty years, including the modification of sporting events and the adaptation of cultural events.

Keywords: national games, national festival, history, national intelligentsia, living traditions, cultural identity.

В двадцатом веке процессы модернизации и реформы советского руководства сильно повлияли на традиционную культуру коренного населения Сибири, да и всей России в целом. Со временем были утрачены традиционные занятия, быт, система жизнеобеспечения, утратила свое значение картина мира и обрядовая сфера. Но в последние десятилетия прошлого столетия национальная интеллигенция активизировалась и начала возрождать национальную культуру, а вместе с тем и национальные праздники, которые как ни что другое помогают человеку ощутить свою причастность к той или иной культуре. Не составили исключение и алтайцы, национальная интеллигенция которых создала на основе национальных традиций национальный праздник Эл-Ойын, объединяющий северных и южных алтайцев. В этом народном празднике отражаются все сферы материальной и традиционной культуры народов Алтая. Алтай является местом становления и развития древних культур и тюрко-язычных этносов, поэтому обладает богатейшим этнографическим и фольклорным материалом [ГАСПД РА. Ф.Р-689. Оп. 2. Д. 201. Л. 15].

Официально первый праздник состоялся в 1988 г. на территории села Ело Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области. Во многом это решение обуславливалось и субъективным фактором, а именно поддержкой, которую оказывал идее проведения праздника Семён Сергеевич Тузачинов – председатель совхоза в с. Ело [ПМА, 2015]. Кроме того, у местных

жителей уже имелся некоторый опыт проведения подобных мероприятий. Осенью 1986 г. они встречали гостей из Латвии – членов союза писателей СССР [ПМА, 2015].

Несмотря на то, что изначально праздник задумывался как чемпионат по национальным видам спорта, представители национальной интеллигенции не обошли стороной и обрядовую сферу. Для проведения обряда «моргул» (испрашивание благословения Хана Алтая и выражения ему благодарности за удачный исход зимы и приплод скота) требовалась конспирация от посторонних взглядов, и прежде всего тогдашних идеологов коммунизма. Этот обряд был благополучно проведён под руководством Алтайчы Санашкина в чаще леса, недалеко от места проведения праздника, ранним утром 30 июня, в первый день праздника [ПМА, 2015].

Культурно-массовая программа была представлена музыкальным конкурсом «Јанар кожон», конкурсом гармонистов и выступлением сказителей – кайчи. Спортивные состязания – исключительно национальными видами спорта: «алтай ку-реш» – алтайская борьба, «кодурге таш» – поднятие камней, стрельба из лука, «шатра» – настольная игра, «эмдик-уредуш» – объездка необученной лошади, «ат-чабыш» – конные скачки. Во всех состязаниях мог участвовать любой желающий.

Итогом проведения первых национальных игр Горного Алтая стал невероятный успех среди местного населения, который способствовал дальнейшей популяризации праздника. Первые Народные игры собрали 15 000 тысяч зрителей, более 300 спортсменов, 7 районов области представили свои коллективы на Эл-Ойын: Онгудайский, Кош-Агачский, Шебалинский, Усть-Канский, Улаганский, Усть-Коксинский, Майминский. Отдельно принимала участие команда из Горно-Алтайска, также прибыла делегация студентов Горного Алтая, обучающихся в Барнауле.

В последующие годы творческой площадкой для праздничных торжеств стали другие районы республики: в 1990 г. – с. Шыргайты Шебалинского р-на, в 1993 г. – с. Кырлык Усть-Канского р-на, в 1995 г. – с. Улаган Улаганского р-на, 1996 г. – с. Боочи

Онгудайского р-на, в 1998 г. – с. Корумду Усть-Коксинского р-на, в 2000 г. – с. Кокоря Кош-Агашского р-на, в 2002 г. – с. Катунь Чемальского р-на, в 2004 г. – с. Кебезень Турочаского р-на [Самушкина, с.144]. С 2006 г. по 2014 г. Эл-Ойын проводился в с. Ело Онгудайского р-на, местные власти объясняли проведение праздника в одном и том же месте улучшением материально-технической базы для последующих мероприятий, однако как следствие праздник утратил былую популярность среди местного сообщества, по этой причине республиканское правительство приняло решение о возвращении ему статуса «кочующего праздника» [Эл-Ойын может снова стать... с. 6]. По этой причине в 2016 г. Эл-Ойын был проведён в Горно-Алтайске [Манышева, с. 8], однако конноспортивные состязания по-прежнему были проведены в урочище Кабайлу-Межелик Онгудайского р-на [Миронова, 2016]. В 2018 г. – с. Улаган Улаганского р-на, 2020 г. и 2021 г. Эл-Ойын, как и ряд массовых мероприятий, был отменён в связи с распространением коронавирусной инфекции Covid-19 [Звезда Алтая, 2020 : 20]. В 2022 г. – с. Усть-Кан Усть-Канского р-на [Звезда Алтая, 2023-2024].

Став кочующим праздником, более чем за двадцать лет Эл-Ойын прошёл почти в каждом районе республики. До 1998 г. финансирование праздника производилось областным спорткомитетом, хотя в постановлениях правительства Республики Алтай от 5 января 1993 г. № 4 [ГАСПД РА. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 125. Л. 17-19]. и 21 февраля 1995 г. № 34 [ГАСПД РА. Ф. Р-689. Оп. 2. Д. 44. Л. 46-47] приводятся сведения об организации праздника и составе оргкомитета, но отсутствует смета, скорее всего, это объясняется экономической ситуацией в регионе, да и всей России в целом. Следствием растущей популярности Эл-Ойына стало его признание в государственной среде, и с 1998 г. местное правительство взяло на себя обязанности по организации, финансированию и проведению праздника, что придало ему республиканский статус. Смета расходов на праздник утверждена в сумме 281 600 руб. [ГАСПД РА. Ф. Р-689.

Оп. 2. Д. 201. Л. 22]. В дальнейшем смета расходов возросла, и в 2000 г. она составляла 600 000 руб., что подтверждает постановление правительства Республики Алтай от 24.02.2000 № 49 [ГАСПД РА. Ф. Р-689. Оп. 2. Д. 327. Л. 146], а в 2006 г., по сведениям СМИ, сумма достигла 2 млн руб. [Праздник народных игр...], что свидетельствует о возросшем внимании со стороны властей к Эл-Ойыну.

Также в постановлении Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай от 8 июня 1998 г. № 161 – впервые было принято положение об Эл-Ойыне [ГАСПД РА. Ф. Р-689. Оп. 2. Д. 201. Л. 22].

Проводится Эл-Ойын преимущественно в июле, в день новолуния, как и издавна, после угона скота в высокогорные пастбища. Сегодня обширная программа Эл-Ойына состоит из трёх блоков. В первый блок входит проведение обряда освящения «моргул», официальное открытие и спектакль на национальную тему. Во втором блоке представлена культурно-массовая программа и спортивные состязания. После завершения театрализованного представления разворачиваются выставки народного творчества, музыкальные конкурсы и спортивные состязания [Чарышова, 2014, с. 153]. Третий блок включает закрытие праздника, на нем подводятся итоги и награждаются участники.

Эл-Ойын является огромным полем для самых различных состязаний, конкурсов и направлений самодеятельного народного творчества. Все конкурсы проходят на разных сценах и площадках. Культурные мероприятия включают конкурсы эстрадной и народной песни, юмористические конкурсы («Тастаракай»), конкурс на лучший национальный костюм, конкурс национального жилища (юрта/аил), конкурс национальных украшений, выставки народного творчества («город-мастеров» [Чарышова, 2014, с. 155]).

Одновременно с культурными мероприятиями проходят спортивные состязания, в которых могут принимать участие как профессионалы, так и все желающие. В спортивной части предполагаются профессиональные состязания, такие как борь-

ба «куреш» и конные скачки, гиревой спорт, стрельба из лука, в них конечно, нужны тренировки и набор спортивных атрибутов. В других состязаниях нужны лишь желание и немного сноровки, например, лазание на кедр, «*топнок чачары*», «*тонжан – жүгруш*», «*кодурге таи*» – поднятие камней, и в других играх [Чарышова, 2014, с. 156]. Изначально в разработке и проведении национальных видов спорта принимали участие как научные, так и спортивные работники. Среди них научные сотрудники института Алтаистики им. С. С. Суразакова: С. Я. Пахаев, Н. В. Екеев, В. П. Ойношев, К. Е. Укачина, а также спортивные деятели: Г. А. Кучигашев, М. К. Каланаков, В. В. Туденев, А. П. Иванов, А. Д. Увачев, К. К. Майчиков, и даже журналисты: Б. В. Кортин, С. С. Темеев, А. М. Санашкин [Сельбиков, с. 15]. Состязания отражают как национальные виды, так и современные.

На протяжении тридцати лет праздник модифицировался и приобретал новые механизмы трансляции традиционной культуры под влиянием глобализации. Одним из таких ярких примеров является выставка «Город мастеров», впервые она была включена в программу Эл-Ойына в 1995 г., когда праздник проводился в с. Улаган Улаганского р-на Республики Алтай. В рамках этой выставки оргкомитет стал определять лучшие работы алтайских мастеров, в 2006 г. во время проведения Эл-Ойына в с. Ело Онгудайского р-на предметы ДПИ были оценены в восьми номинациях: роспись и резьба по дереву, современный текстиль, глиняная игрушка, народный текстиль, изделия из меха и кожи, резьба по кости, живопись [Борисова, с. 5]. В 2016 г. также дополнительно стали проводить конкурс народных художественных промыслов и ремёсел «*Устар калазы*» со следующими номинациями: «сохранение национальных традиций в изготовлении изделий», «применение инновационного подхода в изделиях народных промыслов», «лучший молодой мастер» [Звезда Алтая, 2016, № 133-134]. Участие в выставке для мастеров-ремесленников имеет не только престижное, но и важное значение. Не менее значимым мероприятием в рамках Эл-Ойына в 2016 г. стало проведение конкурса-фестиваля кон-

ного убранства «Наследие предков», организаторами которого выступил Дом дружбы народов, Центр народного искусства «Симэх» [Говоров, с. 8]. В рамках выставки «Город-мастеров» стали разворачивать и другие тематические выставки, например на Эл-Ойыне в 1996 г. была представлена выставка «Культура Эфиопии», которую подготовила и представила полиэтнической публике региона делегация музея Российского университета Дружбы народов [Бакиякова, 1996, с. 3], а на Эл-Ойыне в 2014 г. действовала выставка «Алтай. Культура. Духовность», а также выставка, отражающая природное наследие Горного Алтая, представленная чучелами животных и охотничьими трофеями [Манышева, 2014, с. 8].

За тридцатилетнюю историю Эл-Ойына ряд культурно-спортивных мероприятий канул в прошлое и остался лишь в воспоминаниях участников и зрителей, но некоторые мероприятия в силу своей популярности переросли в самостоятельные культурные события. Например, международный курултай сказителей, который стали проводить с 2005 г. Выступления участников оценивались в нескольких номинациях: «виды горлового пения», «сказительское искусство», «мастера сказительского искусства», «гости международного курултая сказителей» [Васильева, 2016, с. 9]. Однако с 2018 г. международный курултай сказителей исключили из программы праздника, и сегодня он проводится осенью как самостоятельное мероприятие с обширной программой.

Во время проведения первых двух праздников в 1988 и 1990 гг. программа Эл-Ойына включала конкурс гармонистов и конкурс профессиональных коллективов, со временем эти конкурсы перестали включать в программу праздника. Что также произошло с ещё одним конкурсом, конкурсом красоты – «*Јаражай*», который прошёл единожды в 1993 г. Этот конкурс выявлял лучших красавиц Горного Алтая, в нём участвовали 14 девушек в возрасте от 16 до 23 лет [Витовцева, 1993, с. 3]. Главным критерием оценки претенденток на звание «*Јаражай*» являлось физическое совершенство – фигура, рост, причёска, макияж, ритмика,

пластика. Эти критерии вызвали волну недовольства среди зрителей, по мнению которых физические совершенства должны поддаваться оценке в последнюю очередь [ПМА, 2014]. Наверняка по этой причине оргкомитет решил отказаться от дальнейшего проведения этого конкурса. Не менее интересным фактом являлось проведение денежной викторины районным комсомолом во время проведения вторых игр в 1990 г. в с. Шыргайта [Семёнов, 1990, с. 1].

Во время проведения Эл-Ойына в 2016 г. на территории Горно-Алтайска был проведен ряд мероприятий культурно-образовательного формата для детей и молодёжи Национальной библиотекой им. М. В. Чевалкова. Программа включала выставки, викторины, конкурсы и интеллектуальные игры [Русских, 2016, с. 7].

Спортивный блок праздника претерпел изменения, включив в себя новые виды соревнований и исключив опасные или непопулярные виды национальных игр. Спортивным состязанием, которое изначально значилось в программе праздника, являлась стрельба из лука – *«ок-жаа»*. Во время проведения первых игр в 1988 г. к состязаниям допускались спортсмены с самодельными луками и стрелами. Мишенью для поражения служили фанерные фигуры животных: белки, зайца, косули, что в большей мере соответствовало духу потомков кочевников. Но уже начиная с 1993 г. оргкомитет постановил, что спортивное состязание по стрельбе из лука будет проводиться по правилам, выработанным бурятской школой стрельбы из лука. Мишени в виде фигур животных были заменены на кегли [Чарышова, 2017, с. 286].

Не уступает в зрелищности и козлодрание *«Кёк-бөрү»*. Впервые это состязание начали проводить на Эл-Ойыне в 2004 г., это по-настоящему захватывающая и рискованная игра. *«Кёк-бөрү»*, что в переводе на русский язык означает «серый волк», возникло в глубине веков, в те далёкие времена, когда в безлюдных степях и горах Киргизии стада животных зимой и летом паслись под открытым небом. Не было ни помещений, ни под-

кормки, поэтому волки часто нападали на скот и приносили людям много бед. Из-за отсутствия огнестрельного оружия пастухам приходилось нелегко в схватке со зверями. Мужественные джигиты на резвых и выносливых конях преследовали волка до тех пор, пока не загоняли его до полусмерти, били его палками, «камчы» – плёткой, подхватывали с земли, отбивая друг у друга. Затем игра «кёк-бөрү» служила своеобразной тренировкой. Позже, при оседлом образе жизни, волк был заменён на тушу козла. Современные требования к празднику: в каждой команде 12 всадников. Игра проводится в три периода, каждый период длится 20 минут. Поле для игры должно быть 200x100 м, на одинаково удалённом расстоянии расположены два земляных казана высотой 1,5 м [Чарышова, 2017, с. 288]. На поле выпускают по четыре всадника с каждой команды, судья выбрасывает тушу козла на середину поля, задача игроков завладеть тушей, при этом удержать её и забросить в казан противников. Конечно, самым сложным является удержать нелёгкую тушу. Победа присуждается той команде, которая забросила больше всего «голов» в казан противника [Чарышова, 2017, с. 288].

Настоящей возрождённой новацией являлось проведение известной национальной игры с участием лошадей местной теленгитской породы – теленгитская борьба – это борьба на поясах верхом на жеребцах теленгитской породы лошадей без седла и стремян [Кузнецова, с. 2], сведения об этой игре содержатся в героических сказаниях, где борьба устраивалась между богатырями на чубарых лошадях. Впервые теленгитская борьба была проведена на Эл-Ойыне в 2018 г., инициатива в проведении этого состязания и включении его в список национальных спортивных состязаний принадлежит заместителю главы администрации Улаганского района В. И. Ынтаеву и коневоду А. В. Юкину [Адыкаева, 2014, с. 5]. Также в программу конноспортивных состязаний включили скачки на чубарых и пегих лошадях – «Чоокыр ла ала аттардын жарыжы» [Программа XVI Межрегионального праздника..., с. 2].

За время проведения Эл-Ойына стоит отметить спортивные со-

стызания, которые со временем были исключены из программы праздника, например, на Эл-Ойыне в 1988, 1990, 1993 гг. проводили эстафету, в ходе которой объединялись и конные скачки, и некоторые приёмы джигитовки. Суть этого состязания была в следующем: вызывалась команда, в состав которой входили три человека, первому участнику требовалось заседлать лошадь и проскакать один круг, по пути которого поднять с земли кнут/бич и «арчымак» – кожаную сумку и накинуть аркан на коновязь, второй участник выполняет упражнения с «арчымаком», кнутом и коновязью, а третьему вдобавок нужно расседлать коня [Чарышова, 2017, с. 288]. Но начиная с 1995 г. эстафета была исключена из программы праздника.

Не менее зрелищными являлись скачки на сарлыках и верблюдах на Эл-Ойыне в 2000 г. в с. Кокоря Кош-Агачского р-на, что и послужило причиной, ведь верблюды и сарлыки в Кош-Агачском районе являются домашними животными. Стоит отметить и инцидент, произошедший во время этого состязания: рассвирепевшие сарлыки, видимо, раздражённые криками толпы, вышли из-под управления своих наездников и побежали в сторону толпы, только благодаря слаженным действиям правоохранительных органов, а именно ОМОНа, удалось избежать беды [ПМА, 2016], несомненно столь экзотичное соревнование надолго останется в памяти местного сообщества.

Призовой фонд также претерпевал изменения. Так во время проведения Эл-Ойына в 1990 г. в с. Шыргайты Шебалинского р-на наградой служили не только медали и кубки, но и «живые призы» – три лошади и тридцать семь баранов, что, несомненно, отражает традиционные занятия народа, ведь что может быть лучшей наградой для скотовода или табунщика [Жуков, 1990, с. 4]. В настоящее время призовой фонд формируется правительством Республики Алтай и выражается в денежном эквиваленте. Так, за победу в игре «Кёк-бөрү» в 2010 г. команда победителя получала 140 000 рублей [Глазырина, 2010, с. 6], однако уже на следующих играх сумма существенно уменьшилась и стала составлять 50 000 руб. [Говоров, 2014, с. 25], этой же

суммой награждают победителя абсолютного первенства алтайской борьбы «*куреш*» [Гришина, 2014 : с. 25]. Самый ценный приз в виде автомобиля отечественной марки достаётся дуэту лошади и наездника, победившему в беге на 12 км. А команда, укротившая строптивую лошадь, получает полное конское снаряжение из натуральной кожи, украшенное национальным орнаментом¹.

Таким образом, созданный на основе традиций с добавлением новых элементов силами местной интеллигенции Эл-Ойын получил большую популярность среди народа, который принимал участие не только как зритель, но и как полноправный участник.

Библиографический список:

Адыкаева Л. Возродим культуру теленгитов // Звезда Алтая. 2014. № 145-148, 3 июля. – С. 5.

Бакиякова А. Эл-Ойын-1996 г. // Ажуда. 1996. № 30, 03 августа. – С. 3.

Борисова Н. В мире и согласии, в лихолетье, и в часы радости // Звезда Алтая. 2006. № 149-151 (17 977-979). – С. 5.

Васильева Н. Под древние звуки топшура // Звезда Алтая. 2016. № 133-134, 15 июля. – С. 9.

Витовцева Н. Эл-Ойын – Всенародный праздник Грицко // Звезда Алтая. 1993. № 130 (15 178). – С. 3.

Глазырина Н. Шумно, многолико, душевно // Ажуда. 2010. № 29 от 30.07.2010. С. 6.

Говоров М. В погоне за синим волком // Звезда Алтая. 2014. № 151-154, 10 июля. – С. 25.

Говоров М. Конное шоу на центральной площади // Звезда Алтая. 2006. № 133-134 15 июля. – С. 8.

Горному Алтаю. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2003–2013. – URL: http://www.dedaltai.ru/history/prazdnik_narodnykh_igr_el-ojyn/ (дата обращения: 12.03.2013).

Гришина Е. Алтайские богатыри. // Звезда Алтая. 2014. № 151-154, 10 июля. – С. 25.

Звезда Алтая. 2016. № 133-134, 15 июля. – С. 6.

¹ Личные наблюдения автора, с. Ело Республики Алтай, июль 2008 г.

Звезда Алтая. 2020. № 20, 20 мая. – С. 2.

Звезда Алтая. 2023-2024. URL: <https://zvezdaaltaya.ru/2022/07/strong-el-ojyn-svyaz-vremen-i-narodov-a-a-strong/> (дата обращения 30.04.2024)

Жуков Э. В Шыргайте прошел второй фестиваль национальных игр Горного Алтая // Звезда Алтая. 1990. № 133 (14 443).

Кузнецова Ж. В. Спортивная игра теленгит-куреш как отражение этнической ментальности теленгитов // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 4 (130). С. 2.

Манышева Н. С памятью о прошлом, с верой в будущее // Звезда Алтая. 2014. № 151, 10 июля. – С. 8.

Полевые материалы автора (ПМА). Интервью с Баиным Созоом Суксековичем, с. Мендур-Сокон Усть-Канского р-на Республики Алтай, ноябрь 2014.

Полевые материалы автора. Интервью с Бронтой Янговичем Бедюровым, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, январь 2015 г.

Полевые материалы автора. Интервью с Мерген Юрьевичем Чарышовым, с. Усть-Кан, Республика Алтай, май 2016 г.

Праздник народных игр «Эл-Ойын» [Электронный ресурс] // Дед Алтай: гид по Горному Алтаю. 2003–2013. URL: http://www.ded-altai.ru/history/prazdnik_narodnykh_igr_el-ojyn/ (дата обращения: 12.03.2013).

Программа XVI Межрегионального праздника алтайского народа «Эл-Ойын 2018», урочище Межелик Улаганского района Республики Алтай. С. 2.

Русских Т. Малая родина – в сердце каждого // Звезда Алтая. 2016. №133-134, 15 июля. – С. 7.

Самушкина Е. В. Символические и соционормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СОРАН, 2009. – 274 с.

Сельбигов. А. А. Национальные виды спорта Республики Алтай / А. А. Сельбигов. – Горно-Алтайск, 1996. – 88 с.

Семёнов В. Это было на празднике в Шыргайте // Сельская новь. 1990. № 80, 5 июля. – С. 1.

Чарышова М. Ю. Эл-Ойын – национальный праздник алтайского народа / М. Ю. Чарышова // Этюды культуры : материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Томск, 25 апреля 2014. – Томск, 2014. – С. 152-157.

Чарышова М. Ю. Национальные игры народного праздника Эл-Ойын. // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения. Вып. 13, т. 2 : сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных Томск, 24-26 апреля 2017 г. Вып. 13, т. 2. – С. 284-290.

Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). Ф. Р-689. Реестр нормативных правовых актов. Оп. 1. Д. 125. Л. 17-19.

Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. Ф. Р-689. Реестр нормативных правовых актов. Оп. 2. Д. 44. Л. 46-47.

Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. Ф. Р-689. Реестр нормативных правовых актов. Оп. 2. Д. 201. Л. 15-22.

Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. Ф. Р-689. Реестр нормативных правовых актов. Оп. 2. Д. 327. Л. 129-137.

Эл-Ойын может снова стать кочующим. // PS №28 (1045). 2014, 9 июля. – С.6.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мария Юрьевна Чарышова

Аспирант Томского государственного университета, 1 курс
г. Горно-Алтайск

ABOUT THE AUTHOR:

Maria Yurievna Charyshova

Postgraduate student of Tomsk State University, 1st year
Gorno-Altaiisk

РАЗДЕЛ VI. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

УДК 069.1

П. В. Абрамова, Р. М. Талипов

МЕСТО ФЕСТИВАЛЕЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ

Аннотация. Данная статья исследует роль фестивалей военно-исторической реконструкции в культурно-образовательной деятельности музеев. Авторы предоставляют исторический обзор развития движения исторической реконструкции, а также рассматривают позитивные аспекты участия посетителей на таких мероприятиях. В статье представлены различные методы классификации фестивалей исторической реконструкции, а также рассмотрены плюсы и минусы организации таких мероприятий в музейной среде.

Ключевые слова: фестивали военно-исторической реконструкции, культурно-образовательная деятельность, музей, классификация фестивалей, положительные аспекты, историческая реконструкция, музееведение.

P. V. Abramova, R. M. Talipov

PLACE OF FESTIVALS OF MILITARY-HISTORICAL RECONSTRUCTION IN THE CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE MUSEUM

Abstract. This article examines the role of military-historical reconstruction festivals in the cultural and educational activities

of museums. The authors provide a historical overview of the development of the historical reconstruction movement, and also explore the positive aspects of visitor participation in such events. The article presents various methods of classifying historical reconstruction festivals, as well as discussing the advantages and disadvantages of organizing such events in a museum environment.

Keywords: festivals of military-historical reconstruction, cultural and educational activity, museum, classification of festivals, positive aspects, historical reconstruction, museology.

В последние десятилетия наблюдается заметное развитие исторической реконструкции, интегрирующей в туристическую индустрию, музейные экспозиции и академическую область, несмотря на свою относительную молодость как явления. [Логвина, 2020.]

Историческая реконструкция используется в двух значениях. Во-первых, как процесс по воссозданию внешнего облика исторического объекта, включающий практическое и теоретическое моделирование на основе доступных данных. Этот процесс осуществляется путём анализа и обработки сохранившейся информации с применением современных технологий, таких как компьютерное моделирование, воссоздание копий и археологические эксперименты. Во-вторых, как активности, проводимые историческими клубами или группами людей, направленные на реконструкцию исторических процессов, событий, объектов, атрибутов и прочих аспектов, связанных с прошлыми эпохами.

В данной работе будет использоваться второй вариант определения.

В историко-реконструкторском движении сливаются несколько аспектов социокультурного развития: культурно-исторический, технический, театрально-художественный. Это привлекает к участию в движении представителей различных профессиональных сфер, социальных слоёв и образовательных уровней, включая учёных-историков, музейных сотрудников, студентов, актеров и мастеров-ремесленников.

Движение реконструкции имеет множество целей, включая не только развлекательные, но и исследовательские. Основная задача заключается в реконструкции исторического прошлого с целью восстановления объектов материальной и духовной культуры. Фестивали исторической реконструкции включают в себя просветительский и воспитательный компонент, поскольку визуализация событий, предметов и облика эпохи делает прошлое более доступным для понимания.

Историческая реконструкция как движение в России начало развиваться в семидесятые года двадцатого века. С инициативы Олега Соколова, студента исторического факультета, и его друзей началось развитие исторической реконструкции в СССР, произошло это в 1976 году. Они организовывали костюмированные прогулки, фокусируясь на периоде Наполеоновских войн. В 1989 году при поддержке отдела оборонно-массовой и спортивной работы ЦК ВЛКСМ состоялся первый съезд представителей военно-исторического движения СССР. На этом мероприятии была создана Федерация военно-исторических клубов СССР, избравшая Олега Соколова на пост президента.

В Санкт-Петербурге музей имени А. В. Суворова стал первым центром реконструкции, где был основан Военно-Исторический кружок под руководством Георгия Введенского. [Кошин, Кошина, 2021.]

Со времён начала развития движения реконструкции наблюдалось увеличение его распространения на города, где возникали реконструкторские клубы, а также организовывались как единичные, так и периодические мероприятия, включая фестивали военно-исторической реконструкции.

Согласно информации Российского Военно-исторического общества, при их поддержке каждый год проводится более пятидесяти военно-исторических фестивалей, в которых принимает участие более одиннадцати тысяч представителей клубов военно-исторической реконструкции, а количество зрителей из России и зарубежья достигает одного миллиона семисот тысяч.

Часть мероприятий проходит на исторических местах. [Военно-исторические фестивали, РВИО]

Исходя из вышеописанного, мы видим, что реконструкторское движение тесно взаимосвязано с музейными учреждениями. Во-первых, первоначально клубы часто формировались при музеях, поскольку эти учреждения объединяли аудиторию, интересующуюся историей и её реконструкцией. Во-вторых, некоторые музеи были созданы на местах исторических событий, что привлекает реконструкторов. Подчеркнём, что вовлечение реконструкторов в музейную деятельность также способствует увеличению преимуществ для самого музея, поскольку происходит популяризация и актуализация исторического события или периода. Это совместная работа может выражаться как и в клубной деятельности, когда на базе музея организовываются собрания и тренировки реконструкторов, так и в форме фестиваля. Второй вариант и будет рассмотрен в данной работе.

Формат фестиваля был выбран по ряду причин.

1) Фестиваль актуализирует образы прошлого, за счёт коммеморативных практик, которые осуществляются массово и целенаправленно [Божок, 2020].

2) Фестиваль представляет собой масштабное интегрированное мероприятие, открытое для посетителей музея.

3) Фестиваль является собранием людей с общими интересами, в результате чего на нём представлены несколько клубов, а также ремесленники, мастера и другие участники. Фестиваль выступает в качестве платформы для общения и установления связей, что также приносит пользу музею. Все вышеперечисленные факторы помогают развитию культурно-образовательной деятельности в музее.

Совершив анализ популярных и непопулярных фестивалей военно-исторической реконструкции, возможно предложить разные способы типологизации мероприятий.

Фестивали исторической реконструкции, проходящие на базе музея, возможно делить относительно значимости для учреждения. Этот фестиваль может быть обыкновенным мероприятием,

ничем не отличающимся от других, проводимых в музее. А может быть главным событием в году, к организации которого подходят с особенной тщательностью. Для иллюстрации второго варианта лучше всего привести международный военно-исторический фестиваль «День Бородина», проводящийся на базе ФГБУК «Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник», во время которого за два дня музей посетило около 23 тысяч человек. [Международный военно-исторический фестиваль «День Бородина»...]

Наиболее разумным подходом к классификации исторических фестивалей является их разделение на основе исторического периода. Движение исторической реконструкции представляет собой неоднородное явление, которое разбито на клубы, характеризующиеся собственным временным периодом. Это обусловлено различными интересами участников, а также разнообразным географическим расположением и социокультурным контекстом. Встречаются разные периоды: первобытная эпоха, древний мир (например, древняя Греция и Рим), средние века (включая раннее, высокое и позднее средневековье), наполеоновские и мировые войны. Стоит отметить, что классификация исторических периодов совпадает с географическими регионами, следовательно, разделение клубов и фестивалей должно учитывать и территориальный аспект.

Не всегда фестиваль привязан к конкретному историческому периоду. Международный исторический фестиваль «Времена и эпохи», состоящий из 41 площадки, расположенных по всей Москве, из-за своей масштабности охватывает несколько разных периодов. [Фестиваль «Времена И Эпохи»]

Можно выделить метод классификации на основе центрального события, которое может подвергаться театрализации (является постановочным) или оставаться не театрализованным. В последнем случае центральным элементом мероприятия обычно является спортивный турнир. Например, фестиваль «На хохловских холмах», проводимый в архитектурно-этнографическом музее «Хохловка» в Пермском крае, основное

мероприятие связано с проведением аккредитованного Общероссийской физкультурно-спортивной общественной организацией исторического средневекового боя России (ИСБ России), турнира Parma Challenge, включающего соревнования в номинациях «1х1» и «5х5». В свою очередь постановочное центральное действие тоже возможно поделить на действие, которое могло происходить в историческом контексте, репрезентующимся на фестивале, или которое реально происходило. В качестве иллюстрирования первого варианта подойдёт фестиваль BlodGuld: Dragon. Фестиваль посвящён эпохе викингов, и в основе действия лежит легенда про дракона и конунга [BlodGuld: Dragon | ЛЕГЕНДА]. Для иллюстрации второго варианта подойдёт любой фестиваль, основанный на историческом событии, это может быть ранее упомянутый фестиваль «День Бородина», или такой менее известный фестиваль, как «Каменная книга», проходящий в Кузбасском музее-заповеднике «Томская Писаница», центром действия которого стало воссоздание Кузнецкого погрома, произошедшего в 1639 году [Взятие острога, старинные ремёсла...].

Предлагается дополнительный метод классификации фестивалей на основе их массовости. В этом случае можно учитывать количество посетителей или участников. При рассмотрении посетителей возможны следующие категории: крупные фестивали, на которые приходит более 10 тысяч человек; средние, с посещаемостью от 1 тысячи до 10 тысяч человек; и малые фестивали, на которые приходит менее 1 тысячи человек.

Вне зависимости от типа фестивалей военно-исторической реконструкции, музей, организующий такое мероприятие, получает несколько позитивных эффектов. Во-первых, это привлечение новых посетителей в музей, которые прибывают на фестиваль исторической реконструкции, но заинтересовываются экспозициями и собраниями музея. Во-вторых, повышение уровня осведомленности о музее во внешних медиа, поскольку фестиваль привлекает значительное внимание. В-третьих, музей осуществляет образовательную миссию перед посетителями, так как фе-

стиваль демонстрирует историю «вживую». Кроме того, музей устанавливает новые связи, которые могут оказаться полезными в будущем, например музей может познакомиться с мастером, способным создать новую сувенирную продукцию.

Несмотря на перечисленные позитивные стороны, проведение фестиваля может обратиться против организатора, в данном случае – музея. Несоответствующая организация фестиваля может создать негативное впечатление у посетителей о музее. Естественно, основным аспектом в организации фестиваля является его историческая достоверность, поскольку даже наилучшим образом организованный фестиваль, лишённый исторического контекста, не способен передать правильное представление об эпохе или событии.

Исходя из всего выше перечисленного, можно сделать вывод о том, что фестивали военно-исторической реконструкции входят в цикл мероприятий музея, привлекая новых посетителей и помогая в просвещении. Главную роль для музея играет историчность мероприятия, поскольку тот несёт в себе не только рекреационные, но и образовательные функции, и соблюдение баланса между отдыхом и получением знаний способствует правильной организации фестиваля.

Библиографический список:

Божок Н. С. Образы прошлого в фестивалях культурно-исторические реконструкции // Genesis: исторические исследования. 2020. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-proshlogo-v-festivalyah-kulturno-istoricheskoy-rekonstruktsii> (дата обращения: 28.02.2024).

Взятие острога, старинные ремёсла и уха из петуха: как в Кузбассе прошёл фестиваль исторической реконструкции. В музее-заповеднике «Томская Писаница» воссоздали события 17 века // www.kem.kp.ru URL: <https://www.kem.kp.ru/daily/27532/4797872/> (дата обращения: 28.02.2024).

Военно-исторические фестивали // Российское военно-историческое общество. URL: <https://rvio.histrf.ru/projects/project-activity/festivals/2016> (дата обращения: 25.02.2024).

Кошин И. И., Кошина О. В. Развитие исторической реконструк-

ции как составляющей культурно-познавательного туризма // Огарёв-Online. 2021. №4 (157). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-istoricheskoy-rekonstruktsii-kak-sostavlyayuschey-kulturno-roznvatelnogo-turizma> (дата обращения: 28.02.2024).

Логвина Е. В. Историческая реконструкция событий одна из форм событийного туризма // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-rekonstruktsiya-sobytiy-odna-iz-form-sobytiynogo-turizma> (дата обращения: 28.02.2024).

Международный военно-исторический фестиваль «День Бородина». 210-я годовщина Бородинского сражения // «ФГБУК «Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник» URL: <https://www.borodino.ru/novosti/mezhdunarodnyj-voenno-istoricheskij-festival-den-borodina-2/?ysclid=lt5fejctx8272644766> (дата обращения: 25.02.2024).

Фестиваль «Времена и эпохи» // Московский государственный объединённый музей-заповедник «Коломенское – Измайлово» URL: <https://www.mgomz.ru/ru/pages/festival-vremena-i-epohi> (дата обращения: 27.02.2024).

BlodGuld: Dragon | Легенда // ВКонтакте URL: <https://vk.com/@blodguld-blodguld-dragon3-legenda3> (дата обращения: 27.02.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Абрамова Полина Валерьевна

Кандидат культурологии, доцент кафедры музейного дела
Кемеровский государственный институт культуры
г. Кемерово, Россия
E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Талипов Роман Михайлович

Студент четвертого курса кафедры музейного дела
Кемеровский государственный институт культуры
г. Кемерово, Россия
E-mail: talipov.romain@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:**Abramova Polina Valeryevna**

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the
Department of Museum Business

Kemerovo State Institute of Culture and the Art

Kemerovo, Russia

polina-glushkova@mail.ru

Talipov Roman Mikhailovich

Fourth year student of the Department of Museum Studies

Kemerovo State Institute of Culture and the Art

Kemerovo, Russia

talipov.romain@yandex.ru

УДК 908+94

Д. В. Карпухина

**ПИСЬМО В. Ю. ГРИГОРЬЕВА
ВИЦЕ-ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИМПЕРАТОРСКОГО
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ СЕМЁНОВУ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ
ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА**

Аннотация: В статье представлено неизвестное письмо члена Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества В. Ю. Григорьева вице-председателю общества известному русскому географу и путешественнику П. П. Семёнову. Данный эпистолярный документ из Государственного архива Красноярского края является дополнительным источником в характеристике личности основателя Минусинского музея Н. М. Мартьянова, большом научном значении этого музея, а также проливает свет на этапы строительства Красноярского подотдела РГО.

Ключевые слова: Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, Минусинский музей, Н. М. Мартьянов, П. П. Семёнов (Тян-Шанский), В. Ю. Григорьев.

D. V. Karpukhina

**LETTER FROM V. YU. GRIGORIEV TO THE
VICE-CHAIRMAN OF THE IMPERIAL RUSSIAN
GEOGRAPHICAL SOCIETY, PYOTR PETROVICH
SEMOV, AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE
MINUSINSK MARTYANOV MUSEUM.**

Abstract. The article presents an unknown letter from a member of the East Siberian Department of the Russian Geographical

Society V. Yu. Grigoriev to the vice-chairman of the society, the famous Russian geographer and traveler P. P. Semenov. This epistolary document from the State Archive of the Krasnoyarsk Territory is an additional source in characterizing the personality of the founder of the Minusinsk Museum N. M. Martyanov, the great scientific significance of this museum, and also sheds light on the stages of construction of the Krasnoyarsk subdivision of the Russian Geographical Society.

Keywords: Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian department of the Imperial Russian Geographical Society, Minusinsk Museum, N. M. Martyanov, P. P. Semenov (Tyan-Shansky), V. Yu. Grigoriev.

В находящемся на хранении в Государственном архиве Красноярского края фонде 217 «Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» оказалась переписка по вопросу открытия Енисейского отдела Императорского Русского географического общества. Эта переписка интересна тем, что содержит письма, обращенные к вице-председателю Императорского Русского географического общества Петру Петровичу Семёнову (позднее известному как Семёнов-Тян-Шанский).

Переписка началась в январе 1898 г. с обращения Григория Николаевича Потанина к Виктору Ювентиновичу [Григорьеву] с советом написать письмо к П. П. [Петру Петровичу Семёнову], так как последний очень интересуется открытием географического общества. Письмо же по поводу Минусинского музея, рассматриваемое в данной статье, появилось после почти полугодовой переписки В. Ю. Григорьева и П. П. Семёнова [1, л. 3].

В деле имеется рукописный и машинописный варианты. Вероятно, рукописный вариант представляет собой черновик письма – есть зачеркивания и исправления, вставки [1, л. 34]. Письмо адресовано Петру Петровичу, подпись трудночитаемая: «Григорьев» [1, л. 29]. Обе версии датированы летом 1898 г. (точная дата написания автором не указана).

Кем же являлся автор послания Виктор Ювентинович Гри-

горьев в тот период? В списке лиц, подписавших ходатайство об открытии в Красноярске Енисейского отдела Императорского Русского географического общества, Григорьев отмечен как член Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества [1, л. 17]. В более поздних документах – Григорьев – глава Красноярского отделения РГО (указан так в отчёте в 1901 г. [2, л. 1]).

Пётр Петрович Семёнов в одном из писем упоминается как вице-председатель Императорского Русского географического общества [1, л. 25].

Таким образом, стало ясно, что письмо адресовано П. П. Семёнову, вице-председателю Императорского Русского географического общества (позже ставшему известным как Семёнов-Тян-Шанский) [1, л. 29].

Данное письмо написано, как указано в его тексте, после встречи с Н. М. Мартыновым. Письмо содержит важные характеристики музея, интересные в плане его истории и судьбы его основателя.

Автор письма оперирует словесными формами, оборотами, характерными для писем конца XIX в. и обращёнными к лицам, вышестоящим по должности. «Зная, глубокоуважаемый Пётр Петрович, как горячо принимаете Вы к сердцу русскую науку, которая так много обязана Вам своими успехами, я беру на себя смелость описать положение музея и его основателя, дабы в лице Вашем найти им авторитетного и влиятельного покровителя» [1, л. 29].

В письме подчеркивается важность Минусинского музея: «Обилие заключающегося в нем научного материала, многосторонность последнего, удачно построенная и до мелочей выдержанная классификация коллекции – сделали музей учреждением, в котором ученые специалисты, прежде, нежели приступить к изучению Минусинского края в том или другом отношении, считают полезным поработать над собранным материалом» [1, л. 29].

Особо отмечается, что блестящий успех Восточно-Сибирского отдела Нижегородской выставки в значительной степени обязан

доставленным Минусинским музеем экспонатам, позволившим представить страну, хотя и в немногих, но ярких и характерных чертах. В письме говорится также, что учёные-исследователи Сибири, имевшие случай пользоваться в своих работах услугами Минусинского музея, указывали на чрезвычайно полезную роль его в деле изучения края. Академик Радлов находит, что Минусинский округ, являясь очагом древней культуры и местом обитания массы племён, принадлежащих, к тому же, различным расам, представляет поэтому территорию глубоко интересную в археологическом отношении. Радлов приходит к заключению об особой важности Минусинского музея. Финский профессор Аспелин, несмотря на свой взгляд, что археологический материал как требующий сравнительного метода изучения следует накапливать не в местных, а центральных музеях, тем не менее, признает полное право за Минусинским музеем, ибо музей этот является центральным для огромнейшего и имеющего свои особенности в археологическом отношении региона. Но не в одном только археологическом отношении важен Минусинский музей. Собранные в нём коллекции по сельскому хозяйству, ботанике, зоологии и прочим отделам позволили г. Аргунову ещё в 1890 г., т. е. до выхода в свет результатов общего статистико-экономического исследования Восточной Сибири, составить весьма полное, обстоятельное и, безусловно, ценное описание Минусинского округа в сельскохозяйственном отношении.

Причём отмечается и роль Минусинского музея в музейном строительстве: «Минусинский музей вызвал к жизни много провинциальных музеев в Сибири и служит для них до сего времени недостижимым образцом» [1, л. 29].

Автор отмечает значимость музея не только для региона, но и его международное значение: «Иностранные музеи нередко обращаются к своему Минусинскому собрату с просьбами об обменах коллекциями или предметами – или за мнениями по вопросам музееустройства» [1, л. 29].

В письме акцентируется определяющая роль Н. М. Мартянова в судьбе музея: «Минусинский музей лишён постоянных и сколь-

ко-нибудь значительных средств и поддерживается на достигнутой им высоте исключительно лишь неустанными трудами и едва ли не иждивением своего основателя Николая Михайловича Мартыанова. Поэтому, если Мартыанов перестанет почему-либо трудиться в музее, последний неизбежно должен захиреть и оказаться в положении крайне затруднительном» [1, л. 30].

В. Ю. Григорьев пытается найти решение вопроса материального обеспечения музея, видя большие трудности для этого: «Обсуждая со мною вопрос о желательности открыть в Красноярске Отдел Географического общества, Вы изволили остановиться на том соображении, что последнее может взять под своё покровительство Минусинский музей и субсидировать его в размере 500 рублей в год, если в свою очередь получить полную субсидию. Однако же учреждение названного общества является, по крайней мере, в настоящий момент, довольно проблематичным, ибо оно не учреждено и, если ему представится возможность организовать не в качестве самостоятельного отдела, а лишь в виде филиала при отделе Восточно-Сибирском, то, пожалуй, и не осуществится, поэтому вопрос об обеспечении средствами музея требует независимого от вопроса о географическом обществе разрешения» [1, л. 30].

Интересен имеющийся в письме расчёт содержания музея. Сколько средств необходимо было для обеспечения существования музея в то время? «При музее необходим постоянный консерватор. Содержание консерватора, имеющего специальную подготовку: жалование, в том числе и на наём частного помещения – 1200 руб. ежегодно. Здание, занимаемое музеем, представляет собой довольно обширный каменный двухэтажный корпус, требующий ежегодного ремонта. Само помещение необходимо держать в чистоте, временами отапливать, освещать и прочее. Отопление, уборка, освещение здания музея и т. п. – 500 руб. в год.

Разъезды консерватора и других лиц для собирания коллекций, для устройства постоянных метеорологических наблюде-

ний, ведущихся теперь при музее, на покупку предметов и коллекций, на капитальный ремонт здания – 1300 рублей.

«Всего для прочного устройства дела» – ежегодно до 3000 рублей, что необходимо для существования учреждения и дальнейшего его развития» [1, л. 30 об.].

Ещё раз подчёркивая огромное значение для музея фигуры Николая Михайловича, Григорьев продолжает: «Нужна инициатива, широкий взгляд на дело, нужны заботливые и умелые руки, необходим человек безраздельно преданный интересам музея.

Таким человеком до настоящего времени являлся Мартьянов. Будучи основателем Минусинского музея и главным, если не единственным, в нём работником в течение двадцати пяти лет, создавшим большое, чрезвычайно полезное и в высокой степени культурное дело в небольшом захолустном городке Енисейской губернии ещё в то время, когда рассчитывать на чью-либо интеллигентную поддержку или помощь было нельзя, Н. М. по справедливости может быть назван душою музея, благодаря его старательному отношению к своему созданию, его изумительной и неослабевающей энергии, соединённой с прекрасной подготовкой, крупной рабочей способностью, и несомненно, большим дарованиям, музей обладает обширными, разнообразными и хорошо разработанными коллекциями, располагает хорошим, специально для него построенным зданием, пользуется не только европейской известностью, но и чрезвычайной популярностью среди населения Минусинского края» [1, л. 31].

В письме отражена музейная практика работы с посетителями, обычная для того времени, и характеристика состава посетителей: «Два дня в неделю музей открыт для публики и в эти дни в нём постоянно движется довольно густая толпа местных крестьян и инородцев, осматривающих коллекции» [1, л. 31].

Отмечается Григорьевым и немаловажная деталь – особое отношение населения к музею и Мартьянову: «К Николаю Михайловичу и музею, известным всем и каждому, местные жители относятся с каким-то любовным уважением. Каждый старается по мере сил и возможности обогатить чем-либо интересным му-

зей. Едва ли ошибочно будет сказать, что Николай Михайлович и музей составляют гордость и сельского и городского населения края. Лично мне неоднократно приходилось констатировать и среди интеллигентных людей, имевших случай познакомиться с Мартьяновым и осматривать музей, сильное стремление оказать в той или другой форме посильную помощь столь прекрасно организованному делу. И, надо отдать справедливость Николаю Михайловичу, он всем, кто захочет работать в музее, находит работу по плечу и при крайней своей деликатности к людям хорошо утилизирует расположение к музею со стороны простого народа и со стороны интеллигенции» [1, л. 31].

В письме Григорьева отмечены коммуникативность и организаторский талант руководителя музея, его способность мобилизовать окружающих на помощь музею, используя научные интересы заезжих исследователей: «Временно живёт в Минусинске известный путешественник Д. А. Клеменц, Мартьянов привлекает его к изучению археологических коллекций и в результате являются «Древности Минусинского музея», книга, заключающая в себе немало интересных и блестяще написанных страниц. Наезжает в Минусинск И. Т. Савенков и по просьбе Н. М. составляет солидное и обстоятельное описание коллекции каменных орудий. П. А. Аргунов в бытность свою в Минусинске описывает Минусинский край в сельскохозяйственном отношении, опять-таки по инициативе Мартьянова» [1, л. 31 об.].

Отмечается также значение музея в жизни региона: «В продолжении более чем 15 лет ведутся метеорологические наблюдения. Распространение улучшенных семян хлебных растений. Раздача семян производилась фунтами, и между тем в настоящее время посевы новых сортов овса, пшеницы и некоторых других хлебов занимают многие тысячи десятин» [1, л. 31 об.].

В письме открываются детали личной жизни Мартьянова, его материального положения: «Н. М. живет на счет заработка, который давала и дает ему аренда аптеки (Н. М. по профессии провизор). Заработок этот вообще скудный, по-видимому, и прежде едва удовлетворял скромным потребностям семьи Мартьянова,

тем более, что ни для кого из местных жителей не составляет секрета, что часть означенного заработка систематически затрачивалась на нужды музея. В настоящее время, вследствие открытия в округе целой сети врачебных пунктов с больницами при них и аптеками, значительно сократились доходы аптеки Мартьянова. За всем тем, владелец арендуемой Н. М. аптеки недавно умер и хотя наследники, видимо, желают оставить ее в руках Мартьянова, но, как слышно, дела их расстроены и, вероятно, аптека помимо воли теперешних владельцев, перейдет в другие руки. Купить аптеку Мартьянов не в состоянии, [...] дети его подрастают, их надо воспитывать, что сопряжено с увеличением расходов, а [...] доходы аптеки довольно заметно понижаются. Поэтому Н. М. не представляется другого выбора, как [...] уехать из Минусинска в поисках за новым заработком. [...] нужно или оторвать, что называется, от сердца любимое дело [...] или же оставить своих детей, а их четверо, под риском необеспеченного существования и слабой возможности получить надлежащее воспитание и образование. [...] здоровье Мартьянова, особенно после потери любимой жены, бывшей при том энергичной помощницей Н. М., в настоящее время в результате неустанных и многолетних его трудов подорвано. Н. М. в течение последних двух лет перенес три тяжкие болезни, причем, жизнь его каждый раз подвергалась серьезной опасности» [1, л. 32].

Приводя «убийственные» аргументы, Григорьев настаивает на необходимости оформления пенсионного обеспечения Мартьянову: «Мартьянов вполне заслужил пенсию, неумоимо работая в течение 25 лет достигши весьма заметных и, безусловно, полезных результатов. Если Правительство дает пенсию чиновникам, из которых многие во время службы, имея обеспеченное существование, работали не только не изнуря себя, но весьма умеренно и без каких-либо особых результатов, безыдейно, как шаблонные исполнители своих обязанностей в заранее установленном порядке, то неужели Н. М. не заслужил того же, на что под старость имеет право рассчитывать каждый рядовой чиновник» [1, л. 33].

Автор письма, практически прямо просит Семёнова: «если бы Вы, глубокоуважаемый Петр Петрович, приняв под свои авторитетное, сильное и особое покровительство Мартьянова с его музеем доложили о них Государю, то музей бы сохранил своего основателя и крупного деятеля, а семья Мартьянова была бы устроена» [1, л.33].

Видимо, Григорьеву придаёт некоторую уверенность то, что Мартьянов говорил ему, что «при последнем своем свидании с Мартьяновым, Н. М. сообщил, между прочим, что Вы обещали позаботиться о судьбе музея» [1, л. 33]. Чрезвычайно волнуясь за Мартьянова, Григорьев пишет: «положение Мартьянова становится со дня на день все более и более критическим, необходимо скорейшее и благодетельное вмешательство, ибо иначе угнетенное влияние тяжелой мысли о необходимости покинуть дело и отправиться на поиски заработка для семьи, может роковым образом отразиться на расшатанном здоровье Мартьянова» [1, л. 33].

Также интересна такая характеристика Мартьянова, которую дал Григорьев: «Вам небезызвестны феноменальная скромность Мартьянова в отношении к себе и своей семье и полная его неспособность устраивать личные дела» [1, л. 33].

Письмо имеет целью заботу о будущем Минусинского музея в связи с его основателем. И общий итог его содержания неутешителен: без внешней помощи музеем или его организатору это заведение, скорее всего, долго не просуществует: «Музей в настоящее время находится, по-видимому, накануне довольно опасного кризиса и в силу этого, нуждается в сильной поддержке» [1, л. 29].

К сожалению, ответ П. П. Семёнова на письмо В. Ю. Григорьева не обнаружен. Но имеется следующий документ: «Отчёт о деятельности Красноярского подотдела Русского географического общества за 1902 г.» [3, л. 1 об.], в котором говорится, что 10 января 1902 г. общее собрание было посвящено чествованию 25-летия Минусинского музея и стало самым многочисленным – его посетили, кроме членов общества, более двухсот человек публики. На нём председателем В. Ю. Григорьевым была

произнесена речь «о значении научных музеев вообще и Минусинского в частности». На вечере был прочитан текст адреса, посланного Подотделом юбиляру, доложено о результатах открытой Подотделом подписки на капитал имени основателя музея Н. М. Мартьянова и, наконец, исправляющим обязанности правителя дел А. В. Адриановым прочитана биография Н. М. Мартьянова.

Там же говорится о формировании «капитала имени г. Мартьянова и выработка положения об этом капитале» [3, л. 2 об.]. А в кассовом отчёте указано, что в комитет Минусинского городского музея отосланы 3130 рублей, собранные Подотделом в капитал имени Н. М. Мартьянова [3, л. 15].

Изучение документов фонда 217 «Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества», находящегося на хранении в Государственном архиве Красноярского края, продолжается, а такие материалы, как письмо В. Ю. Григорьева, открывают малоизвестные факты начального этапа истории Минусинского музея и добавляет мазки портрету его основателя – Николая Михайловича Мартьянова.

Библиографический список:

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края». Ф. 217. Оп. 1. Д. 1.
2. КГКУ «ГАКК». Ф. 217. Оп. 1. Д. 7.
3. КГКУ «ГАКК». Ф. 217. Оп. 1. Д. 19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Карпухина Дина Ванцетовна,
КГКУ «ГАКК», ведущий архивист
г. Красноярск

ABOUT THE AUTHOR:

Karpukhina Dina Vancetovna,
The State Archive of the Krasnoyarsk Territory,
leading archivist, Krasnoyarsk

УДК 373.167.1:908

В. В. Краснов

**УЧЕБНАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ФОНДЕ РЕДКОЙ КНИГИ ОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Аннотация: Краеведение как процесс накопления знаний о родном крае вскоре потребовал оформления себя как научная дисциплина. В статье анализируется учебная краеведческая литература, хранящаяся в фонде Редкой книги Омского государственного историко-краеведческого музея и посвящённая изучению Сибирского региона исследователями XIX-XX веков. Анализ книг в статье сгруппирован по хронологическому принципу. В научный оборот вводятся данные о краеведческих изданиях авторов-педагогов, уроженцев Сибири: П. М. Головачёва и А. Н. Седельникова, И. И. Яновского и Г. К. Вставского.

Ключевые слова: краеведение, родиноведение, учебное пособие, книга.

V. V. Krasnov

**EDUCATIONAL LITERATURE IN THE RARE BOOK
FUND OF THE OMSK STATE HISTORICAL AND
LOCAL HISTORY MUSEUM**

Abstract. Local history as a process of accumulation of knowledge about the native land soon required the formation of itself as a scientific discipline. The article analyzes the educational literature of local lore, stored in the Rare Book fund of the Omsk State Museum of Local Lore, and dedicated to the study of the Siberian region by researchers of the XIX-XX centuries. The analysis of the books in the article is grouped chronologically. Data on the local history publications of the authors-teachers, natives of Siberia (P. M. Golovachev and

A. N. Sedelnikov, I. I. Yanovsky and G. K. Vstavsky) are introduced into scientific circulation.

Keywords: local history, tutorial, book.

Краеведение как направление изучения и накопления знаний о малой Родине оформилось относительно недавно и стало неотъемлемой частью жизни общества. Вовлечь широкие массы людей в проведение региональных исследований помогла государственная политика по демократизации молодой страны советов. [1, с. 35] Под «краеведением» мы понимаем «процесс формирования многоотраслевого знания о природе, истории, хозяйстве и культуре определенного края, ориентированный на популяризацию достигнутых результатов в публичном пространстве и использование их в воспитательных целях, в создании которого принимают участие как специалисты, так и представители общественных движений, как правило, осознающие свою сопричастность к судьбе данной территории» [2, с. 8].

Современным свидетельством роста интереса к краеведению стало и то обстоятельство, что оно было введено в практику преподавания в высшей школе с целью повышения качества учебно-воспитательного процесса, развития активной познавательной деятельности, воспитания любви к родному краю... Стержнем системы воспитания является краеведческая работа, включающая изучение родного края [3, с. 56]. Краеведческие работы, находящиеся в фонде редкой книги, были сгруппированы по разным тематикам. Одной из наиболее примечательных стала коллекция «Краеведение». Датировка охватывает промежуток со второй половины XIX по начало XXI века. Однако среди книг, посвящённых родному краю, можно выделить учебную литературу. Н. К. Крупская писала, что серьёзной подмогой учителю должен стать учебник.¹

Учебники и учебные пособия, посвящённые Сибири, пред-

¹ Крупская Н. К. Общие вопросы педагогики. Организация народного образования в СССР // URL: <https://coollib.com/b/143547-nadezhda-konstantinovna-krupskaya-obschie-voprosyi-pedagogiki-organizatsiya-narodnogo-obrazovaniya-v-sssr/read> (дата обращения: 29.08.2023)

ставляют интерес как яркие образцы методологии преподавания в фонде редкой книги ОГИК музея. Проанализировав учебную литературу, можно разделить её на три части: 1) Учебная краеведческая литература до Октябрьской Революции 1917 года; 2) Учебная краеведческая литература Советского периода; 3) Современная учебная краеведческая литература.

Нами проанализирована как учебная литература, так и пособия, выполняющие её роль.

Начать следует с учебного пособия «Отечествѣдѣніе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ»², 1874 года издания. В контексте рассматриваемой темы сосредоточим внимание на четвёртом томе «Востокъ и западъ». Составителем учебного пособия указан Д. Семёнов он же Дмитрий Дмитриевич Семёнов (1835-1902). Выдающийся российский педагог и один из сподвижников Константина Дмитриевича Ушинского. В 1864-1869 гг. Дмитрий Дмитриевич участвовал в работе высших педагогических курсов при 2-й Петербургской военной гимназии и именно в это время он начинает работу над «Отечествоведением» [4, с. 51-53].

Четвёртый том учебного пособия по отечествоведению начинается с историко-этнографического очерка о Сибири. Из него учащийся должен узнать площадь и количество населения, а также расселение в основном на юге, западе, вдоль рек и путей сообщения. Сибирь богата землёй, которую можно распахать и засеять «различныхъ родовъ хлѣба». Леса изобилуют пушным зверем, а недра полезными ископаемыми [5, с. 5-6]. Далее подробно излагается история покорения Сибири русскими землепроходцами. Особое внимание уделено проблемному вопросу обложения ясаком (налог мехом) туземцев, колонизация и произвол казаков. Отдельно подчёркивается и положительный эффект, который произвели на туземные народы Сибири люди «славяно-русскаго племени». Осушение болот, развитие зем-

² Отечествоведение. Россия по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ исследованиямъ. учеб. пособие : в 6 т. / сост. Д.Д. Семенов, – СПб., Тип. П. П. Меркулова, 1874 г. – Т. 4. Восток Запад. – С. 226.

леделия и промыслов вносит разнообразие в жизнь. Человек начинает побеждать в борьбе с враждебными силами природы [5, с. 18].

В тексте учебного пособия обнаруживается некоторая предвзятость к инородцам. Так, в историческом экскурсе туземное население, сопротивлявшееся казакам, именуется «дикарями». Кровосмешение с русским племенем названо причиной «благообразия» обличия аборигенов. До этого процесса разницы во внешности и быту у сибирских туземцев почти отсутствует. Особенно подчёркивается, что «маленькіе узкіе, прищуренные глаза» – это, как и низкий рост, свидетельство недоразвитости. [5, с. 19-20].

Можно сделать промежуточный вывод, что данная работа, написанная Дмитрием Дмитриевичем в возрасте тридцати лет под впечатлением от сообщений третьих лиц, изобилует малообоснованными стереотипами. Текст насыщен предвзятостями, граничащими с шовинизмом, и прочими высказываниями, не подтверждёнными фактическими исследованиями. Но материал географического характера весьма точен и может представлять интерес для исследователей Сибири второй половины XIX века.

В фонде редкой книги находятся на длительном хранении два интересных образца краеведческой учебной литературы. Это «Экономическая географія Сибири» [6] под авторством Петра Михайловича Головачёва и «Учебникъ Родиновѣдѣнія для школъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа» [7] под авторством Александра Никитича Седельникова. Оба автора родились в Сибири и занимались преподавательской деятельностью.

Головачёв Пётр Михайлович (1862-1913) родился в городе Кузнецке Томской области в семье служащего. Учился в Кузнецком городском училище, затем в Томской классической гимназии. Поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Уже будучи учёным, он предлагал открыть при Томском университете кафедру сибиреведения для изучения

истории края, обычного права аборигенов и крестьян, исследования культуры тюркских и монгольских народов.³

«Экономическая география Сибири» не названа учебником или учебным пособием, но «признана заслуживающей внимания» и «рекомендована в фундаментальные библиотеки» Министерством народного просвещения и Главным Управлением военно-учебных заведений. Автор ещё в предисловии оговаривает проблематику вопроса, построения знаний об экономическом состоянии Сибири на точных фактах. Так как многочисленные частные исследования и сырые статистические материалы не систематизированы и не обобщены с точки зрения экономической географии. Первая глава посвящена географическим, этнографическим и хозяйственным характеристикам Сибири. Высокой конкурентоспособностью, не только с Европейской частью России, а даже с иностранными государствами, в первую очередь по производству сырья, автор обосновывает несомненное право на внимание к Сибири [6, с. 6].

Отдельной главой анализируется население Сибири «как творящий субъектов ея народного хозяйства, и его землепользование». Глава начинается с подробного перечисления статистических данных по населению представленного: инородцами, русскими старожилами и новосёлами. Особое внимание уделяя переселенцам и их движению, автор приводит цифры расселения по губерниям. Например, в Акмолинскую в 1899-1909 гг. переселилось 421 500 человек. Но также необходимо было учитывать и обратное переселение из-за неблагоприятных условий, среди которых: ухудшение состава переселенцев, представленных не экономически сильными крестьянами, а слабыми, не имеющими сбережений работниками. Не обходится стороной и вопрос собственности на землю в Сибири. Далее следуют главы, разъясняющие виды хозяйственной деятельности, связанные с сельским хозяйством [6, с. 26-41], огородничеством, бахчеводством, травосеянием, табаководством, плодоводством, животноводством

³ Никиенко О. Г. Головачёв Пётр Михайлович (1862-1913) // URL: <https://kraeved.lib.tomsk.ru/page/27/> (дата обращения: 31.08.2023)

[6, с. 41-54], рыболовством [6, с. 54-64], охотничьим промыслом [6, с. 64-76], а также добычей полезных ископаемых [6, с. 76-91]. Отдельно и подробно говорится в книге о потенциале промышленного производства в Сибири, где присутствует как кустарная промышленность, так и зачатки фабрично-заводской обрабатывающей промышленности. В каждой крестьянской семье собственными силами и средствами удовлетворялись её непреходящие потребности. Появление излишка, приток населения и рост покупательной способности местного населения привели к развитию кустарно-ремесленного производства. Очагами её стал и юг Тобольской губернии и затем Алтай [6, с. 92-93]. Такая сфера занятости местных крестьян в некоторых местах приводит к упадку земледелия, особенно в неурожайные годы. Однако фабрично-заводская обрабатывающая промышленность в Сибири не имеет шансов развития, потому что наёмный рабочий имеет низкий уровень образования или не имеет вовсе образования, инвестиционный капитал недостаточен, рынок сбыта отсутствует, а уровень конкуренции с предприятиями Европейской России очень высок [6, с. 102]. Более-менее перспективными Пётр Михайлович называет пищевую, обрабатывающую промышленность, такую как мукомольное дело. На втором месте в Сибири – производство алкогольных напитков. Но самой видной отраслью сибирской промышленности было в начале XX в. маслоделие. Ежегодное производство и реализация приносила до 60 млн. руб [6, с. 103-117]. Как следствие развивалась и торговля, преимущественно экспортная. Отдельными главами анализирует Головачёв перспективу развития путей и сообщений, даже уже наличествующую.

Завершается же книга главой «Экономические перспективы Сибири». Пётр Михайлович подводит к выводу, что по всем параметрам сибирское сельское хозяйство, промышленное производство, а вместе с ним и население с торговлей будут расти [6, с. 168-169]. Однако несмотря на всё вышеперечисленное автор всё равно предрекает Сибири участь «сырьевого придатка»,

так как это выгоднее. И лучшее, что может ждать Сибирскую экономику, это вывоз не сырья, а полуфабрикатов.

В самом начале книги Пётр Михайлович называет степень хозяйственного развития страны, зависящей от степени трудовой культуры человека [6, с. 14]. Эта аксиома может быть подвергнута сомнению, так как сознание людей не определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет сознание⁴. В заключительной части своего труда географ и экономист Пётр Головачёв называет экономическую отсталость и полуколониальное положение Сибири – невероятным благом для края и народа. В подтверждение этого тезиса приводится пример американского фермера, который из-за общения с землёй и своего сельскохозяйственного труда является более здоровым, счастливым и культурным в отличие от рабочего на заводе или фабрике, живущего в большом городе [6, с. 174-175]. Н. М. Ядринцев высказывался, что колонистам-земледельцам необходимо самим удовлетворять свои нужды, а агрессивное окружение воспитывает в них самостоятельность и независимость характера. Главной целью таких колонистов становится накопление и бережливость, и как следствие наклонность к материальному благополучию доминирует над всеми прочими [8, с. 436]. Головачёв П. М. приходит к выводу, что если раньше руководящая роль была за промышленными странами, то в новое время первенство перейдёт к сельскохозяйственным, потому что «можно хорошо жить безъ множества фабрикантовъ, но нельзя оставаться безъ хлѣба и мяса» [6, с. 175].

Противопоставить воззрению автора учебного пособия возможно следующее. Так как мелкая земельная собственность предполагает, что большинство населения будет проживать в деревнях. Значит преобладать будет не общественный, а изолированный труд. Такое бесконечное дробление средств производства и обособление самих производителей приведёт к ухудшению условий производства и росту цен – как неизбежный

⁴ Маркс К. К Критике Политической Экономии // URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1859/criticism_pol_econ/01.htm (дата обращения: 01.09.2023)

закон мелкой собственности. Как следствие для этого способа производства урожайные годы – несчастье.⁵

Учебной краеведческой книгой, заслуживающей внимания, стал и «Учебникъ Родиновѣдѣнія для школъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа. Ч. 1. Акмолинская область» [7], изданный в 1916 г. под авторством Александра Никитича Седельникова, родившегося в Омске в семье казака. Он окончил Омскую учительскую семинарию (1893), преподавал в разных учебных заведениях Сибири.⁶

Данный учебник является первым опытом в деле научно-краеведческого осмысления экономики и географии родного края. Предназначался он для учащихся всех средних и специальных учебных заведений, для высших начальных, а в качестве пособия и для начальных школ. В отличие от предыдущих, учебник Родиноведения содержит в конце каждой из глав вопросы и задачи для проверки знаний и самостоятельных работ. Достоинством издания являются иллюстрации и цветная подробная карта Акмолинской области.

Начинается книга с небольшой вводной статьи, в которой говорится о Российской империи и месте Степного генерал-губернаторства с Акмолинской областью в составе страны. «Чтобы быть полезнымъ членомъ своей родины и государства, необходимо съ раннихъ лѣтъ изучать свою родину; изучая её, мы научимся болѣе любить и цѣнить свое отечество» [7, с. II]. Глава «Природа» призвана просветить учащегося по вопросам рельефа, климата, осадков, ветра, рек, озёр (горько-солёных и пресных), болот, почв, минеральных и растительных богатств, а также животного мира. Далее следует глава «Население», преобладающим постоянным населением считаются крестьяне, в основном русские – 860 тыс. человек. Близкие по этническому принципу сибирские казаки – 115 тыс. человек. Но в области проживают также киргизы – 563 тыс. человек. Крат-

⁵ Маркс К. Г. Капитал / К. Г. Маркс, – М.: АСТ, 2001. – Т. 3. – С. 1676.

⁶ Седельников Александр Никитич // URL: <https://kraeved.omsklib.ru/index.php/articles/people/289-sedelnikov-aleksandr-nikitich> (дата обращения: 01.09.2023)

ко учебник повествует о хозяйственной деятельности и особенностях групп населения. «Киргизы – музыкальный народ, музыка и пѣніе составляютъ любимое занятіе». Например, упоминается, что у киргизов живой и общительный характер, распространено гостеприимство и честность, но присутствует и беспечность, что мешает усидчивости. Причиной назван кочевой образ жизни и присущая ему форма хозяйства [7, с. 17-18]. Совсем немного информации даётся о мордве и черемисах, татарах, немцах, поляках и евреях.

Занятия жителей выделены в отдельную часть и разделены на подпункты: земледелие, скотоводство, горнозаводская промышленность, фабрично-заводская промышленность, промыслы (рыболовство, охота и огородничество), торговля, пути сообщения. Там же даётся обзорная информация о количестве учебных заведений. По такому же принципу описываются уезды Акмолинской области.

Особую ценность пособия составляют статистические таблицы на страницах 49-55. Завершают учебное пособие подборка стихотворений о природе и людях края, а также наработки материалов экскурсий. Александр Никитич обозначил цели географической, ботанической и биологической экскурсий, а именно: «сообщить учащимся первоначальныя географическія свѣдѣнія» [7, с. 72].

Учебник Родиноведения под авторством Александра Никитича Седельникова наиболее полно и лаконично способен не только дать начальные знания о родном крае, но и сформировать у учащихся интерес к самостоятельному изучению.

Со сменой общественно-экономической формации в нашей стране и с образованием СССР в 1920-х годах краеведение было особенно популярно, причѣм не только с исторической и фольклорной точек зрения, но и в более широком смысле (изучение природы, минеральных богатств, метеорологии и других дисциплин, которые можно объединить в общий блок знаний под названием «природоведение») [9, с. 155]. Как следствие появились и пособия. Такое, например, как находящаяся в фонде Редкой

книги «Экономическая география Сибири» [10] под редакцией А. А. Ансона, М. М. Басова и Г. И. Черемных. Необходимость этого труда актуализируется тем фактом, что производительные силы Сибири крайне слабо изучены, что затрудняет политику по решению проблем хозяйственной жизни региона. Уже в предисловии говорится, что представленное пособие не идеально и призвано дать общие очертания основных экономических вопросов, а также показать пути и возможности дальнейшего развития края. Первым пунктом в пособии указана «Географическая и историческая обстановка» [10, с. 5-8]. В главе проанализированы исторические особенности и проблематика влияния политических факторов на развитие Сибири. Затем следует глава «Природные условия Сибири» с вкладной картой климатических зон Сибири. Каждый параграф имеет и внутреннее деление, по Западной и Восточной Сибири. Много информации о водных и морских участках, климате, почве, растительном и животном мире. Завершается глава параграфом о полезных ископаемых Сибири с приложением в виде карты их распределения по обширной территории края [10, с. 79-84]. Важность этого параграфа объясняется тем, что для развития Сибири в перспективе требовались не столько научные данные о минеральных ресурсах, а, скорее, обоснование и экономические расчёты возможности их добычи, в расчёте на развитие промышленных отраслей грядущей индустриализации [9, с. 157]. Отдельной третьей главой раскрывается вопрос о «Трудовых возможностях», формировании этнического состава Сибири посредством колонизации, осуществляющейся в три периода. Особым пунктом является переселенческое движение второй половины XIX века. Как оно было организовано и по какой причине возникло, а также какие проблемы встречало на пути, изложено подробно [10, с. 94-99]. Отдельная глава посвящена вопросам колонизации Сибири при советской власти [10, с. 151-156]. Детально анализируется традиция ведения хозяйства коренного населения Сибири северной, южной и центральной её частей [10, с. 100-138]. Завершается пособие двумя большими главами «Сельское

хозяйство и промыслы» [10, с. 195-258] и «Промышленность и торговля» [10, с. 259-303]. Научное рассмотрение производственного потенциала Сибири было обусловлено социалистическим строительством и должно было способствовать формированию планов и статистики как ключевых факторов развития молодой советской республики [11, с. 234].

В 70-80-е гг. XX в. в зарубежной историографии появились работы, нацеленные на всестороннее изучение той или иной локальной общности как развивающегося социального организма, на создание её полноценной коллективной биографии. В нашей стране в 2000-е гг. стала формироваться самостоятельная субдисциплина, направленная на осмысление локальных обществ в качестве субъектов исторических процессов. Развитие региональных исследований стало реакцией на «социальный заказ», возникший под влиянием федерализма, местного самоуправления, развития туризма [12, с. 30-31]. Характерным краеведческим изданием, выполняющим роль учебного пособия по локальной истории и находящимся в фонде Редкой книги Омского государственного историко-краеведческого музея, является книга под авторством Ивана Ивановича Яновского и Григория Константиновича Вставского «Иртышское пароходство: годы и люди» [13]. Книга разделена на две части: «Начало судоходства. Как это было» [13, с. 6-123] и «От первой нефти до реформ на транспорте» [13, с. 124-238]. Каждая часть в свою очередь делится на главы. Несмотря на то, что книга заявлена как учебное пособие, она имеет весьма вольный стиль изложения исторического материала. Название глав и формулировки носят ярко выраженный оценочный характер, отчего материал воспринимается однобоко. Название глав больше соответствуют научно-популярному изданию, нежели построенному на научных данных пособию для учащихся. Тем не менее материал по истории систематизирован в хронологическом порядке. Есть отдельная глава по хронологии событий. Хорошо подобраны источники и фотографии.

Таким образом, рассмотрев находящиеся на хранении в фонде

Редкой книги учебные пособия по краеведению, как изданные до Октябрьской Социалистической революции, так уже и во время советской власти и даже в XXI веке, можно сделать следующие выводы. Накопление знаний о провинции в столице является затруднительным процессом, по причине транспортной удалённости. Поэтому работу по сбору актуального материала и преобразованию его в дисциплину необходимо вести в первую очередь на местах. Для чего должно последовать развитие образования и просвещения, с повышением, как следствие, образованности педагогического состава на всех уровнях. Образцы краеведческой учебной литературы нельзя назвать идеальными, каждый создавался под определённый социальный заказ. Однако в ней возможно проследить положительный пример. Поиск, введение в научный оборот и популяризация новых источников информации. Привлечение к созданию учебных пособий специалистов по геологии, биологии, статистики и других наук. Актуализация процесса личного наблюдения и саморазвития, как следствие расширение кругозора. В современных сложившихся условиях более предпочтительной для государства как основного социального заказчика целью краеведческого воспитания является воспитание патриотизма. Просвещение краеведческими знаниями в перспективе способно воспитывать патриотизм от любви к родному краю, городу, деревне, району до любви к Отечеству. Эту задачу ставили во главу угла ещё краеведы-методисты конца XIX – начала XX в. Однако в XXI в., если не включать в просвещение по локальной истории ознакомление с производственными мощностями родного края, это может привести к социальной дезориентации. Для краеведов информация, содержащаяся в рассмотренных учебных пособиях и критическое восприятие её может послужить примером работы по созданию учебного пособия по истории родного края, города, населённого пункта, организации или коллектива, которое будет отвечать всем требованиям современной академической науки.

Библиографический список:

1. Егоров С. И. Деятельность Омского общества краеведения при Западно-Сибирском краевом музее // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: науч. жур. / М-во культуры Омской обл. ОГИК музей, науч. ред. П. П. Вибе; сост.: П. П. Вибе, Д. В. Ерошевская. – Омск: ОГИК музей, 2023. – № 24. – С. 35-48.

2. Вибе П. П. Государство и краеведение: история взаимоотношений и перспективы развития // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI века: основные проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. / М-во культуры Омской обл. ОГИК музей, Сибирский филиал И-та Наследия; СКР; гл. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2022. – С. 6-17.

3. Кротт И. И. Краеведение в образовании: возможности современного университета // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI века: основные проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. / М-во культуры Омской обл. ОГИК музей, Сибирский филиал И-та Наследия; СКР; гл. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2022. – С. 55-60.

4. Помелов В. Б. Д. Д. Семёнов – друг и последователь К. Д. Ушинского // Педагогика. Вопросы теории и практики. – Тамбов, Грамота. 2018. – № 3 (11). – С. 51-56.

5. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и учёным исследованиям. учеб. пособие : в 6 т. / сост. Д. Д. Семёнов, – СПб., тип. П. П. Меркулова, 1874. – Т. 4. Восток Запад. – С. 226.

6. Головачёв П. М. Экономическая география Сибири / П. М. Головачёв, – М.: Тип. Т-ва И. Д Сытина, 1914. – С. 183.

7. Седельников А. Н. Учебник Родиноведения для школ Западно-Сибирского учебного округа. / А. Н. Седельников. – Омск: Тип. Штаба Омск. в. окр., 1916. – 1. Акмолинская область. – С. 74.

8. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – СПб.: [б.и.], 1882. – С. 471.

9. Кокоулин В. Г. Краеведческие исследования в Сибири по материалам фонда «Общество изучения Сибири и её производительных сил» Государственного архива Новосибирской области // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI века: основные проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. / М-во культуры Омской обл. ОГИК музей, Сибирский филиал И-та Наследия; СКР; гл. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2022. – С. 154-159.

10. Экономическая география Сибири : пособие для учителей шк. 1-й и 2-й ступеней, учащихся старших гр. шк. 2-й ступени, техникумов, рабфаков, вузов, школ взрослых, курсов партшкол и для самообразования / под ред. А. А. Ансона, М. М. Басова, Г. И. Черемных. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1928. – С. 303.

11. Юркина Н. Н. Значение краеведения и регионоведения для познания отечественной истории // Преподаватель XXI век. : общероссийский науч. жур. о мире образования / гл. ред. С. Д. Каракозов. – М.: МПГУ, 2018. – № 3. Ч. 1. – С. 233-246.

12. Скрипкина Л. И. Краеведение и музеи – современные тенденции // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI века: основные проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. / М-во культуры Омской обл. ОГИК музеев, Сибирский филиал И-та Наследия; СКР; гл. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музеев, 2022. – С. 29-35.

13. Яновский И. И. Иртышское пароходство: годы и люди : учеб. пособие / И. И. Яновский, Г. К. Вставский. – Омск: Омский дом печати, 2001. – С. 246.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Краснов Валентин Викторович,

старший научный сотрудник отдела хранения и научного изучения музейных фондов Омского Государственного историко-краеведческого музея;

г. Омск;

E-mail: valuha-12@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Krasnov Valentin Viktorovich

Senior Researcher at the Department of Storage and Scientific Study of Museum Funds of the Omsk State Museum of Local Lore;

Omsk;

E-mail: valuha-12@mail.ru

УДК 095

С. А. Пахомчик

**МУЗЕЙ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА
В ДЕРЕВНЕ НАСЕКИНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ХРАНИТЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ**

Аннотация. В статье представлен один из музеев локальной истории Тюменской области, транслирующий культурную память о сибирском селе. В ней отражена история его формирования, этапы становления и перспективы дальнейшего развития. Делается акцент на интерактивности музея, его креативных подходах к работе с посетителями. Подробно отражена деятельность музея по сохранению и пропаганде одного из видов культурного нематериального наследия Урало-Сибирской домовой росписи. Приводится опыт участия музея в туристической деятельности.

Ключевые слова: музей, посетители, домовая роспись, народные традиции, сельские праздники, промысел, мастер-классы, туризм.

Pakhomchik Sergey Alekseevich

**PEASANT LIFE HISTORY MUSEUM
IN NASEKINA VILLAGE, TYUMEN REGION,
AS A GUARDER OF CULTURAL MEMORY**

Abstract. The article presents one of the museums of local history in the Tyumen region, broadcasting the cultural memory of the Siberian village. It reflects the history of its formation, stages of formation and prospects for further development. The emphasis is placed on the interactivity of the museum and its creative approaches to working with visitors. The museum's activities to preserve and promote one of the types of cultural intangible heritage of the Ural-

Siberian house painting are reflected in detail. The experience of his participation in tourism activities is given.

Keywords: museum, visitors, house painting, folk traditions, rural holidays, crafts, master classes, tourism.

Вступление

Музей истории крестьянского быта в деревне Насекина относительно молодой. Ему исполнилось всего три года с момента его создания. Но он стал довольно известным музеем локальной истории Тюменского региона. В настоящее время он включён в федеральный туристический маршрут «В Сибирь по своей воле». Неоднократно в музее осуществлялись киносъемки фильмов, велись телевизионные передачи федерального канала «Культура» и т. д.

Своим возникновением музей во многом обязан Почётному гражданину г. Тюмени, известному в стране учёному-геологу Нестерову Ивану Ивановичу.

Доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент академии наук СССР, лауреат Ленинской премии, академик многих общественных академий (Международной академии Геоэкологии, Международной академии минеральных ресурсов и др.) Иван Иванович Нестеров являлся одним из первооткрывателей многих месторождений нефти и газа в Западной Сибири. Ряд его открытий окрестили открытиями века, поскольку их дальнейшая разработка и эксплуатация превратили Западную Сибирь в один из самых известных в мире регионов нефтегазодобычи. Сам являясь уроженцем деревни Параткуль Долматовского (Шадринского) района Курганской области, Нестеров имел крестьянские корни и всегда с пониманием относился к селу, деревенскому укладу жизни и симпатизировал этому [1]. В зрелом возрасте приобрёл в собственность под дачу старый дом в сибирской деревне Насекина в 43 км от Тюмени по Ирбитскому тракту (бывшая Бабиновская дорога – «государев путь в Сибирь» из европейской части России). Он любил сюда приезжать на отдых и в свободное время начал работу по сбо-

ру предметов крестьянского быта, орудий труда, утвари и т. д. Накануне ухода из жизни передал все собранное своей невестке Нестеровой Инне Александровне, с завещанием продолжить начатое и создать на базе крестьянской усадьбы музей. Инна Александровна с задором взялась за дело и превратила крестьянское подворье в частный музей Истории крестьянского быта.

Основное содержание

Сегодня в современном индустриальном обществе слово «деревня» очень часто употребляется с уничижительной коннотацией. Является, по мнению многих современников, чем-то патриархальным, древним, отжившим свое. Деревня во все времена кормила продуктами и трудовыми ресурсами всю страну и продолжает делать это до сих пор. Хотя является сегодня обескровленной и мало защищенной государством. Не надо забывать, что все мы имеем крестьянские корни. Деревня – один из источников сохранения наших генетических корней. Имеющиеся сегодня музеи, отражающие историю сельского быта, деревенского уклада жизни, являются трансляторами культурной памяти российского народа. Сегодня это как никогда важно. Задача воспитания истинных патриотов своего Отечества выдвигается на первый план в культурной жизни общества.

Деревня Насекина – старинное сибирское поселение, первое упоминание о ней относится к 1623 году: «деревню основали братья Олешко и Михалко Насекины». В ней и соседних деревнях занимались кустарными промыслами, держали скот, ловили рыбу на реке, ходили в лес на зверя и птицу, собирали грибы и ягоды. В притрактовых селениях развивали кузнечное дело, мастерили сани и колеса, говорили: «...не земля нас кормит, а большая дорога». Дом, в котором расположен музей, деревянный пятистенный с подклетом (нижний этаж крестьянской избы), построенный около 150 лет назад, с хорошо сохранившимися резными наличниками на окнах. В 1970-е гг. его приобрёл под дачу И. И. Нестеров и очень любил приезжать сюда. В одной комнате он сделал кабинет, перевёз книги, альбомы,

фотографии, коллекцию камней. Во второй комнате находилась огромная русская печь и хозяйственные предметы. «Иван Иванович всегда говорил, что изба просто обязана стать музеем», – вспоминает ныне заведующая музеем Инна Нестерова, невестка легендарного геолога. Ещё при его жизни она начала выполнять это пожелание. Экспонаты для музея собирали все жители, несли в музей вещи от прабабушек. Теперь в музейном дворе стоят старые сани, телега с сеном, на лавках в доме лежат инструменты, прялки, в шкафах стоит посуда, на окнах и печи висят вышитые занавески. В подвале Кулаковского Дома культуры нашли ткацкий станок, привели в порядок, устроили выставку знаменитых тюменских ковров, на которую целый год возили школьников со всего Тюменского района.

В избе – большая русская печь, стол, лавки, кухонная утварь, домотканые половики. В горнице – печь-голландка, махровый тюменский ковёр и предметы быта середины XX в., собранные основателем музея. Гости могут попробовать укрепить лучину на кованом металлическом светце, «попользоваться» деревянным утюгом. Во дворе под навесом – ткацкий станок, длинный-предлинный стол, за которым под песни да разговоры пьют чай с сушками. В амбаре – прялки, сундуки, вёдра да бочки. На огороде, кроме грядок с овощами и садовых деревьев, много места для народных игр: в горелки, ручеек, границу, поводишь, кубарь, волчок, юлу да закидушку. Можно «нырнуть» в натуральный шатёр из растущей черёмухи, прилечь на телегу и поваляться в стоге сена.

В настоящее время экспозиции музея отражают этапы истории развития крестьянского дома, дают представление о жизни и быте крестьян XIX–XX вв., о том, как они воспринимали устройство мира, какими ремёслами владели. В горнице размещён и мемориальный комплекс – уголок личных вещей И. И. Нестерова – основателя этого уникального музея – старинной усадьбы с постройками: баней, дровяником, амбаром, стайками, большим приусадебным хозяйством.

Крестьянская одежда, хранящаяся в музее, и чудесный вид на

пойму реки привлекают сюда фольклорные ансамбли для проведения фотосессий и видеосъёмок. Региональные телекомпании в интерьере этого дома снимали многие эпизоды документальных фильмов о Н. Чукмалдине, о крестьянском сибирском восстании 1921 г. Есть в доме экспонаты – «знаменитые артисты»: ткацкий станок, что стоит под навесом, «сыграл» в фильме «Тобол», а телега – постоянный участник народных фольклорных фестивалей.

Обратили внимание на музей и представители федерального телеканала «Культура». Они снимали в музее сцены документального фильма, посвящённого сохранению традиций крестьянского быта, рукоделия и ткачества. Вместе с гостями из Москвы другие посетители музея в этот день квасили капусту, мастерили обрядовых кукол, готовили ароматный травяной чай в самоваре, варили кашу в русской печи, под руководством специалистов расписывали деревянных коньков-горбунков.

Музей находится на 34 километре Ирбитского (старого Бабиновского тракта, проложенного ещё во времена Ивана Грозного) тракта и, как известно, включён в перечень объектов для посещения в рамках федерального туристического маршрута «В Сибирь по своей воле». Туроператоры оценили интерактивное направление деятельности музея и отметили, что именно такой подход к экспозиции может стать наиболее привлекательным как для детских, так и для взрослых групп, особенно приезжающих из других регионов страны, а также из-за рубежа, где особенно ценится старина и культурная аутентичность.

В музее интересно всем – от дошкольников до пенсионеров. Кто-то вспоминает в нём своё босоногое детство, кто-то впервые погружается в быт наших предков, а кто-то, соприкоснувшись с историей, присоединяется к памяти своего рода. Музей живёт по народному календарю, как и сто лет тому назад. Весной посетителей музея ждёт погружение в крестьянский быт «В гостях на деревне»: заклички весны «На сороках», писание крапанки – яйца-желания на Пасху под волочебные песни. После Пасхи – народный весенний праздник «Красная горка» с играми

да хороводами. Летом, пройдя по огородной тропе, посетители узнают о полезных и вредных растениях, лекарственных травах: как садить, выращивать, собирать урожай. На Ивана-Купалу можно сплести венок из трав и цветов, под купальские песни поиграть и похороводиться. В августе на «Обжинках» нужно будет теребить лён, обмолачивать его цепами, «завивать бороду».

В музее прощаются с летом и встречают осень на «Осенинах», своими руками делают рябиновые бусы. На капустных посиделках на скорость и на качество рубят капусту, делают куклу Крупеничку. На «Кузьминках» уже надо и с осенью прощаться, и мастерить куклу Филипповку.

Зимой в музее проходит катание на санях, а тем, кто замёрз, всегда можно погреться на тёплой печке. Посетителям расскажут, как задобрить Деда Мороза и смастерить куклу Ангелочка. На «Колядках» ходят с песнями по соседским дворам, потом вместе едят то, что наколядовали. Гостям музея расскажут, кто такой Овсень, зачем водили Козу и при чём тут виноградьё. На зимних святках можно погадать, послушать подблюдные песни, испечь пряник-козулю, попробовать сочиво, а в день Святого Трифона – русский день влюблённых – погадать на льне, поиграть в народные игры. В феврале самый массовый и яркий праздник – Масленица со своими неповторимыми обрядами, играми и состязаниями. Завораживают народные песни, которые присутствующие на музейном празднике начинают петь уже со второго куплета, слыша мелодию и слова в первый раз в жизни: «Масленица-кукашейка», «Вы блины, мои блины».

Музеем предлагается десять мастер-классов, которые проводят экскурсоводы музея – квалифицированные мастера-ремесленники. Посетителям предоставляется возможность поработать на старинном ткацком станке, попробовать мять лён, порисовать в технике кармакской урало-сибирской росписи и др. Ребят даже учат рисовать нефтью, мастерить обрядовые куклы. Для городских жителей погружение в крестьянский быт – своеобразная экзотика. Им интересно получить навыки растопки русской печи, розжига угольного самовара. Привлекает и то,

что все экспонаты можно брать в руки, разрешена фотосъёмка. В планах музея – показать гостям как можно больше различных ремёсел и процессов: окраски тканей, изготовления валенок, плетения корзин. Одна из ближайших целей музея – создание интерактивного ресурса «Мастерская Куделица» для реализации мероприятий по популяризации традиционных ремёсел Тюменской области [2].

Музеем активно интересуются представители местных региональных туристических агентств. Они частые гости музея, обсуждают возможности развития локального сельского туризма и включение Музея истории крестьянского быта в деревне Насекина в действующие маршруты.

Сформированы специальные программы для младших школьников, в частности под названием «Филиппок». Они включают в себя чтение одноимённого рассказа, использование угля и пера для написания слов, как в старой школе, чаепитие с бубликами, рассказы про лён, а также изготовление кукол-оберегов. Для старших классов разработан и реализуется проект «Осенины»: капустные посиделки, создание кукол-оберегов, заваривание травяных чаёв с последующим чаепитием с бубликами, навыки приготовления и употребления в пищу печёного картофеля.

В целом, как показывает практика работы в туристической сфере, Музей истории крестьянского быта в деревне Насекина Тюменской области является круглогодичной интерактивной площадкой, где бережно хранят и транслируют для посетителей знания и традиции о материальном и нематериальном наследии населения Зауралья.

По данным Департамента потребительского рынка и туризма Тюменской области, музей входит в топ пяти рекомендованных к посещению туристических объектов юга Тюменской области как место традиционного бытования исторического материального культурного наследия – тюменского коврового промысла и кармакской народной домовой росписи.

В музее собрано более 400 предметов крестьянского быта: утварь, орудия труда, аутентичные старинные костюмные ком-

плексы народов, проживавших в Тюменской области. Приведены в рабочее состояние прялки и ткацкие станки, участвующие в процессе изготовления нитей и тканей для этих костюмов. Действующая команда музея владеет технологиями и приёмами обработки льняного волокна, прядения и ткачества и готова познакомить широкую аудиторию с традиционными исчезающими видами ремёсел и обучить посетителей основам ремесла.

В доме всегда рады гостям. Хозяева – сотрудники музея – мечтают освоить бондарское ремесло и учить других собирать бочки, плести из лозы, валять валенки из шерсти. Для этого они собирают материалы, истории и инструменты, с ними всегда можно поспорить, самим посетителям рассказать про крестьянскую жизнь, обряды и праздники. Хозяева и друзья дома – своеобразная большая семья, которая всегда рада общению друг с другом. Есть гости, которые приезжают по несколько раз и в какой-то момент незаметно и органично вливаются в большую музейную семью. Все с удовольствием участвуют в заготовке дров, сеянии и прополке льна. Ко льну здесь особое трепетное отношение. Как задует «тепляк» (так в Сибири звали южный ветер), и быстро, на глазах, раскроются размером с копеечку листочки на берёзе, пора сеять лён-долгунец. Надо дожидаться всходов, прополоть несколько раз от навязчивых нудных сорняков, вырастить, обработать, спрясть пряжу, изготовить нить из волокна и выткать кусочек ткани, вручную или за ткацким станом.

Активная жизнь музея привлекает и местное сообщество. Многие деревенские соседи помогают, чем могут. Однажды собрались красильщики и расписали забор у знакомых жителей Насекина, каждая его досточка стала индивидуальной и неповторимой. В 2022 г. тюменская (кармацкая) домовая роспись, при деятельном участии друзей музея была внесена в реестр нематериального наследия Тюменской области. Энтузиасты и сотрудники музея смогли доказать, что сформировавшаяся в Тюменском уезде роспись – наше бесценное наследие и наша

народная культура, как её ни назови: тюменской, и кармакской, и урало-сибирской, и цветочной, и даже петушиной [3].

В настоящее время музей располагает материальными и интеллектуальными возможностями для демонстрации традиционных видов хозяйственной деятельности, которые являются не только основой жизнеобеспечения, но и опорой культуры, мировоззрения, фольклора, обрядов, праздников, народной педагогики, традиций, сохранения преемственности поколений, что и позволяет понять культурный код народов, проживающих на территории Тюменской области.

Сегодня Музей истории крестьянского быта в деревне Насекина – сообщество ремесленников и мастеров декоративно-прикладного искусства, фольклористов, знатоков народной песни и просто душевных людей, готовых делиться своими знаниями и навыками со всеми, кто неравнодушен к истории нашего народа. В любое время года всех ждёт печёная картошка из русской печи, сбитень и травяной чай из самовара на углях.

Дети – самые желанные гости. Здесь им рассказывают про крестьянскую жизнь и традиции и то, что в них зашифровано многими поколениями, да так рассказывают, что и взрослые испытывают изумление. Сотрудники музея представляют текстильное и красильное ремесло, вместе с детьми мастерят куклы, обереги, рисуют углем, пишут на глиняных досках, на бересте, на восковых дощечках – церах. Они повествуют о том, как святой Наум-Грамотник учил детей уму-разуму, показывают, как смастерить куклу «отдарок-на-подарок», которая учила быть благодарными. Дети всё слушают, всё делают, но поглядывают всё время на печку, а когда разрешат, забираются туда, лежат, свысока посматривают, спускаться не желают.

Многие взрослые посетители не хотят покидать гостеприимный музей, а когда всё-таки после печёной картошки с травяным чаем возвращаются домой, то погружаются в сладкую дремоту, видят цветные сны, а наутро находят время, чтобы «черкнуть» пару строк в благодарность хозяевам дома-музея. Вот некоторые из таких отзывов: «Очень место у вас волшебное: исцеля-

ющее, вдохновляющее, успокаивающее». «Кажется, что просто приехал в гости к бабушке в деревню». «Я приезжаю сюда, чтобы от души поиграть на гармошке и получаю от этого огромное удовольствие». «Душевная радушная гостеприимная хозяйка». «Русский дух завораживает». «Красота, простор, а информации сколько интересной!!! С удовольствием валялись в сене, рубили капусту, добавки припрашивая, кто нарубил мельче, домой забрал». «Удивлены, очарованы, поражены. Красивые, умные, активные. Два часа пролетели незаметно. Мы уже два дня в Сургуте, но разговоры только о вас». «Как же вдохновляют люди, которые занимаются своим делом. Которые не делают вид. Которые творят чудеса своими руками. Такие встречи очищают. Делают добрее. Чувствую внутри солнце, которое вырывается наружу». «Красивая природа, хороший дом на большую семью. А нас всех понесло в города искать лучшую жизнь. Скоро назад побежим». «Полная чаша и сплошной океан любви». «Музей чудесный, просто волшебный какой-то! Изобильный огород, сладкие яблочки прямо с дерева, а вид какой – прямо дух захватывает!!!».

Заключение

Такой замечательный Музей истории крестьянского быта в деревне Насекина является транслятором культурной памяти сибирского села, русской деревни.

Планируется включить музей в туристический региональный проект «Тюменские кругосветки», одобренный на заседании 21-го Круглого стола «Музей и проблемы культурного туризма» в Государственном Эрмитаже (6-7 апреля 2023 г.).

Приобщение к основам народной культуры, поддержка национальных традиций, внимательное, не потребительское отношение к природе, вовлечение семьи в познавательную и досуговую деятельность в сельских сибирских музеях – всё это помогает воспитать гармоничную, нравственно развитую личность, патриота своей большой страны – России!

Библиографический список:

1. *Пахомчик С. А. И. И. Нестеров* – выдающийся сибирский учёный-геолог современности / Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Двадцатые Зыряновские чтения» (Курган, 1-2 декабря 2022 г. / отв. ред. Т. А. Лушникова, Д. Н. Маслюженко – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2002, с. 53-54.

2. *Пахомчик С. А., Шелегина О. Н., Нестерова И. А.* Музей истории крестьянского быта в деревне Насекина Тюменской области: роль в сохранении и развитии культурного наследия / Культурологический журнал, 2023, №3 (53) [Электронный ресурс]

3. *Пахомчик С. А.* Возрождение народного промысла Урало-Сибирской домово́й росписи как вида нематериального культурного наследия и вовлечение его в туризм // Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Двадцать первые «Зыряновские чтения» (Курган, 7-8 декабря 2023 г.) – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023, с. 30-31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Пахомчик Сергей Алексеевич

к.э.н., доцент

Тюменский государственный университет,

г. Тюмень

ABOUT THE AUTHOR:

Pakhomchik Sergey Alekseevich

candidate of Economic Sciences,

Associate Professor Tyumen State University,

Tyumen

УДК 94 (573.513)

В. К. Чертыков

ОБЛАСТНИКИ И МИНУСИНСКИЙ МУЗЕЙ (80-е гг. XIX в.)

Аннотация. Областники – патриоты Сибири – уделяли много внимания повышению образовательного и культурного уровня сибиряков. Одним из заметных очагов культуры стал Минусинский музей, возглавляемый Н. М. Мартяновым. В статье рассматривается вклад представителей раннего сибирского областничества Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и А. В. Адрианова в развитие Минусинского публичного музея.

Ключевые слова: Минусинский публичный музей, Н. М. Мартянов, А. В. Адрианов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, экспедиции, экспозиции музея.

V. K. Chertykov

REGIONALISTS AND THE MINUSINSK MUSEUM (1880 s)

Abstract. Regionalists – patriots of Siberia – paid a lot of attention to the improvement of the educational and cultural level of Siberians. One of the notable cultural centers was the Minusinsk Museum headed by N. M. Martyanov. The article considers contribution of representatives of the early Siberian regionalism G. N. Potanin, N. M. Yadrintsev and A. V. Adrianov to the development of the Minusinsk Public Museum.

Keywords: Minusinsk Public Museum, N. M. Martyanov, A.V. Adrianov, N. M. Yadrintsev, G. N. Potanin, museum expositions, expeditions.

Введение

Вопрос о сотрудничестве ранних областников с Минусинским музеем и его заведующим Николаем Михайловичем Мартьяновым освещался в работах музееведов, историков, археологов и краеведов. Вклад Г. Н. Потанина в развитие Минусинского музея осветили томские учёные Н. М. Дмитриенко и Э. И. Черняк. Они отмечают, что Григорий Николаевич, кроме оказания практической помощи, содействовал сотрудничеству музея с виднейшими российскими и зарубежными исследователями и специалистами [Дмитриенко, Черняк, 2016, с. 68]. М. А. Дэвлет в статье «А. В. Адрианов и Минусинский музей» показала, какую неоценимую помощь музею своими коллекциями, фотографическими снимками оказывал этот учёный. Автор статьи посетовала на то, что имя Адрианова, расстрелянного большевиками в 1920 г., замалчивалось, а если и упоминалось «ортодоксальными историками», то принижался его вклад в науку [Дэвлет, 2017, с. 21].

О вкладе А. В. Адрианова в становление этнографической коллекции музея писала В. Г. Чернышёва. Опираясь на материалы Минусинского музея, она отметила, что предметы культуры и быта остяков Нарымского края (хантов и селькупов), переданные Минусинскому музею в 1890 г. А. В. Адриановым заложили основу для создания этнографической коллекции малых коренных народов Сибири и Дальнего Востока [Чернышёва, 2020, с. 184]. На основе опубликованных источников и литературы мы попытаемся осветить вопрос о сотрудничестве сибирских областников с Минусинским музеем на раннем этапе его деятельности, в 1880-е годы.

Обсуждение

Первым из областников Минусинский музей посетил Александр Васильевич Адрианов (1854–1920). Летом 1881 г. он совершил экспедицию из Томска (через Кузнецк) на Алтай и в Урянхайский край. Обратившись в Томск он возвращался через Минусинск. При помощи купца Г. П. Сафьянова экспедиция по Улуг-Кему

и Енисею направилась в Минусинский округ. 20 сентября плыли с Сафьяновым мимо деревни Означенной, находившейся на левом берегу Енисея, проплыли деревни Саянскую и Шунер, что на правом берегу, и высадились в деревне Очур, находившейся на правом же берегу Енисея. Здесь наняли лошадей и, переменяя их в Шуше, ночью добрались до Минусинска. Через два дня прибыл их плот с рабочими. В Минусинске Адрианов пробыл две недели для ознакомления с музеем. Его очень заинтересовали находившиеся там камни с руническими письменами [Чертыхов, 2022, с. 163]. Мартьянов в это время занимался составлением и подготовкой к изданию «Каталога музея». По-видимому, в это же время у Адрианова возникло желание познакомить сибирскую общественность с Минусинским музеем.

В начале 1882 г. Н. М. Мартьянов опубликовал «Каталог и краткое описание Минусинского музея» [Мартьянов, 1881], призванный познакомить научный мир с деятельностью музея и положить начало плодотворным научным связям [Яворский, 1961, с. 27]. А. В. Адрианов получил «Каталог» в начале февраля 1882 г. и на основании его данных написал статью (без подписи. – В. Ч.) о музее. Уже 7 марта она была опубликована в «Сибирской газете». Назначение статьи он определил так: «Мы сочли своим долгом обратить внимание всей образованной Сибири на такое выдающееся явление в нашей жизни, как основание и успешное развитие Минусинского музея» [См. Приложение]. «В Сибири есть и были музеи, – писал он, – но они не могут быть ни в каком случае поставлены в ряд с Минусинским, как потому, во-первых, они не преследуют общеобразовательных целей, так и потому, что поставлены самым казенным образом, содержатся небрежно, не развиваются и мало доступны публике». Эта газетная публикация способствовала популяризации Минусинского музея в сибирском обществе.

Минусинск стал исходным пунктом следующей экспедиции Адрианова в 1883 г. Н. М. Мартьянов оказывал ему всемерную поддержку, а также отрядил ему в помощники Д. А. Клеменца, отбывавшего ссылку в Минусинске. Вернувшись из экспеди-

ции, в письме к секретарю Географического Общества (от 6 ноября 1883 г.) Адрианов сообщал, что им собрана, кроме прочих предметов, этнографическая коллекция из следующих принадлежностей: полный свадебный (новый) костюм сагайских татар, полный качинский шаманский костюм (бубен, шуба и колпак), бубен бельтыров, две люльки – качинская и мрасских татар, абыл, которым вспахивают землю в черни, берестяная посуда, употребляемая в домашнем обиходе и при жертвоприношениях, идолы черневых и абаканских татар и др. предметы. Также он оставил деньги на приобретение и высылку двух бубнов с Мрасса, лыж, ткацкого станка и проч. Большая часть коллекций должна была поступить в Западно-Сибирский отдел Географического Общества, давший ему основные средства на поездку [Чертыков, 2022, с. 168]. Часть своих добытых коллекций он передавал Минусинскому музею. Н. М. Мартянов позже отмечал, что экспедициями А. В. Адрианова в 1881 и 1883 гг. были доставлены музею некоторые дублиеты собранных ими коллекций [Мартянов, 1889, с. 315]. В 1887 г. музей экспонировал одежду и убранства хакасов и фотографии археологического отдела в Екатеринбурге на выставке, организованной Уральским обществом любителей естествознания, где был удостоен серебряной медали [Яворский, 1961, с. 33]. Нет сомнений, что часть этих материалов была подарена музею А. В. Адриановым.

Адрианов принимал самое деятельное участие в судьбе музея. Быстрый рост коллекций музея вызывал необходимость строительства для него специального здания. Именно Адрианов был тем, кто проявил инициативу и обратился к известному меценату-золотопромышленнику И. М. Сибирякову с ходатайством о пожертвовании средств, и Сибиряков сделал главный вклад в строительство музейного здания. Закладка музея состоялась 17 мая 1887 г. [Дэвлет, 2017, с. 23].

Вслед за Адриановым музей посетил его старший товарищ и единомышленник Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894). В мае 1886 г. по поручению Географического общества и на средства его Восточно-Сибирского отдела он совершил поездку

из Санкт-Петербурга в Сибирь до Иркутска и Байкала с целью осмотра сибирских музеев, в том числе Минусинского, а также для этнографического исследования остяков и саянских племён в Минусинском округе. Он проследовал по маршруту: Санкт-Петербург – Москва – Екатеринбург – Тюмень – Тобольск – Томск – Мариинск – Ачинск – Красноярск. Из Красноярска он проехал по Енисею до Минусинска. Затем обратно в Красноярск до Иркутска, оттуда совершил экскурсию на оз. Байкал. Обратно он возвратился по главному тракту, не заезжая больше в Минусинск.

24 февраля 1887 г. на Общем собрании Императорского Археологического общества он сделал сообщение о своей поездке в Восточную Сибирь. Его отчёт был опубликован в «Записках Археологического общества» [Ядринцев, 1887]¹.

В его отчёте имеются следующие сведения о Минусинском музее. После осмотра красноярских древностей и общения с И. Т. Савенковым Ядринцев «счёл своим долгом» побывать в Минусинске – осмотреть музей, а также сделать экскурсию, чтобы взглянуть на присаянские древности и сравнить минусинские могилы с алтайскими, ранее им исследованные. В своём докладе в Археологическом обществе он с удовлетворением отметил: «поездка в Минусинский округ дала богатые результаты для меня и было истинным наслаждением» [Ядринцев, 1887, с. XVI].

Музей помещался в нижнем этаже местного училища и занимал семь отделений: общественная библиотека, музейная библиотека, естественно-исторический отдел, сельскохозяйственный, кабинет учебных пособий, этнографический отдел и археологический отдел. Он произвёл на Ядринцева благоприятное впечатление: «Музей этот замечателен тем, что не представляет кладовую с беспорядочным собранием предметов, но все они точно классифицированы и находятся в превосходном порядке. Коллекция сделана научная. При музее ведётся точный журнал

¹ Этот отчёт переиздан в Томске [Ядринцев, 2019].

и имеются указания, откуда предметы получены, кем и где найдены. Наконец в журнал вносятся все предшествовавшие находки и раскопки в округе. Превосходно составленная коллекция дала возможность издать ныне каталог с подробным описанием древностей Минусинского округа, составленный Д. А. Клеменцом². При музее кроме того работал даровитый рисовальщик художник Станкевич, который делал рисунки археологических предметов, рисовал могилы, памятники и поместил в музее акварельные картины этнографического содержания».

Ядринцев отметил, что музей растёт очень быстро и умножаются его предметы по археологии, а деятельность Н. М. Мартянова и его помощника Д. А. Клеменца заслуживают особого внимания и поощрения [Ядринцев, 1887, с. XVI-XVIII]. Он констатировал, что собранные сведения о курганах Минусинского округа уже теперь дают возможность составить археологическую карту Минусинского округа. Карта Клеменца с обозначением курганов и карта Савенкова с указанием писаниц дают для этого богатый материал [Там же, с. XXII].

Отчёт Н. М. Ядринцева произвёл самое благоприятное впечатление в научных кругах столицы. Особенно поразительными оказались сведения, касавшиеся Минусинского музея: о научной работе, журнале поступлений и о том, в каком идеальном порядке хранятся экспонаты музея. Ядринцеву и др. знатокам музеев хорошо было известно, в каком беспорядочном состоянии находятся музеи даже в самой столице. Так, к примеру, музей антропологии и этнографии, выделившийся из Кунсткамеры, никакой научной работой не занимался. Предметы в музее хранились без всякой регистрации. Только после смерти прежнего директора Л. И. Шренка (1894 г.) и прихода на его место В. В. Радлова была проведена регистрация накопленных коллекций из 29 тыс. предметов [Токарев, 2015, с. 564]. В других музеях царил такой

² Н. М. Ядринцев имеет в виду изданную в том же 1886 г. в Томске книгу Д. А. Клеменца «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох: атлас».

же беспорядок: предметы лежали, сваленные в отдельные кучи, без всякой регистрации.

Григорию Николаевичу Потанину (1835–1920), длительное время находившемуся в различных экспедициях, не удалось посетить Минусинский музей. Тем не менее, он живо интересовался жизнью музея, был лично знаком с Н. М. Мартьяновым и находился с ним в длительной переписке.

К тому же этих учёных-энтузиастов объединяла любовь к ботанике³.

Г. Н. Потанин и вице-председатель Русского географического общества П. П. Семёнов были первыми, кто откликнулся на призыв оказывать поддержку музею. П. П. Семёнов прислал в дар музею коллекцию жуков, Г. Н. Потанин подарил коллекцию окаменелостей [Дмитриенко, Черняк, 2021, с. 258]. Потанин в конце 1881 г. посылает письмо Н. М. Мартьянову, в котором сообщает о своём желании стать «помощником в создании умственной ячейки в Минусинске» [Яворский, 1961, с. 28-29]. Кроме отправки своих коллекций, Г. Н. Потанину удалось организовывать присылку в музей книг и небольших коллекций от руководителей Императорского Русского географического общества П. П. Семёнова и барона Ф. Р. Остен-Сакена. В 1887 г. Потанин поспособствовал доставке в Минусинский музей четырёх художественных альбомов И. И. Шишкина, а затем и работ В. И. Сурикова [Дмитриенко, Черняк, 2016, с. 68].

К сожалению, не имея реального представления о материальном положении музея (отсутствие отдельного здания, финансирования и пр.), Григорий Николаевич в письмах к Николаю Михайловичу предлагал осуществлять явно несбыточные проекты.

³ Г. Н. Потанин осенью 1859 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Особенно он увлекался ботаникой. К сожалению, Григорий Николаевич не смог окончить университет. На третий год его обучения в университете начались студенческие волнения; весной 1862 г. занятия были прерваны и университет был закрыт на неопределённое время. Студенты-сибиряки вернулись домой. Ещё будучи студентом, Г. Н. Потанин познакомился с известным учёным Петром Петровичем Семеновым (с 1906 г. – Тянь-Шанский), с которым впоследствии тесно сотрудничал на ниве просвещения и науки.

Так, полагая, что музей уже перерос региональный уровень, он считал необходимым открыть в музее художественный отдел и кабинет художественных произведений и выставить в них головы античных статуй. С просветительскими целями предлагал устроить выставку земледельческих орудий, и не местных, а усовершенствованных, европейских, – косы, грабли, модели плугов, жатвенных машин, мельниц и др.

Г. Н. Потанин советовал организовать в музее золотопромышленный отдел с моделями золотопромышленных машин, ручных орудий, а также с образцами шлихов и золотых самородков. Предполагал возможным изготовить рельефную карту Минусинского округа, познакомить посетителей с географией и природными богатствами местного края.

В 1883 г. во время морского путешествия по пути в Китай Г. Н. Потанин писал Н. М. Мартьянову о необходимости создания в музее Палестинского отдела. Обосновывал свое предложение тем, что палестинский отдел позволил бы познакомить сибиряков со страной, где «проходила жизнь Учителя». Предлагал подготовить рельефную карту Иерусалима, собрать гербарий растений, упоминаемых в Библии, представить утварь и орудия труда местного населения, фотографические виды Палестины. Он пытался связаться со специалистами в Петербурге и Иерусалиме, чтобы начать формирование палестинской коллекции для Минусинского музея [Дмитриенко, Черняк, 2016, с. 69-70]. Разумеется, эти грандиозные проекты не могли быть претворены в жизнь.

Заключение

Областническое движение возникло не в Сибири, а в Петербурге, в среде патриотически настроенного студенчества. Сибирское землячество выработало «главные местные сибирские вопросы», ставшие стержнем деятельности областников. Одной из проблем, без решения которой областники считали невозможным нормальное развитие Сибири, являлось создание и закрепление в Сибири своей, местной интеллигенции. Для пре-

творения в жизнь этого пункта программы следовало добиваться открытия в Сибири университета и повышения общего образовательного и культурного уровня сибиряков. Деятельность местных музеев, способных взять на себя дело просвещения народа, соответствовала программным установкам областников. Поэтому А. В. Адрианов, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин прилагали все усилия для того, чтобы крепили и развивались такие рассадники культуры, как Минусинский музей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сибирская газета. 1882. 7 марта (№ 10). Столбцы 229-234.

Минусинский Публичный местный музей

Одним из самых могущественных орудий образования необходимо признать музеи – учреждения, материал которых, собранный со всех концов мира, по всем отраслям наук и ремесел, при систематическом его распределении, позволяет наглядным образом всякому и необразованному человеку получить такие знания, которых иным путем получить не представляется возможности. С другой стороны, для образованного человека материал музея составляет незаменимое пособие при всяких самостоятельных работах и исследованиях, при разработке нерешенных научных задач. Сгруппированный по каждому естественно-научному отделу особо (ботаника, зоология, минералогия) и притом систематически, этот материал сразу и наглядно показывает посетителю музея, какое обилие отдельных видов производится природою, какое между ними разнообразие, указывающее на постоянный прогресс в развитии форм, животных и растительных, на постепенное развитие сложных организмов из простейших и несовершенных форм. Геология, представляющая историю земли в древнейшие периоды ее существования, дает дополнительный к этому живому миру материал, на основании которого связь между простыми и более сложными формами устанавливается с поразительной ясностью; остатки, окаменевшие от вымерших форм животных и растений, указывают на протекшие миллионы лет в жизни земли, безостановочно и постоянно развивавшейся, указывают на происходившие перемены, на изменившиеся условия существования, к которым не могли приспособиться организмы, и потому вымерли, уступив свое место другой, более совершенной организации, заключающей в этом самом совершенстве залог для дальнейшего развития. И какая величественная картина проходит перед зрителем, какая богатая пища для ума, какой могучий двигатель для раз-

вития! Конечная форма, до которой дошло развитие животного мира – человек, совершеннейшее создание природы, и ему, по справедливости, должно быть отведено преимущественное место в ряду различных предметов музея. Археология, антропология, этнография (этнология) знакомят нас с историей человека, с развитием его культуры с самых древнейших времен, т. е. почти с появлением человека в ряду органических существ и до настоящего времени. Предметы, собранные в музее, опять могут дать картину, которая представляет ход постепенного развития человека, как отдельного организма, как особи животного царства; эти предметы покажут, как мало человек в первобытном своем состоянии был развит физически, как мало отличался он от животного, ему предшествовавшего, как затем начали дифференцироваться его способности в пользовании различными предметами, необходимыми для прокормлении себя и для защиты от врагов, и как начал он совершенствовать эти способности, постепенно пользуясь сначала куском кремня, как орудием, затем обделывая этот камень как более совершенное орудие и переходя от него к орудиям из кости, меди, железа и сплавов. Десятки тысяч лет прошли с тех пор, как человек выбрался из своего первобытного животного состояния и перешел к тому, в котором находится в настоящую эпоху; это время нужно было ему для того, чтоб выработать связную членораздельную речь из той простой первобытной речи, содержание которой составили несколько простых звуков; эти годы понадобились ему для того, чтобы развить свои силы и способности и перейти от незамысловатой постройки дольменов и свайных жилищ к тем грандиозным зданиям, которые составляют теперь верх архитектурного искусства, от простого глиняного необожжённого горшка грубой формы и отделки, от одежды из волокон крапивы, из звериных шкур, ко всему, что так обыкновенно для нас в современной жизни.

Этим далеко не исчерпываются задачи музея. Не одно удовлетворение любознательности человека, не одно желание расширить умственный кругозор его и дать пищу для размышления,

для созерцания в сфере отвлеченной, составляет цель музея, а также и практические интересы, желание прийти на помощь промышленности и науке. Собирая образцы фабрикатов и материалов, из которых они приготовлены, как заводской, так и кустарной промышленности, как относительно производства на месте, так и в других странах, музей может дать в руки нуждающегося такой богатый сравнительный материал, который сразу укажет, на какой высоте известное производство находится в данной местности, какие недостатки в этом производстве в другой, и на путь к усовершенствованию той или другой отрасли промышленности. Чтобы совершенствовать свое ремесло, положим горшечнику, ему нужно видеть разнообразные формы посуды, материал, чистоту и крепость работы и т. д., чтобы совершенствовать крестьянке свое тканье, разнообразить узоры этого тканья, ей необходимо видеть опять образцы различных работ. Словом, это касается простых, несложных производств, музей может оказать услугу быстро, в одно какое-нибудь посещение. С другой стороны, для исследователя, для ученого музей может представлять богатый материал по различным отраслям знания, может дать новые темы для работ, вызвать экскурсии, новые исследования на месте, с которого собран материал.

Вот цели и значение музея, как учреждения общеобразовательного. Такими, именно, целями задался первый и единственный во всей Сибири музей, удовлетворяющий своему назначению, музей города Минусинска. Вышеприведенное заглавие настоящей статьи, есть заглавие, под которым к январю 1882 г. вышла в свет книжка, содержащая каталог и краткое описание музея, составленное членом комитета, заведывающего музеем, Н. М. Мартьяновым. На этом кратком (по скромному выражению составителя) описании мы и остановимся.

В Сибири есть и были музеи, но они не могут быть ни в каком случае поставлены в ряд с Минусинским, как потому, во-первых, они не преследуют общеобразовательных целей, так и потому, что поставлены самым казенным образом, содержатся небрежно, не развиваются и мало доступны публике. Музей в Барнауле

составлен с специальными целями, и когда-то хранил, говорят, драгоценные экземпляры минералов и проч., но в настоящее время он расхищен; музей в Иркутске точно также содержался небрежно, составлялся случайно, из тех приношений, которые сносились в него самими жертвователями, и все, что было в нем ценного, сгорело дотла в ужасный пожар 1879 года. История Минусинского музея другая; его задача гораздо шире. Цель нашей статьи познакомить читателей подробно с этим учреждением на основании данных, заключающихся в каталоге.

В 1874 г. в Минусинск приехал молодой натуралист Мартыанов, задавшийся мыслью поехать по окончании курса в такую местность, которая была бы наименее исследована в научном отношении и представляла бы наибольший материал для этих исследователей. Обстоятельства так удачно сложились, что выбор его мог пасть на Минусинск, одну из самых любопытных местностей Сибири в многих отношениях. С самого приезда он начал собирать материал, составлять и систематизировать коллекции, а в 76 г. принес в дар городу значительную часть этих коллекций с целью положить ими начало местному музею. Заявление, поданное им в городскую думу, встретило полное сочувствие, и в том же 76 г. дума исходатайствовала у начальника губернии официальное утверждение музея, отвела для него помещение, и избрало комитет, выработавший устав музея, и с 1880 г. назначила из городских сумм ежегодную субсидию в размере 200 р. Следует отметить, что такое отношение Минусинской думы к задачам образования является беспримерным в ряду всех сибирских дум, тем более, что Минусинск, маленький захолустный городок, располагает доходами не более 12-14 тысяч рублей в год и отчисляет на свои учебные заведения до 30 процентов всего своего прихода. Из года в год увеличивались коллекции музея, расширялось его знакомство с округом и стали устанавливаться живые сношения музея с разными лицами, изъявлявшими готовность помогать учреждению деньгами, трудами, приношением коллекций – указание, что польза основания музея сознавалась массою лиц. Установлению этой живой

связи музея с населением города и округа способствовало, без сомнения, полнейшее отсутствие канцелярской рутины и казенщины, музей открыт ежедневно для всех и бесплатно, охотно дает всякие справки, указания и советы на все запросы, с какими обращаются к нему ремесленники, крестьяне, инородцы, золотопромышленники и т. д. Музей ставит себе задачею представить в миниатюре все, что производится в крае, а не ограничивается только естественно-историческою частью, собирать не только вещественные экземпляры для выставки, но и различные сведения, касающиеся местного края, в виде сочинений, журнальных статей, рукописей и т. д. Во вступительной статье каталога представляется краткий очерк округа, его географическое положение, пространство, орография, рудные богатства, историческое значение, затем население округа и проч. и, наконец, отчет о музее и библиотеке при нем к началу 81 г.; музей имел до 7000 назв. различных предметов, а библиотека достигла до 5000 томов. Музей занимает несколько комнат, больших, хорошо освещенных и превосходно меблированных. В одной помещаются естественно-исторические коллекции, в другой – отдел производства и промыслов, в третьей антропологический (археология, этнография) отдел, одна комната занята складом дублетов, предназначенных для обмена, и еще одна – библиотекою. Естественно-историческая коллекция самая большая и богатая в музее. Она состоит из 3739 предметов и 1233 дублетов; из них чучел и др. частей позвоноч. 267, насекомых 1044, членистых и низших живот. 136, ископаемых древней фауны 30, растений, располож. по формациям (степные, лесные, луговые и т. д.), 747, системат. коллекция растений из 1309 экз., отпечатков древней флоры 180, минералов и горных пород 180. Из этой таблички видно, чем богат музей и чем беден; обилие растений в его коллекциях объясняется тем, что г. Мартыанов ботаник. В каталоге подробно указано, какие коллекции и как размещены, кем доставлены, и т. д. с тою, конечно, целью, чтобы дать указание при устройстве музеев другими лицами, как и что следует сделать. Нужно еще заметить, как относительно

этого отдела, так и других, что все предметы собраны в Минусинском округе, и потому Минусинский музей вполне местный. Отдел производств и промыслов состоит 2122 предметов: 340 произведений заводской обработки, 1558 произведений кустарной промышленности, ремесел и рукоделий, 183 лесных и рыбных промыслов и охоты на зверей и 41 предм. горной промышленности. О состоянии заводской промышленности находим в каталоге следующие подробности: в округе действует 4 винокуренных завода, в которых в операцию 79 г. Выкурено спирта 170860 ведер, на сумму 850000 р.; самый большой из них принадлежит Даниловым, на нем выкуривается ежегодно до 100000 ведер. Главный сбыт спирта по Енис. губ., и частью в Иркутск. На трех крупчаточных мельницах в округе перерабатывается до 100000 пуд. пшеницы, которая сбывается по Енис. губ., а частью по Иркутской и в Китай. В 200 верстах от Минусинска находится Абаканский железо-делательный завод, и чугунно-литейный завод, основанный в 1860 г. купцом Кольчугиным и принадлежащий теперь Пермикиным. Завод пользуется землею и лесом в количестве 100000 десятин. Руда, состоящая из магнитного железняка, желез. блеска и шпата, добывается в 2 верстах от завода. В 1879 г. на заводе было 514 чел. служащих и всех рабочих. Выделано изделий 50593 пуда на сумму 124531 руб. Сбыт производится по Енисейской, Томской и Иркутской губерниям и частью в Китай. Приведенные цифры показывают, что завод этот, не смотря на хорошее качество руд, обилие их и легкость добычи, не смотря на все благоприятные условия для расширения деятельности, не развивается и, вероятно, придет в совершенный упадок, если будет находиться в тех же руках. В 250 верст. от Минусинска, по р. Печище, находится медеплавильный завод, неустроенный и до настоящего времени. С 80 г. руда для него добывается на Маинском руднике, около дер. Означенной. Толщина жилы от 3 до 4 аршин. В 80 г. руды добыто 6000 пуд. На Бейском соленом озере находится солеваренный завод, арендуемый Тюфиным; на заводе 3 варницы, вместимостью в 3000 ведер. Добыча рассола и выварка соли производит-

ся зимой, в течение которой вываривается до 60000 пуд. Соли серого цвета и содержит много посторонних примесей. К сожалению, это производство не развивается и не удовлетворяет потребностей населения, находясь в монопольном пользовании одного лица; отмена акциза с соли не имела равно никакого значения без отмены монопольной системы пользования соляными источниками и не понизила цены на этот важнейший предмет потребления, не увеличила ни добычи соли, ни добычи из нее минеральных солей и кислот. За 25 вер. от Минусинска находится стекловаренный завод, с 3 плав. печами. В 80 г. приготовлено изделий (листовое стекло, простая и полубелая посуда) на сумму около 37000 руб. Заводов химических и для приготовления писчей бумаги нет, а между тем, масса тряпья, костей, шерсти и крови пропадает совершенно напрасно, только заражая воздух своим гниением. Далее в каталог идут ремесла и кустарная промышленность. Кожевенных заводов в округе мало и деятельность их невелика; обрабатывается кож на сумму приблизительно 20000 руб., а между тем ввоз их простирается на 33000 руб. До 10000 кож вывозится из округа в сыром виде. Производство шуб и катанок сосредоточено всего более в самом Минусинске, где выделяется ежегодно до 2000 пар катанок, а в округе до 3000 пар. Сбыт их в Енисейскую губ. и в Иркутск. В Иркутск же идет до 1000 черненных нагольных шуб, и до 2000 по округу и в Енисейск. Сальных свечей готовится в округе до 4000 пудов, на 28000 руб. Мыла, дурного качества, готовится до 3000 пуд., столярного клея до 200 пуд. Сальных свеч вывозится из округа на 7000 руб. и, наоборот, мыла и стеариновых свечей ввозится на 17000 руб. гончарные изделия производятся в Минусинске и округе и удовлетворяют местным потребностям; фаянсовых и фарфоровых изделий нет, их привозится из России тысячи на три руб. Производство кирпича ничтожно, несмотря на дешевизну материала и рабочих рук, а о добыче строительных материалов, как, напр., ровельного сланца, которого в округе много, никто и не помышляет. Добыча полезных материалов, кроме золота и железных рук, самая ничтожная, не смотря на

обилие этих камней, красок и проч. Добывается только жерновой и точильный камень. Шорное производство ничтожно, едва удовлетворяет местные потребности. Изделия из шерсти, если и существуют, то как ручное, домашнее производство, не смотря на то, что обилие материала дало бы существование большой фабрики; сукна и др. изделий из шерсти привозится в округ на 50000 руб., а в 80 году вывезено овечьей и др. шерсти до 2000 пудов. Ежегодно из Минусинского округа вывозится до 250 пуд. щетины и до 500 пуд. конского волоса. Щепной промысел мало развит, все изделия приготавливаются из кедрового леса. В музее есть большая коллекция льняных изделий, которая дает представление о качестве и количестве этих работ, но нужно заметить, что лучшие произведения принадлежат колонистам и переселенцам из России, как по чистоте работ, ширине сукон и драпировок (до 2 арш.), так в особенности по богатству рисунков. В Минусинском округе приготавливается растительных масел на 60000 руб., сбыт по всей губернии. О рыболовстве нет подробных сведений в каталоге. Соболя добывается в округе до 700 штук, белки до 300000, горностаев до 1000, лисиц разных сортов до 200 штук, и волков до 300, медведей до 200, сохатых до 400, изюбрей (марал – *urv. Claphus. L.*) до 300, косуль до 4000 и кабарги до 500 штук, ежегодно. Из этих цифр видно, какое богатство и разнообразие мехов сосредоточено на небольшом пространстве Минусинского округа, а что же сказать о всей Сибири? И не смотря на это, скорняжный промысел развит весьма плохо, хорошие меха из сибирской пушнины выписываются из Москвы и обходятся сибиряку, конечно, дороже, чем москвичу. В группе произведений золотопромышленности музей располагает коллекцией образцов, содержащих самородное золото и шлихтовое, а также сопровождающих их пород с различных приисков округа. Третий отдел музея и последний – антропологический, состоящий из 485 железных и чугунных предметов, 355 медных и бронзовых, золотых и серебряных 10, костяных 4, каменных 39 и глиняных 15. В будущем этот отдел обещает быть очень богатым, так как Минусинский округ служит местом пре-

бывания различных народностей с самой глубокой доисторической древности. Каждая из этих народностей, начиная с человека каменного периода и кончая народом неизвестным, сошедшим с исторической арены, и имевшим письменность, оставила по себе память, в виде орудий домашнего обихода, оружия, надписей на скалах и камнях, рисунков, могил, городков и т. п. В этом отделе, кроме предметов древности, хранятся костюмы нынешних аборигенов округа, различные орудия их, модели жилищ, принадлежности шаманских костюмов и проч., и проч. При музее предположен кроме перечисленных отделов еще сельскохозяйственный, но пока он еще беден образцами, и программу по этому отделу нужно считать невыполненной. В конце 1881 г. при музее положено начало кабинету учебных пособий, важнейшему вспомогательному средству для начального образования; мысль о нем, вероятно, давно созрела у учредителя музея, готового вообще на всякое содействие к распространению знаний, но не могла быть осуществлена по недостатку средств. Теперь, благодаря теплоте участию Е. П. Кузнецовой, пожертвовавшей на основание этого кабинета 300 рублей, мысль можно считать осуществившейся.

Мы сочли своим долгом обратить внимание всей образованной Сибири на такое выдающееся явление в нашей жизни, как основание и успешное развитие Минусинского музея. Вся Сибирь может гордиться этим учреждением, о котором заграничная печать говорила с удивлением, изумляясь, что на такой далекой, глухой окраине струится умственная жизнь и пробивает так настойчиво дорогу к свету. Вся Сибирь может принести благодарность минусинскому обществу за его беспримерное сочувствие и фактическое содействие делу образования. Всякий образованный сибиряк должен помогать и трудами, и материальной поддержкой учреждению, развитие которого не только в высшей степени желательно, но необходимо.

Библиографический список:

Дмитриенко Н. М., Черняк Э. И. Благотворительность и пожертвования в музейном деле Сибири в XIX – начале XX в. // Музееведческие исследования в Томском государственном университете: к 80-летию профессора Э. И. Черняка / науч. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2021. С. 252-267.

Дмитриенко Н. М., Черняк Э. И. Вклад Г. Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 404. С. 67-76.

Дэвлет М. А. А. В. Адрианов и Минусинский музей // Переиздание I сборника 1989–1999 гг., указатель докладов и статей 1999–2015 гг. Вып. X. Минусинск: Интеллектуальная издательская система Ridero, 2017. С. 21-26.

Мартянов Н. М. Краткий очерк развития Минусинского музея с 1877 по 1889 г. // Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год. Красноярск: Енисейская губ. тип., 1889. С. 313-323.

Мартянов Н. М. Минусинский публичный местный музей. Каталог и краткое описание. Составлены членом Комитета, заведывающего музеем Н. М. Мартяновым. Томск: лито-типография Михайлова и Макушина, 1881. 129, 7 с.

Токарев С. А. История русской этнографии / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 656 с.

Чернышёва В. Г. Этнокультурное наследие коренных народов Сибири и Дальнего Востока в коллекциях Минусинского музея им. Н. М. Мартянова // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы VII Международной научной конференции, посвящённой году хакасского языка и юбилейным датам со дня рождения основоположников хакасского языкознания: 100-летию Д. Ф. Патачаковой и 90-летию М. И. Боргоякова (23-24 сентября 2020 г.). Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2020. С. 183-189.

Чертыков В. К. Историко-этнографическое изучение Хакасско-Минусинского края в 50–80-е годы XIX века. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2022. 352 с.

Яворский Г. И. Николай Михайлович Мартянов. Краткий очерк

жизни и деятельности основателя Минусинского музея. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1961. 51 с.

Ядринцев Н. М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 году для обозрения местных музеев и археологических работ (сообщение Н. М. Ядринцева о его археологической поездке в Сибирь) // Записки Императорского Русского археологического общества. 1887. Т. III, вып. первый. Новая серия. С. II-XXVI.

Ядринцев Н. М. О поездке по восточным территориям России для обозрения музеев и археологических работ // Музееведческое наследие Северной Азии. Вып. 2: Труды музееведов последней трети XIX – первых десятилетий XX века / Н. М. Дмитриенко, Э. И. Черняк, А. Д. Дементьев, И. А. Голев, С. Е. Григорьева. Томск: изд-во Том. ун-та, 2019. С. 81-109. Публ. по: Ядринцев Н. М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ: отдельный оттиск из Записок Императорского Русского археологического общества. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1887. 26 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Чертыков Валерий Карпович,

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник сектора истории,

Хакасский научно-исследовательский институт

языка, литературы и истории,

Абакан, Россия

E-mail: chertyckov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Chertykov Valery Karpovich,

Candidate of Historical Sciences,

Senior Researcher of the Department of History,

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Abakan, Russia

E-mail: chertyckov@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ..... 3

Дроздов Н. И., Макулов В. И., Привалихин В. И.
ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДОЛИ-
НЫ РЕКИ ПОДКАМЕННАЯ ТУНГУСКА В КРАСНОЯР-
СКОМ КРАЕ (1921–2021 годы).....3

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....25

Дерова А. В. ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВ-
НОЙ ЦЕРКВИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА
МИНУСИНСКА В XIX – НАЧ. XX В.....25

Старков О. Г. НАЧАЛО СИБИРСКОГО ТРАКТА. ТЮ-
МЕНЬ XVII ВЕКА.....32

Чанкова И. В. КИТАЙСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧ-
НИКИ КАК СРЕДСТВО ВОСПРОИЗВОДСТВА ЛО-
КАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ.....45

Шекшеев А. П. КАРАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
БЕЛЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ
(ЛЕТО 1918 – ОСЕНЬ 1919 гг.).....50

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ..... 100

Ахремчик О. Г. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
ХАКАСИИ 1992-1998 г.100

Кухта С. В. «УЧИТЕЛЬСТВУЯ ПО ПРИЗВАНИЮ». О-
СОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РАБОТНИКА Г. МИНУСИН-
СКА В 1924 г.....110

РАЗДЕЛ IV. ПАМЯТИ В. Д. КОЖАНЧИКОВА.....122

Максимов Р. Э. ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ КОЖАНЧИКОВ. ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ.....122

РАЗДЕЛ V. ЭТНОГРАФИЯ.....149

Чарышова М. Ю. ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРОДНОГО ПРАЗДНИКА ЭЛ-ОЙЫН.....149

РАЗДЕЛ VI. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО.....162

Абрамова П. В., Талипов Р. М. МЕСТО ФЕСТИВАЛЕЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ.....162

Карпухина Д. В. ПИСЬМО В. Ю. ГРИГОРЬЕВА ВИЦЕ-ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ СЕМЁНОВУ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА.....171

Краснов В. В. УЧЕБНАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ФОНДЕ РЕДКОЙ КНИГИ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ.....181

Пахомчик С. А. МУЗЕЙ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА В ДЕРЕВНЕ НАСЕКИНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ХРАНИТЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ.....195

Чертыков В. К. ОБЛАСТНИКИ И МИНУСИНСКИЙ МУЗЕЙ (80-е гг. XIX в.).....206

Научное издание

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА**

Сборник статей

Выпуск 6

Редактор – В. Г. Чернышёва
Дизайн макета, вёрстка – О. В. Войда

Подписано в печать:
Формат: 60x84¹/₁₆ Гарнитура: Minion Pro
Тираж 150 экз.

Отпечатано ООО «Издательские решения»